ISSN 2658-6541

ИСТОРИЯ И АРХИВЫ

Научный журнал

Основан в 2006 г.

HISTORY AND ARCHIVES

Academic Journal

Founded in 2006

3 • 2021

"History and Archives"
Academic Journal
There are 4 issues of the journal a year

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Academic journal "History and Archives" is included in the Russian Science Citation Index; in the Higher Attestation Commision list of leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.6.1 Russian History

5.6.2 World History

5.6.5 Historiography, Source Studies and Methods of History Research

5.6.8 Document Research, Records Management, Archives Administration

Aims and domain

The "History and Archives" is a peer-reviewed academic journal, the aim of which is to publish the results of the research based on the archival documents – the research evaluating the events, phenomena and processes of national and world history. The task of the journal is the analysis of urgent issues of source studies, historiography, archival science, records management, and also of the archival component of exploration in the field of history and documentary heritage within the system of cultural values.

The mission of the journal is to facilitate the development of inter-disciplinary research that generalizes the contemporary experience of the use of historical sources kept in archives and in the manuscript departments of museums and libraries. The journal publishes the materials pertinent to the analysis of the changes in archives activities when new information technologies are implemented, the materials connected with the study of the problems of historical archival science, the materials related to the multilateral cooperation and harmonious combination of the results of the work of historians and archivists for the benefit of information maintenance of historical science. The journal is targeted at the publication of scientific reviews, research papers and articles related to the study of the whole complex of theoretical, scientific and practical issues that pertain to the development of the humanitarian strategy of the educational function of archives and to the cooperation of historians within the "archives–researcher" system.

The journal accepts for publication original articles, comprehensive research papers by Russian and overseas authors, reports that have never been published before.

"History and Archives" is registered by the Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media 03.08.2018, reg. no. PI FS77-73410

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047

tel: 8-495-250-68-68

e-mail: ioad@yandex.ru

© History and Archives, 2021

«История и архивы»
Научный журнал
Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Научный журнал «История и архивы» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень ВАК – ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Российской Федерации решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Научные рецензируемые публикации соответствуют отраслям науки:

5.6.1 Отечественная история

5.6.2 Всеобщая история

5.6.5 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

5.6.8 Документалистика, документоведение, архивоведение

Цели и область

«История и архивы» – рецензируемый научный журнал, цель которого заключается в публикации основанных на архивных документах научных исследований, анализирующих события, явления и процессы отечественной и мировой истории. Задачей журнала является анализ актуальных проблем источниковедения, историографии, архивоведения и документоведения, а также архивной составляющей исследовательской работы в области истории и документального наследия в системе культурных ценностей.

Миссия журнала – содействовать развитию междисциплинарных исследований, обобщающих современный опыт использования хранящихся в архивах, рукописных отделах музеев и библиотек исторических источников. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с анализом изменений деятельности архивов в условиях внедрения новых информационных технологий, исследованием научных проблем исторического архивоведения, многосторонним взаимодействием и гармоническим сочетанием результатов работы историков и архивистов в интересах информационного обеспечения исторической науки. Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития гуманитарной стратегии коммуникативной функции архивов и взаимодействия историков и архивистов в рамках системы «архив–исследователь».

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 03.08.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-73410

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

Тел: 8-495-250-68-68

электронный адрес: ioad@yandex.ru

© История и архивы, 2021

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

A.B. Bezborodov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

T.I. Khorkhordina, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

Ph.G. Taratorkin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

V.N. Vladimirov, Dr. of Sci. (History), professor, Altay State University, Barnaul, Russian Federation

E.I. Gololobov, Dr. of Sci. (History), professor, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation

V.I. Durnovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.A. Dvoenosova, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Ermolaeva, Dr. of Sci. (History), professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin – the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Saratov, Russian Federation

S.V. Karpenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Sh. Kecskemeti, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ecole Nationale des Chartes (Sorbonne), Paris, France

V.P. Kozlov, Dr. of Sci. (History), RAN correspondent member, professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.N. Lanskoy, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.V. Larin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P.N. Lebedev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

O.V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S. Petkova, Dr. of Sci. (History), professor, "St. Kliment Ohridski" at the University of Sofia, Sofia, Bulgaria

N.V. Rostislavleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.S. Senin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.K. Sorokin, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State Archive of Social and Political History, Moscow, Russian Federation

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

T. Shirai, Dr. of Sci. (History), professor, University of Tsukuba, Japan

Yu. Tonai, Ph.D., associate professor, Hokkaido University, Sapporo, Japan

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editors:

M.A. Andreev, Cand. of Sci. (History) (RSUH)

I.N. Kosichenko, Cand. of Sci. (History) (RSUH)

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

А.Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Т.И. Хорхордина, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Ф.Г. Тараторкин, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

В.Н. Владимиров, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

Е.И. Гололобов, доктор исторических наук, профессор, Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Российская Федерация

Г.А. Двоеносова, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Ермолаева, доктор исторических наук, профессор, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, Российская Федерация

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С.В. Карпенко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ш. Кечкемети, доктор филологии, профессор, Национальная школа хартий (Сорбонна), Париж, Франция

В.П. Козлов, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.Н. Ланской, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.В. Ларин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П.Н. Лебедев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

О.В. Павленко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С. Петкова, доктор исторических наук, профессор, Софийский университет им. св. Климента Охридского, София, Болгария

Н.В. Ростиславлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.С. Сенин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.К. Сорокин, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Москва, Российская Федерация

Т. Сираи, доктор исторических наук, профессор, Университет Цукуба, Япония

Ю. Тонаи, Ph.D., доцент, Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные редакторы:

Андреев М.А., кандидат исторических наук (РГГУ)

Косиченко И.Н., кандидат исторических наук (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Отечественная история

Е.В. Пчелов
Флаг корабля «Орел» в контексте формирования российской государственной символики 12

А.Ю. Бахтурина
А.Н. Куропаткин и подготовка Устава о воинской повинности в Финляндии в 1898–1899 гг. 22

С.С. Новосельский
«Булыгинская дума»: представительство без власти или власть представительства? 32

А.Б. Асташов
Инженерные проекты русской армии по затоплению рек в годы Первой мировой войны: проекты и реальность 43

Э.Ф. Абубикерова
Досуговая культура научно-педагогических работников Саратова в 1920-е гг. 54

М.А. Андреев
Организация и проведение зарубежных гастролей Московского государственного симфонического оркестра п/у В.Б. Дударовой в 1970-е гг. 65

Всеобщая история

И.Н. Косиченко
Военно-полевой суд и контрабанда на Юкатане XIX в.: дело бота “Four Sisters” 76

Т.С. Молодчикова
Индейское образование как национальный проект в Мексике в 1910–1920-е гг. 87

М.Е. Горохова
Восприятие революции 1917 г. русскими эмигрантами первой волны в Праге 97

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

М.В. Бибиков
Историческая компонента византийской агиографии 107

Ю.Э. Шустова
Образ города в лицевом Букваре Кариона Истомина 1694 г. 119

Е.В. Барышева, Д.В. Морозов
Историософские предпосылки складывания культа вождя
в советских биографиях В.И. Ленина 1924–1956 гг. 136

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика

Н.Г. Суровцева
История создания и деятельности Комиссии
по документалистике 147

CONTENTS

Russian History

E. Pchelov
The flag of the ship "Eagle/Oryol" in the context of the formation of Russian state symbols 12

A. Bakhturina
A.N. Kuropatkin and preparation of the Statute on military service in Finland in 1898–1899 22

S. Novoselskii
"Bulyginskaya duma". Agency without power or power of agency? 32

A. Astashov
Engineering projects of the Russian army during World War I inundation of rivers. Plans and reality 43

E. Abubikerova
Leisure culture of employees of higher education in Saratov in the 1920s 54

M. Andreev
Organization and conduct of foreign tours of the Moscow State Symphony Orchestra headed by V.B. Dudarova in the 1970s 65

World History

I. Kosichenko
Court martial and contraband in 19th century Yucatán: The case of boat "Four Sisters" 76

T. Molodchikova
Indigenous education as a national project in Mexico 1910–1920s 87

M. Gorokhova
Attitudes towards the Revolution of 1917 by the first wave of Russian emigrants to Prague 97

Historiography, Source Study and Methods of Historical Research

M. Bibikov
Historic component of Byzantine hagiography 107

Yu. Shustova
The Image of the City in Karion Istomin's Illustrated Primer of 1694 119

E. Barysheva, D. Morozov
Historiosophical prerequisites for the formation of the cult of personality in the biographies of V. I. Lenin 1924–1956 136

Archives Administration and Records Management: History, Theory, Procedures

N. Surovtseva
History and operation of the Documentalistics Commission 147

УДК 929.92
DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-12-21

Флаг корабля «Орел» в контексте формирования российской государственной символики

Евгений В. Пчелов

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, evg-pchelov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос о создании флага для первого русского корабля «Орел», построенного по указу царя Алексея Михайловича от 1667 г. Создание этого флага находится в контексте формирования новой государственной символики и визуальной репрезентации власти в конце войны с Речью Посполитой. Этот процесс происходил в конце 1660 – начале 1670-х гг. В этот период были созданы новый вариант государственного герба, новое гербовое знамя, затем новые варианты титульных гербов. Важнейшим идентифицирующим признаком флага корабля «Орел», который воспринимался в качестве государственного флага России, было изображение двуглавого орла на полотнище. Цветовое решение флага не имело столь принципиального значения. Расцветка флага была определена в 1668 г. Она состояла из трех цветов – красного, белого и голубого (синего). В историографии утвердилось мнение, будто бы этот первый российский флаг состоял из четырех частей, образованных прямым крестом. Однако эта версия недостаточно подтверждается источниками. Напротив, можно полагать, что флаг корабля «Орел» был аналогичен голландскому. Успели ли нашить на его полотнище изображение двуглавого орла – вопрос, остающийся открытым.

Ключевые слова: символика, вексиллология, Московское царство

Для цитирования: Пчелов Е.В. Флаг корабля «Орел» в контексте формирования российской государственной символики // История и архивы. 2021. № 3. С. 12–21. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-12-21

© Пчелов Е.В., 2021

The flag of the ship “Eagle/Oryol” in the context of the formation of Russian state symbols

Evgeniy V. Pchelov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, evg-pchelov@yandex.ru

Abstract. The article considers the issue of designing the flag for the first Russian ship “Eagle/Oryol”, built by decree of Tsar Alexey Mikhailovich from 1667. The designing of that flag is in the context of the formation of new state symbols and visual representation of power at the end of the War with the Polish-Lithuanian Commonwealth. It took place in the late 1660s and early 1670s. At the period, a new version of the state coat of arms, a new coat of arms banner, and then new versions of the title coats of arms were created. An image of a double-headed eagle on the ship “Eagle” ensign (warship flag), perceived as the national flag of Russia, was the most important identifying feature of the ship’s ensign. The color scheme of the flag was not so important and it was determined in 1668. It consisted of three colors – red, white and blue. In historiography, the opinion took hold that the above first Russian flag consisted of four parts formed by a straight cross. However, such a version is not sufficiently confirmed by sources. On the contrary, it can be assumed that the flag of the ship “Eagle” was similar to the Dutch one. Whether they managed to sew the image of a double-headed eagle on its cloth is an open question.

Keywords: symbology, vexillology, Muscovy

For citation: Pchelov, E.V. (2021), “The flag of the ship ‘Eagle/Oryol’ in the context of the formation of Russian state symbols”, *History and Archives*, no. 3, pp. 12–21, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-12-21

История российского государственного флага восходит к концу 1660-х гг., когда первый флаг был поднят на первом русском корабле «Орел». История строительства этого корабля и нескольких других, более мелких судов достаточно подробно отражена в целом комплексе документов. 19 июня 1667 г. датируется царский указ о строительстве кораблей «для посылок из Астрахани на Хвалынское море», т. е. для плаваний по Каспийскому морю для обеспечения русской торговли в этом регионе[1]. Местом строительства кораблей стало село Дединово на Оке, славившееся своими мастерами-плотниками и ставшее таким образом колыбелью русского флота.

[1] Дополнения к Актам историческим. Т. 5. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1853. с. 211.

Голландец Ян ван Сведен, занимавшийся организацией этой работы, представил в том же году подробную роспись «что надо к корабельному строению»; среди прочего она включала в себя 243 аршина киндяков (хлопчатобумажной ткани) на пошив четырех корабельных знамен, «а цветами те все киндяки, как великий государь укажет; только на кораблях бывает, которого государства корабль, того государства бывает и знамя». Кроме того, предполагалось получить и 155 аршинов тафт «на знамена ж, для украшения корабля; под которое государство бывает кораблю пристань, в то время те знамена распускают; а на тех знаменах писать, что великий государь укажет»[2]. Всего, таким образом, запрашивалось почти 400 аршинов различной материи.

В этих словах росписи речь шла, собственно, о государственных флагах, которые должны были быть подняты на корабле в знак его принадлежности определенной стране. Еще один важный момент заключается в том, что эти флаги (знамена) могли быть писаными, т. е. на них могли помещаться некие изображения – причем, по-видимому, не столько вышитые, сколько рисованные. Внешний же вид знамен и особенно их цвета должен был определить государь.

9 апреля 1668 г. была «послана память в Сибирский приказ, велено прислать из меновных товаров триста десять аршин киндяков да сто пятьдесят аршин тафт черчатых *(так!)*, белых, лазоревых, к корабельному делу на знамена и на яловчики *(т. е. вымпелы)*»[3]. Из Сибирского приказа можно было получить хорошие, качественные ткани восточного производства, о чем и говорилось в памяти («меновные товары»), но количество тканей было увеличено: 310 аршинов киндяков (на 70 больше, чем запрашивали) и примерно то же число аршинов тафт, как и в росписи Сведена. Однако же важно, что были определены цвета материй – червчатый, т. е. красный, белый и лазоревый, т. е. голубой. Таким образом была установлена цветовая гамма будущего российского флага. Каким образом это произошло, остается неизвестным.

Ткани, впрочем, были выданы не сразу. Только 7 апреля 1669 г., спустя год, ткани «розных цветов» (300 аршинов узких киндяков или 150 аршинов широких, о тафтах речи уже не было) были посланы из Сибирского приказа с «корабельными людьми» и назначенным капитаном Давидом Бутлером в Дединово, когда корабль был уже в значительной степени готов[4].

24 апреля 1669 г. «по указу великого государя, кораблю, который в селе Дединове сделан вновь, велено прозванье дать Орлом,

[2] Там же. С. 219–220.

[3] Там же. С. 253.

[4] Там же. С. 267.

и сей великого государя указ капитану с товарыщи в Посольском приказе сказан, и велено ему поставить на носу и на корме по орлу, и на знаменах и на еловчиках нашивать орлы же»[5]. Так первый русский корабль обрел свое имя в честь государственного герба России. Этот герб (двуглавый орел) должен был помещаться на носу и на корме корабля (в виде деревянных изображений), а также орлов следовало нашить и на знамена. Последний аспект очень существенен, поскольку изображения орлов указывалось именно нашить, а не нарисовать, и именно орлы (т. е. государственный герб) были главным идентифицирующим признаком новых российских государственных флагов.

Какого цвета должны были быть орлы на флагах, неизвестно. П.И. Белавенец писал: «Я не мог найти, какого цвета материя была отпущена на эти орлы, но полагаю, что золотые орлы; ибо золотые были бы виднее черных»[6].

Итак, знамена для корабля создавались (от замысла до реализации) в 1667–1669 гг. Это время неслучайно. В этот период русское правительство проявляло повышенный интерес к геральдической репрезентации царской власти. На завершающем этапе войны с Речью Посполитой активно шло формирование новой государственной символики, выразившееся в создании нескольких наиболее важных памятников. Октябрем 1665 г. датируется царский указ о создании Гербовного знамени, реализованный в 1666 г. мастером Станиславом Лопуцким с помощниками – это было парадное царское знамя, использовавшееся в официальном церемониале, украшенное изображениями государственного и титульных гербов. Расцветка полотнища знамени была бело-алая[7]. В 1667 г. был создан принципиально новый вариант государственного герба, помещавшийся на царской печати и сохранявшийся до конца XVII века [Пчелов 2017, с. 147–158]. Формирование новой символики продолжалось вплоть до начала 1670-х гг.: 1672 годом датируется «Царский Титулярник», в котором унификации подверглась вся система титульных гербов России. Иными словами, возникновение первого морского флага именно в этот период было частью общего процесса создания новой государственной символики. Россия заявляла себя на международной арене и с помощью первой флотилии, которая должна была представлять страну в единственном море с постоянной навигацией, к которому страна имела выход.

---

[5] Там же. С. 274.

[6] *Белавенец П.И.* Цвета русского государственного национального флага. СПб.: Сенатская типография, 1910. С. 10.

[7] *Яковлев Л.П.* Русские старинные знамена. М.: В Синодальной типографии, 1865. Вторая пагинация. С. 33–34.

Вопрос о том, как именно выглядел флаг корабля «Орел», до сих пор остается дискуссионным. Бытуют различные версии, из которых наиболее распространена обоснованная П.И. Белавенцем в 1910 г.[8]

П.И. Белавенец предполагал, что ответом на запрос, каких цветов делать знамена на «Орле», послужила записка «Писание о зачинание знак и знамян или прапоров», опубликованная в 1904 г. А.И. Успенским[9]. Это текст XVII в., в котором представлена информация о знаменах 12 колен Израилевых (с рисунками), о символике геральдических тинктур, в том числе и цветов, а также рисунки знамен – английского, датского, шведского и голландского. При этом знамена Англии, Дании и Швеции были, разумеется, крестообразными.

Далее Белавенец полагал, что флаг «Орла» представлял собой «синий прямой крест, два квадрата белых и два красных», т. е. это был флаг, состоящий из четвертей, первая и четвертая из которых были белыми, а вторая и третья – красными. Свое мнение он подкреплял следующими косвенными аргументами.

Во-первых, изображениями крестообразных знамен сухопутных войск времен Алексея Михайловича, включая описание и рисунки 14 московских стрелецких знамен, выполненные участником шведского посольства в Россию Эриком Пальмквистом в 1673–1674 гг. Однако в случае флага корабля «Орел» речь шла о знамени на морском судне, а не о сухопутном полке, и то, что полковые знамена были крестообразными, вовсе не означает, что такая же форма могла обязательно быть применена для морского флага, и потому наличие крестообразных полковых знамен никак не может прояснить вопрос с внешним видом флага «Орла».

Во-вторых, изображениями морских флагов рубежа XVII–XVIII вв. Здесь, прежде всего, имеется в виду известная гравюра Адриана Шхонебека «Осада Азова в 1696 г.». Шхонебек прибыл в Россию по приглашению Петра I в 1698 г. Гравюру он создал в 1699–1700 гг. Изображенный на гравюре корабль «Святой Петр» участия во взятии Азова не принимал. Двухмачтовые галеры изображены одномачтовыми. Следовательно, перед нами символическое, а не реальное изображение этого события (которому Шхонебек очевидцем не был).

Флаги кораблей, изображенные на гравюре Шхонебека, явно двух типов – оба с прямыми крестами. Один флаг, на корабле представляет собой полотнище с белым крестом на темном поле, второй,

---

[8] *Белавенец П.И.* Указ. соч.

[9] *Успенский А.И.* Писание о зачинании знак и знамен или прапоров. М.: Университетская типография, 1904.

на галерах – полотнище с темным крестом на светлом поле. Нигде не видно, чтобы четверти флагов различались по цвету (вернее, тону). Следовательно, перед нами скорее всего двухцветные крестообразные флаги.

Как справедливо заметил В.А. Артамонов, само по себе наличие флагов именно такого типа в 1696 г. (если они и существовали в реальности) вовсе не означает, что таковыми были и флаги «Орла», построенного за четверть века до этого [Герб и флаг России 1997, с. 420].

Возможно, Шхонебек изобразил крестообразные флаги на русских судах в этой композиции с символическим смыслом. Взятие Азова олицетворяло борьбу и победу над турками, т. е. христианского воинства над мусульманским. Крестообразные флаги, символизирующие русский флот, должны были подчеркнуть этот духовный смысл произошедшего.

Более реальные основания имеет, вероятно, рисунок третьего «Московского флага» из известной книги о флагах Карла Алярда (Алларда), опубликованной в Амстердаме в 1705 г. (ее русское издание вышло в 1709 г. и имеет некоторые отличия). Этот Московский флаг представляет собой полотнище, разделенное на четверти синим прямым крестом, при этом первая и четвертая четверти белые, а вторая и третья – красные[10]. Следует заметить, что этот флаг в книге Алярда именуется «Московским», в то время как два предыдущих – трехполосные бело-сине-красные с золотым орлом посередине и Андреевским крестом – флагами «Его Царского Величества Московского»[11], т. е. первые два выступают флагами государя, а третий – государства.

Поскольку первое издание книги Алярда вышло еще в 1695 г., то от Алярда изображения этих флагов были заимствованы и в другие книги, посвященные морскому делу, в частности С. де Фриза (1700), Н. Обена (1702) и др. Иными словами, благодаря Алярду, эти изображения были хорошо известны образованной Европе.

Можно думать, что Алярд в случае четверочастного флага ориентировался на какие-то реально бытовавшие флаги, однако, опять-таки с автоматизмом это вовсе не означает, что именно такой флаг был и на «Орле».

Еще один пример изображения четверочастного флага на предмете петровской эпохи можно увидеть на медали в память строительства Кронштадта, входившей в известную серию медалей на события Северной войны, созданную в Аугсбурге немецким

[10] *Алярд К.* Книга о флагах. СПб.: Сенатская типография, 1911. С. 54.

[11] Там же. С. 53.

медальером Ф.Г. Мюллером [Щукина 2006, с. 52–55]. На лицевой стороне этой медали изображена крепость Кроншлот, на которой развевается четверочастный флаг, аналогичный третьему московскому флагу Алярда (точно переданы тинктуры). Штемпель для этой медали был вырезан в 1713 г., и мастер опирался на гравюры петровского времени, в данном случае на гравюру П. Пикарта 1704 г. Однако у Пикарта и его подражателей над Кроншлотом реет Андреевский флаг с дополнительной вертикальной полосой. Мюллер же заменил этот флаг на другой, по-видимому, опираясь на третий московский флаг традиции Алярда и его последователей. Таким образом, по всей видимости, изображения четверочастного флага на медали отражает не реальность, но лишь следование традиции Алярда.

Иными словами, в распоряжении исследователей не имеется достаточно достоверных источников петровской эпохи, позволявших бы однозначно признать реальность существования четверочастных флагов из трех цветов (и, тем более, считать таковым и флаг «Орла»).

Между тем исследовательский авторитет П.И. Белавенца был настолько велик, что эта версия получила очень широкое распространение, став в историографии ведущей. Работа же Белавенца проходила в условиях деятельности Высочайше учрежденного в 1910 г. при Министерстве юстиции Особого совещания для выяснения вопроса о русских государственных национальных цветах (под руководством товарища министра А.Н. Веревкина). Нет необходимости говорить, что Петр Иванович был горячим сторонником именно бело-сине-красной гаммы русского национального флага.

В послевоенное время версию Белавенца поддержал Н.Н. Семенович в своей известной книге «История русского военно-морского флага» [Семенович 1946]. Он согласился с тем, что для «Орла» был создан четверочастный флаг, для которого якобы были выбраны цвета, «входившие с давних пор в московский герб: белый, синий и красный» (на самом деле такая расцветка этого герба сформировалась только в XVIII в.). Семенович даже писал, что состоялось даже некое совещание (!) Посольского приказа и Оружейной палаты в 1667 г., а сам флаг «Орла» был создан «гениальным русским геральдистом-флаговедом». Образцом флага послужили крестовые флаги «западноевропейских держав, аналогичные рисунку знамен московских стрельцов», а расцветка указывала «на русские цвета: белый, синий и красный». Почему именно эти цвета считались «русскими», автор не пояснил.

Причины таких рассуждений, впрочем, понятны. Книга вышла после Великой Отечественной войны на волне официального,

«казенного» патриотизма, когда ни о каком иноземном влиянии на русскую историю и культуру говорить не приходилось.

Между тем у нас имеется единственное изображение флага, поднятого на корабле «Орел». Один из служивших на корабле мастеров, голландец Ян Стрюйс, описал свою службу в Московии и последовавшие затем приключения в книге «Три путешествия...», первое издание которой вышло на голландском языке в Амстердаме в 1676 г. еще при жизни автора. Книга была вскоре переведена на иностранные языки и вышла на немецком в 1678 г., французском в 1681 г. и английском в 1684 г. Среди других гравированных иллюстраций в ней между страницами 188 и 189 первого голландского издания помещено изображение Астрахани и стоящего на Волге корабля «Орел» (гравер К. Декер). Корабль показан очень реалистично, а гравюры, можно думать, создавались по рисункам, рассказам и впечатлениям самого Стрюйса, которому, конечно, было хорошо известно, какими были флаги на «Орле». На гравюре на корабле и других русских судах показаны именно трехполосные флаги (а не четырехчастные или какие-либо иные). Но при этом белая полоса изображена посередине, в то время как сверху и снизу идут полосы более темных цветов. Орел на флагах не изображен, вероятно, или по причине невозможности слишком большой детализации, или по причине того, что нашить их на полотнища так и не успели. Во всяком случае, не остается сомнений, что флаги «Орла» близки голландским, которые состояли также из трех горизонтальных полос – красной, белой и синей. Это и есть единственный источник, позволяющий судить о том, как именно выглядел флаг первого русского корабля.

На то, что флаги «Орла» могли иметь идентичное голландскому расположение цветовых полос, косвенно указывает, кстати, и сама память в Сибирский приказ от 9 апреля 1668 г. о выдаче на флаги тканей «червчатых, белых и лазоревых», т. е. красных, белых и голубых. Порядок их перечисления вполне мог соответствовать расположению полос.

Но от голландского «московский» флаг должен был отличать, прежде всего, коронованный орел, нашитый в центр полотнища. Иными словами, именно герб выполнял в данном случае непосредственно идентификационную функцию. То, что русские суда могли ходить под голландскими флагами и позже, подтверждает письмо А.А. Виниуса Петру от 21 апреля 1696 г.: «Господин бурмистр Витцен (Н. Витсен, бургомистр Амстердама. – *Е. П.*) писал, что Ваш великого государя корабль Святого Павла взяли французы под Галанскими знамены... и с Галанскими товары, и по их уставам никако де не отдадут; а есть ли б был под Вашими государевы

знамены, товары Галанские выбрав, ево б свободили»[12]. Это был торговый корабль, построенный в Архангельске.

К тому времени существовал уже и «флаг царя Московского», представленный у Алярда первым флагом Его царского величества. Это был трехполосный бело-сине-красный флаг с золотым двуглавым орлом посередине. Именно такой флаг был поднят в Архангельске на яхте «Святой Петр» в 1693 г. (он сохранился до нашего времени благодаря П.И. Белавенцу), под таким же флагом проходило московское Великое посольство в Голландии и т. д.[13] Однако в отличие от флага «Орла» расположение полос на этом флаге уже было «российским» – белая, синяя и красная.

Итак, создание флага для первого российского корабля «Орел», вызванное чисто практической необходимостью, происходило в эпоху формирования новой символической репрезентации Московского царства конца 1660 – начала 1670-х гг. Этот флаг создавался по образцу голландского (учитывая также ведущую роль голландцев при строительстве этой флотилии), но главным идентификационным признаком флага должно было стать изображение российского государственного герба в центре полотнища. В то же время была определена цветовая гамма, закрепившаяся впоследствии – сочетание красного, белого и синего (голубого) цветов. Возможно, именно при создании флага царя Московского в начале 1690-х гг. расположение полос на полотнище было изменено и приобрело привычный нам вид.

Благодарности

Статья выполнена в рамках проекта «Этническая семиотика и семиотика культуры: историография и современные подходы» (№ НИОКТР АААА-А20-120070890028-5).

Acknowledgments

This work was supported by the project «Ethnic semiotics and cultural semiotics: historiography and modern approaches» (№ NIOKTR AAAA-A20-120070890028-5).

[12] Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. СПб.: Государственная типография, 1887. С. 564–565

[13] *Белавенец П.И.* Краткая записка о старых русских знаменах. СПб.: Сенатская типография, 1911. С. 28

Литература

Герб и флаг России 1997 – Герб и флаг России: X–XX века. М.: Юридическая литература, 1997. 560 с.

Пчелов 2017 – *Пчелов Е.В.* Государственная печать Алексея Михайловича 1667 г.: К 350-летию герба Московского царства // Вестник архивиста. 2017. № 4. С. 147–158.

Семенович 1946 – *Семенович Н.Н.* История русского военно-морского флага. Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1946. 94 с.; ил.

Щукина 2006 – *Щукина Е.С.* Серия медалей Ф.Г. Мюллера на события Северной войны в собрании Эрмитажа. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2006. 144 с.

References

Gerb i flag Rossii: X–XX veka [Coat of arms and flag of Russia. 10th – 20th centuries] (1997), Yuridicheskaya literatura, Moscow, Russia.

Pchelov, E.V. (2017), "State seal of Alexey Mikhailovich 1667. Towards the 350th anniversary of the coat of arms of the Tsardom of Muscovy (Moscow Kingdom)", *Vestnik arhivista*, no. 4, pp. 147–158.

Semenovich, N.N. (1946), *Istoriya russkogo voenno-morskogo flaga* [History of the Russian naval flag], Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, Leningrad, USSR.

Shchukina, E.S. (2006), *Seriya medaley F.G. Müller ana sobytiya Severnoi voiny v sobranii Ermitazha* [A series of medals by F.G. Müller on the events of the Northern war in the Hermitage collection], Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, Saint-Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Евгений В. Пчелов, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; evg-pchelov@yandex.ru

Information about the author

Evgeniy V. Pchelov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; evg-pchelov@yandex.ru

УДК 94(480)
DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-22-31

А.Н. Куропаткин и подготовка Устава о воинской повинности в Финляндии в 1898–1899 гг.

Александра Ю. Бахтурина

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, b-a-t13@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются бюрократические процедуры принятия нового Устава о воинской повинности в Финляндии, обсуждение текста и поиск путей издания Устава в обход действующего законодательства, регулировавшего взаимоотношения Империи и Великого княжества. Рассмотрена роль военного министра А.Н. Куропаткина и Николая II в этом процессе. Показано, как личные амбиции представителей российской бюрократии влияли на подготовку Устава. Делается вывод о том, что невозможность принять Устав по действующим правовым нормам привела к изданию Манифеста 3 февраля 1899 г., оказавшего негативное влияние на взаимоотношения Российской империи с финляндской окраиной. На основании анализа переписки А.Н. Куропаткина с Э.В. Фришем показано, какое значение имела неосведомленность военного министра в правовых вопросах в деле принятия Устава. Попытки Э.В. Фриша вернуть процесс принятия Устава в прежнее правовое поле не имели успеха. Рассмотрено, как позиция Николая II ускорила принятие Манифеста 3 февраля 1899 г. Сделан вывод о том, что бюрократический подход к решению проблемы повлиял на развитие конфликта с финляндскими представительными учреждениями.

Ключевые слова: Великое княжество Финляндское, финляндский вопрос, воинская повинность, А.Н. Куропаткин, Военное министерство Российской империи

Для цитирования: Бахтурина А.Ю. А.Н. Куропаткин и подготовка Устава о воинской повинности в Финляндии в 1898–1899 гг. // История и архивы. 2021. № 3. С. 22–31. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-22-31

© Бахтурина А.Ю., 2021

A.N. Kuropatkin and preparation of the Statute on military service in Finland in 1898–1899

Alexandra Yu. Bakhturina

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, b-a-t13@mail.ru

Abstract. The article deals with the bureaucratic procedures for the adoption of a new Statute on military service in Finland, the discussion of the text and the search for ways to issue the Statute by-passing the current legislation on the procedure for adopting laws in the Grand Duchy. The author focuses on roles of the Minister of War A.N. Kuropatkin and Nicholas II in the process. It is shown how the personal ambitions of representatives of the Russian bureaucracy influenced the preparation of the Statute. It is concluded that the inability to adopt the Statute in accordance with the current legal norms led to the publication of the Manifesto of 1899, which negatively affected the relations of the Russian Empire with Finland .Based on the analysis of correspondence between A.N. Kuropatkin and E.V. Frisch, it is shown what significance the Minister of War's ignorance of legal issues had when adopting the Statute. E.V. Frisch's attempts to return the Statute adoption process to the previous legal framework were not successful. It is considered how the position of Nicholas II accelerated the adoption of the Manifesto on February 3, 1899. A conclusion is made that the bureaucratic approach to solving the issue affected the development of the conflict with the Finnish Parliament.

Keywords: Grand Duchy of Finland, Finnish question, military service, A.N. Kuropatkin, Ministry of War of the Russian Empire

For citation: Bakhturina A.Yu. (2021), "A.N. Kuropatkin and preparation of the Statute on military service in Finland in 1898–1899", *History and Archives*, no. 3, pp. 22–31, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-22-31

Подготовка Устава о воинской повинности в Финляндии, принятого в 1901 г., стала важным фактором, приведшим к изданию Манифеста 3 февраля 1899 г., существенным образом повлиявшего на взаимоотношения Российской империи с Великим княжеством и ситуацию в регионе в целом [Лунтинен 2002, с. 110; Суни 1982]. Финские историки замечают, что к изданию манифеста 1899 г. вели «две самостоятельные линии развития»: пересмотр закона о воинской повинности в Финляндии и обсуждение в Комитете под руководством Н.Х. Бунге вопроса об общегосударственном законодательстве [Юссила, Хентиля, Невакиви 2010, с. 92], но акцент делается на деятельности Комитета Бунге, а влияние работ по под-

готовке нового закона о воинской повинности в Финляндии отходит на второй план [Юссила 2009, с. 93–97]. Недостаточно внимания уделяется непосредственной роли руководителей ведомств, в том числе А.Н. Куропаткина.

В 1878 г. был принят закон о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском. Основной особенностью управления финляндскими войсками стало отсутствие единства: по военным вопросам они подчинялись военному министру, по административным и финансовым – министру статс-секретарю по финляндским делам и финляндскому генерал-губернатору, возглавлявшему по должности Финляндский военный округ. Средства на содержание финляндских войск выделялись из милиционного фонда, который формировался из доходов от эксплуатации казенных земель. Внутренние вопросы финляндских войск регулировались особым судебным военным законодательством Великого княжества Финляндского [Лапин 2014, с. 105–106].

После образования Тройственного союза Германии, Австро-Венгрии и Италии в 1882 г. российские военные начинают работать над стратегическими планами, учитывающими новое соотношение сил в Европе. Близость Великого княжества Финляндского к столице Российской империи не могла не обратить внимания военных, и вопрос о единстве управления войсками на Балтийском побережье в той или иной форме обсуждался в Главном штабе и Военном министерстве начиная с 1884 г.

29 августа 1891 г. военный министр П.С. Ванновский обратился к Александру III с всеподданнейшим докладом об изменении Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском. Он выступал за централизацию управления войсками на всей территории Империи и предлагал подчинить финляндские войска военному министру, а непосредственное управление ими передать начальнику финляндского военного округа, т. е. в полной мере реализовать принцип единства управления войсками. Несмотря на то что Александр III одобрил проект, решение вопроса об управлении финляндскими войсками было отложено и возобновилось только в 1897 г., т. е. после отставки Гейдена, который, по мнению Т. Полвинена, противодействовал реформе, не желая потерять пост командующего Финляндским военным округом [Полвинен 1997, с. 45–46].

Начало серьезных изменений в обсуждении вопроса о воинской повинности в Финляндии многие современники связывали с назначением А.Н. Куропаткина на пост военного министра 1 июля 1898 г. Кандидатура Куропаткина не получила всеобщего одобрения. Многие, в том числе уходивший в отставку военный министр П.С. Ванновский, в качестве его преемника видели начальника Главного штаба Н.Н. Обручева, много лет успешно

проработавшего в министерстве. Вдовствующая императрица Мария Федоровна пыталась убедить в этом Николая II, отмечая, что Куропаткин слишком молод для министерского поста[1]. Отрицательную оценку деловым качествам Куропаткина давали А.А. Абаза, С.Ю. Витте и др. Но при этом Витте отмечал, что его послужной список и репутация на момент назначения были таковы (он участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., успешно управлял Забайкальской областью), что «если бы в то время подвергнуть баллотировке вопрос, кого назначить военным министром, то большинство высказалось бы за Куропаткина»[2].

Хотя с назначением Куропаткина многие современники, в том числе С.Ю. Витте, связывали начало возобновления работ по реформе финляндской армии и изменению политического курса в отношении Финляндии, когда, стремясь проявить свои «истинно русские чувства», новый военный министр сразу после назначения «поднял финляндский вопрос: надо-де их сделать русскими, по крайней мере войска...»[3], представляется, что корень проблемы все-таки лежал не столько в настроениях Куропаткина, сколько в позиции Военного министерства. В конце 1890-х гг. оно активно проводит политику централизации военного управления, меняет границы военных округов (не только в Финляндии), стараясь достичь максимальной оперативности в управлении войсками в случае военных действий. Куропаткин, безусловно, стал продолжать министерский курс, обосновывая со своей стороны его необходимость экономическими соображениями. Онс читал экономически невыгодной существующую дробную систему управления, отмечая, что это «вызывает излишние затраты на ненужные учреждения»[4].

С точки зрения единства военного управления, реформирование финляндской армии было вполне логичным, необходимым и оправданным. Но вопрос о финляндской армии руководство Военного министерства весьма быстро перевело в иную плоскость, считая, что правительство должно вступить на путь объединения Финляндии с империей.

Первоначально обсуждение вопроса о финляндской армии велось в Комиссии с участием финляндских представителей и оказалось безрезультатным. Куропаткин в докладе для Департамента

---

[1] Переписка императора Николая II с матерью-императрицей Марией Федоровной. 1894–1917. М.: Индрик, 2017. С. 177.

[2] Из архива С.Ю. Витте: Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки. СПб.: Санкт-Петербургский ин-т истории РАН, 2003. Т. 1. С. 510.

[3] Там же Т. 2. С. 62.

[4] РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 63. Л. 1–1 об.

законов Государственного Совета 22 мая 1898 г. заметил: «Нет никакой надежды на то, чтобы сейм одобрил представляемые проекты»[5]. Возражения финляндской стороны вызвали, например, предложения допустить русских к службе в финляндских войсках. Финляндские военные со своей стороны выдвигали условие обязательного владения для них шведским и финским языками.

К концу 1898 г. две комиссии при Главном штабе под руководством генерала В.Д. Дандевиля подготовили проекты законов о реорганизации финляндской армии. Одна из них, действовавшая при участии представителей Министерства финансов и правительства Великого княжества, разработала законопроект «Об уравнении военно-финансовой тягости в Финляндии с таковой же в Империи» [Правилова 2006, с. 205]. 22 мая 1898 г. императору был представлен доклад военного министерства, где указывалось на необходимость введения единого управления для российских и финляндских войск. Помимо организационных вопросов комиссия Главного штаба обращала внимание на то, что из населения Финляндии ежегодно призывается в войска 9%, а из населения империи 36%, и предлагали «для установления справедливости» призывать избыток финских призывников в русские части, расположенные в Финляндии и ближайших губерниях[6].

По результатам работы Комиссий был подготовлен новый Устав о воинской повинности в Финляндии. Так сразу была нарушена сложившаяся процедура издания финляндских законов, по которой император направлял предложение финляндскому Сенату о разработке закона, а Сенат соответственно готовил законопроект. Но в Главном штабе проект Устава о воинской повинности рассматривали как российский общегосударственный закон и разработка его прошла без участия Сената. Но далее встал вопрос об его утверждении и, поскольку, речь шла о Финляндии, миновать финляндские учреждения было нельзя.

Согласно сложившейся практике принятия высочайших предложений, последние направлялись Сенату, что и было сделано. Ожидалось, что Сенат просто передаст законопроекты предстоящему чрезвычайному Сейму, хотя представители высшей российской военной бюрократии прекрасно понимали, что вряд ли сеймовые депутаты сразу одобрят новый Устав о воинской повинности в Финляндии.

---

[5] Доклад Военного министерства по Главному штабу 22 мая 1898 г. // Российская Национальная библиотека (РНБ). Основной русский фонд. Государственный Совет. Департамент законов. Материалы. Т. 290. Ч. 1. 1901. Л. 12.

[6] Там же. Л. 17–19.

Но ситуация неожиданно осложнилась. Вместо того, чтобы передать проект Сейму, Сенат составил свой проект устава о воинской повинности, а затем обратился, опять же в соответствии с установившейся законодательной практикой, к императору с просьбой разрешить передать сенатский проект Сейму. Действия Сената оказались весьма неожиданными для военного министра. Изложив ситуацию в письме от 14 июля 1898 г. к главноуправляющему кодификационным отделом при Государственном Совете, опытному юристу Э.В. Фришу, А.Н. Куропаткин спрашивал, а имеет ли вообще финляндский Сенат право на составление своего проекта устава[7] и не надо ли представить Сейму правительственный проект с приложением проекта Сената. Фриш никак не прокомментировал сей удивительный факт незнания Куропаткиным действовавшего на тот момент порядка издания законов для Финляндии и осторожно ответил, что хорошо было бы передать проект Сената императору для редактирования, а потом внести его в Сейм и, разумеется, не направлять в Сейм двух вариантов устава, а постараться свести все к одному тексту[8]. По сути, Фриш предлагал сделать шаг назад, в сложившееся ранее правовое поле, а то, что Сенат составил альтернативный проект, открывало для этого возможности. Предложение Фриша позволяло использовать традиционную схему: направить предложение Сената на имя императора, затем внести в него изменения от имени императора и составить высочайшее предложение финляндским органам, которое они могли обсуждать и редактировать. Но данный подход для инициаторов нового Устава о воинской повинности был неприемлем в значительной степени потому, что проект Сената существенно отличался от проекта комиссий Главного штаба.

Созыв Сейма был запланирован на январь 1899 г., а летом 1898 г. император, как сообщал Куропаткин в письме Э.В. Фришу, указал, «чтобы общие начала, положенные в основу вышепомянутого устава, не были обсуждаемы земскими чинами Сейма»[9]. Иными словами, Николай II высказался именно об ограничении законодательных полномочий финляндских учреждений при издании законов, касающихся непосредственно Великого княжества Финляндского. Замечание императора вызвало массу вопросов о том, что же именно не может обсуждать Сейм, и 14 июля 1898 г. Николай II распорядился создать Особое совещание под председательством К.Г. Победоносцева «для установления тех общих начал, положенных в основу проекта устава о воинской

[7] РГИА. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 17б. Л. 55.
[8] Там же. Л. 56.
[9] Там же. Л. 16.

повинности в Финляндии, которые не могут подлежать обсуждению земских чинов на Сейме»[10].

Для решения вопроса об изменении Устава о воинской повинности в Финляндии 19 января 1899 г. был открыт чрезвычайный Сейм. Грамота о его созыве была дана императором 19 июля 1898 г. После открытия Сейма депутатам были предложены два высочайших предложения: об изменении Устава о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском и об изменении организации и управления финскими войсками.

29 мая 1899 г. в Гельсингфорсе был созван Чрезвычайный сейм. На нем обсуждался новый проект Устава о воинской повинности в Финляндии, разработанный комиссиями Главного штаба и внесенный на обсуждение императором.

В сейме была сформирована Комиссия по пересмотру устава о воинской повинности под председательством Л. Михелина. Р.А. Вреде, выступая на сейме, подчеркнул, что в проекте Устава речь идет не только о реформе военного устройства в Финляндии, но об уничтожении «особой финляндской военной организации». «Если эти проекты были бы проведены, то... право финского народа на собственное политическое существование было бы совершенно уничтожено»[11].

Чрезвычайный Сейм рассмотрел проект Устава о воинской повинности в Финляндии в мае 1899 г. и представил императору свою редакцию. Депутаты Сейма настаивали на том, что финляндские граждане отбывают воинскую повинность в финляндских войсках, сохраняют собственные национальные войска, а русские не могут служить в этих частях. Предлагалось ввести отдельную присягу для финляндских войск. Уступкой Сейма по проекту устава о воинской повинности было согласие на расширение полномочий военного министра по отношению к финляндским войскам (он мог 2 раза в год призывать ополчение на военные сборы, докладывать государю дела, касающиеся финляндских войск, кроме дел, относящихся к законодательству или хозяйственному управлению[12]), а также согласие на то, что в военное время в исключительных

---

[10] Там же. Л. 16–16 об.

[11] Выступления земских чинов Финляндии // Российская Национальная библиотека (РНБ). Основной русский фонд. Государственный совет Департамент законов. Материалы. 1901. Т. 290. Ч. 2. Л. 4.

[12] Перевод всеподданнейшего отзыва земских чинов Финляндии от 27 мая 1899 года, по поводу высочайших его императорского величества предложений, с проектом Устава о воинской повинности в великом княжестве Финляндском и об основных началах устройства и управления финских войск. СПб., 1908. С. 103.

случаях финляндские части могут быть выведены за пределы Финляндии, но в целом во время войны они используются только для обороны Финляндии[13].

Решение Сейма отклоняло предложения императора, но в правительственные документы вносились изменения, которые в определенной степени можно рассматривать как уступки.

Уже во время работы Сейма было очевидно, что предложения императора о воинской повинности в Финляндии приняты не будут. Согласно существовавшей законодательной процедуре Сейм имел право отклонить высочайшие предложения или внести в них изменения и представить на рассмотрение императора. Это заводило ситуацию в тупик. Во время работы Чрезвычайного сейма 29 января состоялась встреча Николая II с Н.И. Бобриковым, Н.П. Боголеповым и В.Н. Прокопе, зафиксированная в дневнике императора: «После завтрака сидел до 4 ¼ ...по финляндским делам. Когда дела живые и интересные, как-то не чувствуется усталости!»[14] Через несколько дней после продолжительного обсуждения «живых и интересных» финляндских дел был издан Манифест 3 февраля 1899 г. «О составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского». В нем подчеркивалось, что, несмотря на особые права Финляндии в составе империи, возникают ситуации, когда финляндские законы оказываются связаны с общегосударственными задачами и их издание не может зависеть исключительно от финляндских учреждений. Общегосударственный характер законов, издаваемых для Финляндии, должен определить император. Финляндские Сейм, Сенат, генерал-губернатор, министр статс-секретарь могут представить свои заключения по законопроекту, но сам законопроект будет обсуждаться в Государственном Совете Российской империи. При обсуждении законопроекта в заседаниях Государственного Совета могут участвовать финляндский генерал-губернатор, министр статс-секретарь и три финляндских сенатора по выбору императора. Затем мнение Государственного Совета представляется императору на утверждение[15].

После издания манифеста появилась возможность принять соответствующие акты о воинской повинности в Финляндии,

---

[13] Там же. С. 104.

[14] Дневники императора Николая II: 1894–1918. М.: РОСПЭН, 2011. Т. 1: 1894–1904. С. 457.

[15] Высочайше утвержденные Основные положения о составлении, утверждении и обнародовании законов издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1899. Собр. III. Т. 19. № 16447. С. 97–98.

минуя Сейм. Это вызвало бурю возмущения не только в финляндском Сейме, но и за рубежом.

В решении Сейма указывалось на незаконность попыток императорской власти изменить систему воинской повинности в Финляндии, а также на незаконность манифеста 3 февраля 1899 г.: «По конституции Финляндии законы, долженствующие служить к руководству финскому народу, могут быть издаваемы только в установленном основными законами края порядке, по которому предполагается не только, что монарх при этом пользуется содействием финляндских учреждений, но что законы по предметам, не относящимся к так называемым делам административным и хозяйственным, издаются с ведома и согласия земских чинов...»[16]

Подготовка нового Устава о воинской повинности силами военного министерства показывает, что этот документ стал толчком к изданию Манифеста 3 февраля 1899 г. Комиссия Н.Х. Бунге долгое время обсуждала вопрос о системе общегосударственного законодательства, но именно конкретные цели Военного министерства и активность А.Н. Куропаткина существенно ускорили этот процесс, приведя к изданию акта с далеко идущими политическими последствиями.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00426 А

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR, project number № 20-09-00426 A

Литература

Лапин 2014 – *Лапин В.В.* Финляндия в военной системе Российской империи // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. С. 98–120.

Лунтинен 2002 – *Лунтинен П.* Военные формирования Финляндии в системе вооруженных сил Российской империи // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 107–115.

Полвинен 1997 – *Полвинен Т.* Держава и окраина: Н.И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии: 1898–1904. СПб.: Европейский дом, 1997. 319 с.

[16] Сборник постановлений Великого княжества финляндского. 1899. № 49. С. 6–7.

Правилова 2006 – *Правилова Е.* Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах: 1801–1917. М.: Новое издательство, 2006. 453 с.

Суни 1982 – *Суни Л.В.* Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80–90-е гг. XIX в. Л.: Наука, 1982. 158 с.

Юссила 2009 – *Юссила О.* Великое княжество Финляндское: 1809–1917. Хельсинки: Ruslania, 2009. 844 с.

Юссила, Хентиля, Невакиви 2010 – *Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии: 1809–2009. М.: Весь мир, 2010. 471 с.

References

Lapin, V.V. (2014), "Finland in the military system of the Russian Empire", *Peterburgskij istoricheskij zhurnal,* no. 1, pp. 98–120.

Luntinen, P. (2002), "Military formations of Finland in the system of the armed forces of the Russian Empire", *Novaya i novejshaya istoriya,* no. 5, pp. 107–115.

Polvinen, T. (1997), *Derzhava i okraina. N.I. Bobrikov – general-gubernator Finlyandii 1898–1904* [Empire and Borderland. N.I. Bobrikov – Governor-General of Finland 1898–1904], Evropeiskii dom, Saint-Petersburg, Russia.

Pravilova, E. (2006), *Finansy imperii: Den'gi i vlast' v politike Rossii na nacional'nyh okrainah: 1801–1917* [Finances of the Empire: Money and power in Russian politics on the national borderlands. 1801–1917], Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia.

Suni, L.V. (1982), *Samoderzhavie i obshchestvenno-politicheskoe razvitie Finlyandii v 80–90-e gg. XIX v.* [Autocracy and socio-political development of Finland in the 80–90s of the 19th century], Nauka, Leningrad, Russia.

Yussila, O. (2009), *Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe 1809–1917* [Grand Duchy of Finland 1809–1917], Ruslania, Helsinki, Finland.

Yussila, O., Hentilya, S. and Nevakivi, Yu. (2010), *Politicheskaya istoriya Finlyandii: 1809–2009* [Political history of Finland. 1809–2009], Ves' mir, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Александра Ю. Бахтурина, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; b-a-t13@mail.ru

Information about the author

Alexandra Yu. Bakhturina, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; b-a-t13@mail.ru

УДК 328(470)
DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-32-42

«Булыгинская дума»: представительство без власти или власть представительства?

Сергей С. Новосельский

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, novoselsky.rggu@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается отношение представителей высшей бюрократии к проекту Государственной думы, разработанному Особым совещанием под председательством министра внутренних дел А.Г. Булыгина в 1905 г. Особое внимание уделяется оценкам сановниками места и роли Думы в системе государственного управления Российской империи, аргументам, которые приводились чиновниками в пользу ее созыва. Анализируется интеллектуальный контекст возникновения проекта «булыгинской думы», во многом определивший широту фактических, а не декларируемых полномочий народного представительства. Основу исследования составляют неопубликованные документы из фондов государственных учреждений, а также материалы личных фондов чиновников и общественных деятелей. В статье показано, что несмотря на законосовещательный характер Думы, она должна была обладать значительными полномочиями. Система выборов, которую предлагали и отстаивали сановники, изначально моделировалась таким образом, чтобы избежать торжества сословного принципа. Открытое противодействие монарха народным представителям считалось политически недальновидным шагом, что свидетельствовало об ограничении его власти. Результаты исследования позволяют рассматривать правительственную политику в 1905 г. не как несвоевременную реакцию на требования общественности, но как сознательную стратегию системных политических реформ.

Ключевые слова: Российская империя, Первая русская революция, 1905 год, высшая бюрократия, Государственная дума, «булыгинская дума», народное представительство, общественно-политическая мысль

Для цитирования: Новосельский С.С. «Булыгинская дума»: представительство без власти или власть представительства? // История и архивы. 2021. № 3. С. 32–42. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-32-42

© Новосельский С.С., 2021

“Bulyginskaya duma”. Agency without power or power of agency?

Sergey S. Novoselskii

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, novoselsky.rggu@gmail.com

Abstract. The article considers the attitude of representatives of the top bureaucracy to the draft of the State Duma, developed by a Special Council chaired by the Minister of the Interior A.G. Bulygin in 1905. Particular attention is paid to the high officials assessments of the dignitaries of the place and role of the Duma in the system of state administration of the Russian Empire, the arguments that officials cited in favor of its convocation. It analyzes intellectual context of the emergence of the “bulyginskaya duma” (“Bulygin Duma”) project is analyzed, which largely determined the breadth of the actual, not declared powers of the people’s agency. The research is based on unpublished documents from the funds of state institutions, as well as materials from the personal funds of officials and public figures. The article shows that, despite the legislative nature of the Duma, it had to have significant powers. The electoral system, which was proposed and defended by the high officials, was originally modeled in such a way as to avoid the triumph of the estates principle. The monarch’s open opposition to the people’s agency was considered a politically short-sighted move, which indicated a limitation of his power. The results of the study allow considering the government policy in 1905 not as an untimely response to public demands, but as a conscious strategy for systemic political reforms.

Keywords: the Russian Empire, the First Russian Revolution, 1905, top bureaucracy, the State Duma, «bulyginskaya duma», people’s agency, social and political thought.

For citation: Novoselskii, S.S. (2021), “‘Bulyginskaya duma’. Agency without power or power of agency?”, *History and Archives*, no. 3, pp. 32–42, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-32-42

Введение

Мысль о необходимости создания в России институтов представительной власти возникла задолго до 1905 г. Инициатива исходила от бюрократии, которая являлась одним из системообразующих элементов российского абсолютизма. С 1860-х гг. сановники и вовсе стали основной движущей силой реформ [Медушевский 2000, с. 126]. Общественность, мечтавшая о представительстве, была вправе рассчитывать на реформаторский потенциал самодержавия.

Необходимость политической модернизации в начале XX в. осознавали не только либералы. Идея народного представительства находила все больше сторонников и в правительственных кругах. Но сановники отчетливее других понимали, с какими трудностями им предстояло столкнуться при ее реализации. Сценарий, в котором Россия за полтора года пройдет путь от предложений реформировать Государственный совет по рецепту М.Т. Лорис-Меликова до созыва законодательной Думы, не мог представить себе никто.

Зарождение российского парламента и его так и не состоявшегося предшественника – «булыгинской думы» – продолжает оставаться актуальной проблемой в современной отечественной историографии [Кузнецов 2016; Лукоянов 2017]. Традиционно внимание историков в первую очередь привлекают сюжеты, связанные с разработкой и утверждением проекта «булыгинской думы» [Ганелин 1991; Костылев 2017; Демин 2020]. Сама же Дума по умолчанию расценивается как полумера, робкая правительственная уступка обществу, попытка ввести его в заблуждение созданием народного представительства, лишенного власти. Вопрос о том, как сановники воспринимали будущую Думу, какую роль в системе государственного управления отводили «булыгинской думе» ее авторы, позволяет взглянуть на проблему иначе. «Обманутой» оказывается уже не общественность, а император.

«Булыгинская дума»: первые очертания

После провала в декабре 1904 г. проекта реформы Государственного совета, инициатором которой выступал П.Д. Святополк-Мирский, отношение к идее создания народного представительства в Петербурге начало меняться. По замыслу многих сановников, оно должно было стать новым структурным элементом политической системы, а не дополнением к одному из уже существовавших. Все большей популярностью в правительственных кругах пользовалась идея создания Государственной думы.

В немалой степени этому способствовали события 9 января 1905 г. Вскоре после «кровавого воскресенья» А.С. Ермолов утверждал, что представительный орган мог бы стать площадкой для объединения проправительственных общественных сил[1]. Угроза новых беспорядков вынуждала сановников действовать решительно[2].

---

[1] Проект манифеста о событиях 9 января // Красный архив. 1925. Т. 4–5 (11–12). С. 29.

[2] *Редигер А.Ф.* История моей жизни: Воспоминания военного министра: В 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 407.

«Легко согласившись» на созыв законосовещательной Думы уже 11 февраля 1905 г.[3], Николай II настаивал на сословном характере будущего представительства[4]. Принципиальная позиция императора нашла отражение в двух проектах рескрипта на имя А.Г. Булыгина, составленных Э.Ю. Нольде и А.А. Будбергом, причем в тексте последнего сословный принцип подчеркивался особо[5]. Его автор также выдвинул предложения по организации выборов. Они должны были пройти в местностях, где имелись дворянские или земские учреждения. Предполагалось, что каждая губерния делегирует в Думу по три депутата (от дворянства, сельских обществ и от прочих городских и уездных владельцев)[6].

В первой половине 1905 г. многие сановники настаивали на формировании народного представительства на основе земств. С подобными предложениями выступали, в частности, А.Н. Куломзин[7] и главный «архитектор» «булыгинской думы» С.Е. Крыжановский[8]. Реализовать эту идею не удалось. Решающую роль сыграло противодействие А.Г. Булыгина. В отличие от некоторых своих помощников, министр внутренних дел не был сторонником радикальных реформ. Свою задачу он видел в точном исполнении указаний императора (т. е. в создании народного представительства). Изменения в системе государственного управления, которые бы неминуемо последовали за организацией выборов в Думу на основе земских учреждений, А.Г. Булыгин считал «делом будущих поколений»[9].

Насколько народным должно быть представительство?

Умеренно-консервативная общественность высказывалась за сословный и национальный принципы организации представительства. По мнению президента Московского общества сельского

---

[3] [*Витте С.Ю.*] Из архива С.Ю. Витте: Воспоминания. СПб., 2003. Т. 1: Рассказы и стенографические записи. Кн. 2. С. 684.

[4] РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 41. Л. 1–1 об.

[5] Там же. Л. 33 об.

[6] Там же. Л. 42–42 об.

[7] Там же. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 132. Л. 9–11.

[8] Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Т. 5. М.; Л., 1926. С. 380.

[9] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 684.

хозяйства и будущего лидера «Союза русских людей» А.Г. Щербатова, депутаты должны были происходить «исключительно из местностей, населенных коренным русским населением»[10]. Грузины, прибалты, поляки и финны были более консолидированы и имели больше возможностей для того, чтобы отстаивать свои политические интересы, «нежели русское население, разбросанное на громадных пространствах, часто вперемешку с населением иноплеменным»[11]. Государственная дума виделась А.Г. Щербатову собранием, в котором были бы в равной степени представлены все сословия[12]. Выборы народных представителей нельзя было доверить земским собраниям. Губернаторы могли влиять (и часто влияли) на избрание земских гласных. Оказавшись в Думе, они выражали бы интересы не столько всего народа, сколько местной администрации. Да и успешное руководство местным хозяйством отнюдь не гарантировало, что земские деятели окажутся компетентными в вопросах законотворчества[13].

Директор Московского главного архива иностранных дел П.Б. Мансуров предлагал уравновесить либерально настроенных депутатов путем широкого привлечения крестьянства к участию в выборах[14]. Эту идею поддерживали и в столичных консервативных кругах. Члены «Отечественного союза» призывали сформировать первую палату представителей, депутаты которой обсуждали бы «основные вопросы государственной жизни», преимущественно из крестьян[15].

Идее сделать ставку в Думе на казалось бы наиболее консервативную часть населения сочувствовала и императорская чета[16]. Разработчики «булыгинской думы» выступали категорически против. И дело было отнюдь не в опасениях, что «мужики» попадут под влияние революционеров. Гораздо важнее другое: крестьяне были абсолютно не готовы к государственной службе. Их корпоративные интересы были весьма ограничены[17], а подавляющее большинство крестьян вовсе не владело грамотой и оказалось бы не в «состоянии понять не только содержавшихся в законопроекте правил, но даже

---

[10] ОР РГБ. Ф. 265. К. 134. Д. 2. Л. 11.

[11] Там же. Л. 12.

[12] Там же. Л. 14–15.

[13] Там же. Л. 16–17.

[14] Там же. Л. 55 об.

[15] *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 734.

[16] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 519. Л. 3 об.; [*Витте С.Ю.*] Указ. соч. Т. 2. С. 113.

[17] Падение царского режима... Т. 5. С. 390.

заголовка его»[18]. Еще в апреле 1905 г., в самый разгар подготовки проекта народного представительства, А.Г. Булыгин прямо говорил, что «крестьян он ни за что не допустит»[19].

Судьба будущих депутатов-крестьян решилась довольно курьезно. В ходе Петергофских совещаний между участниками разгорелся спор о том, может ли депутат быть неграмотным. Слово взял историк Н.М. Павлов. В своем выступлении он апеллировал к житию святого, не владевшего грамотой. Императору этот аргумент показался убедительным, и он утвердил возможность избрания в Думу лиц, не умевших читать и писать, «на первое, по крайней мере, время»[20].

Однако по замыслу разработчиков «булыгинской думы» правительству следовало сделать в ней ставку не на «бродячих мещан и крестьян», а также «адвокатов и докторов, лишь номинально приписанных к такой-то губернии», а на представителей «оседлых» сословий – дворянства и купечества[21]. Важно подчеркнуть, что хотя в ходе выборов в Думу и предполагалась известная сословная дифференциация, но все же эти выборы, по убеждению авторов проекта, не должны были быть строго сословными [Новосельский 2019, с. 148]. В противном случае при существовавшем в России количественном соотношении между дворянами и крестьянами[22] на одного депутата-дворянина приходилось бы 80 представителей крестьянства[23]. Национальный принцип организации выборов также не встречал у сановников сочувствия. На Петергофских совещаниях Д.Ф. Трепов настойчиво советовал царю не препятствовать участию евреев в выборах[24].

Совещательная – значит безвластная?

Разработчики проекта «булыгинской думы» не считали, что законосовещательный характер представительства превратит его в сугубо номинальный орган власти. 24 мая 1905 г. работниками

---

[18] *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 734.

[19] *Богданович А.В.* Три самодержца: Дневники генеральши Богданович. М., 2008. С. 270.

[20] Петергофские совещания о проекте Государственной Думы: Какую Думу хотели дать народу Николай II и его министры. Пг., 1917. С. 158.

[21] РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 41. Л. 73 об.

[22] *Таганцев Н.С.* Пережитое. Учреждение Государственной Думы в 1905–1906 гг. Пг., 1919. Вып. 1. С. 26–27.

[23] Там же. С. 27.

[24] Петергофские совещания о проекте Государственной Думы... С. 122.

Особого совещания под председательством А.Г. Булыгина была подготовлена «Историческая справка» по вопросу созыва народных представителей в России. По мнению ее составителей, парламентаризм не отвечал российской политической традиции хотя бы потому, что на Западе он пришел на смену феодализму, когда возникла необходимость установления взаимоотношений между государством и обществом на новых, «правовых» основаниях. Однако «на Руси никогда не было феодализма, всегда существовало доверие и единение царя с народом», выраженное в периодических созывах законосовещательных Земских соборов. Следовательно, задачей было не заключение между царем и народом «конституционного договора», а развитие «правительственного механизма <...> в духе развития исконных русских начал»[25].

Рассуждения сановников были созвучны логике одного из идеологов славянофильства К.С. Аксакова, впервые употребившего в 1840-х гг. термин «Земский собор». Согласно концепции К.С. Аксакова, приняв решение о созыве Собора, царь уже не мог пойти против его воли, ведь тем самым он нарушил бы свое предназначение – служить интересам «земли» (народа). Следовательно, правопреемница Земских соборов «булыгинская дума» ограничивала власть монарха в гораздо большей степени, нежели парламент. Являясь, в первую очередь, ограничением нравственным, оно было для государя строже любых правовых норм.

Схожую мысль отстаивал в своем докладе Николаю II Д.М. Сольский. По его утверждению, интересы монарха и его подданных в России полностью совпадали. А значит, не было нужды скреплять их отношения конституционным договором. Созыв Думы являлся актом доброй воли императора и выражал его стремление удовлетворить пожелания общества. Монарху станет проще заботиться о народе, ведь царь сможет узнавать о его потребностях «из первых уст». Это, однако, накладывало на Николая II дополнительную ответственность. По словам Д.М. Сольского, «его несогласие с мнением Думы не будет уже иметь оправдания в недостаточной осведомленности законосовещательных учреждений об истинных потребностях населения»[26]. Так в 1905 г. славянофильская теория наполнялась практическим содержанием: открытое противодействие монарха народным представителям считалось уже не только идеологически неверным, но и политически недальновидным шагом.

К 27 июля 1905 г. было подготовлено три проекта Манифеста об учреждении Государственной думы. Один из них был составлен

[25] РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 41. Л. 73.

[26] Там же. Ф. 694. Оп. 2. Д. 112. Л. 5.

Н.С. Таганцевым. Автор проводил параллели между Думой и Земскими соборами XVI–XVII вв., а также властными экспериментами в области народного представительства (в частности, Уложенной комиссией Екатерины II). Историческая преемственность выборных начал в России утверждалась Н.С. Таганцевым и на примере института губернских и уездных предводителей дворянства[27]. Подобная глубина исторических аналогий не нашла отражения в итоговой редакции Манифеста, однако идея законодательной преемственности, а не чрезвычайности решения императора о созыве Думы (посредством упоминания Манифеста 26 февраля 1903 г.) в нем все же просматривалась [Новосельский 2019, с. 157].

Манифест 6 августа 1905 г. был с одобрением встречен сановниками, которые наделяли проект «булыгинской думы» рабочим, а не декларативным содержанием. П.П. Дурново называл его «великим законодательным актом»[28]. Э.Ю. Нольде выражал надежду на то, что представители общественности охотно включатся в созидательную государственную работу наравне с правительством[29]. Даже последовательный сторонник созыва Земского собора А.А. Киреев был убежден, что посредством Думы удастся заменить «неудачных бюрократов деятелями удачными», примкнувшими к оппозиции во многом потому, что ранее они не имели никаких шансов легально прийти во власть. С учреждением Государственной думы общественным деятелям предоставлялась такая возможность[30].

По мере приближения выборов в Думу сановники все меньше уповали на силу консолидирующего эффекта, который произведет в обществе ее созыв. Напротив, сомнений в том, что Государственная дума будет настроена крайне оппозиционно, практически не оставалось. 24 сентября 1905 г. Д.Ф. Трепов призывал царя приступить к формированию «твердо сплоченной консервативной партии порядка», которая сумела бы одержать победу на выборах. Залог ее успеха виделся Д.Ф. Трепову в разработке и придании широкой огласке правительственной программы реформ, которую члены партии могли бы противопоставить оппозиции в ходе обсуждений различных законопроектов в Думе[31]. Не менее важная задача состояла в том, чтобы сделать новый орган власти максимально легитимным в глазах общественного мнения. Для этого выборы в Думу должны

---

[27] *Таганцев Н.С.* Указ. соч. С. 43.

[28] ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1431. Л. 58.

[29] РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 396. Л. 1 об. – 2.

[30] [*Киреев А.А.*] А.А. Киреев: Дневник: 1905–1910. М., 2010. С. 77.

[31] Власть и общество в Первой российской революции 1905–1907 гг.: документальные свидетельства. М., 2017. С. 18–19.

были быть произведены без какого бы то ни было вмешательства со стороны администрации[32]. Только в этом случае Государственная дума могла стать инструментом правительственной политики.

Заключение

События Первой русской революции вынудили власть искать диалога с обществом. Государственная дума должна была оказывать правительству содействие в преодолении революционного кризиса. Но законосовещательный характер будущего представительства не достигал этой цели, поскольку порождал конфликт между облеченными властью чиновниками и формально лишенными ее депутатами. И хотя создатели «булыгинской думы» расценивали ее как орган действительного, а не мнимого народного представительства, ее проект уже не отвечал вызовам времени. Осенью 1905 г. в Петербурге полагали, что наделенную более широкими правами Думу правительству будет проще контролировать. Даже если создание механизмов этого контроля потребует от власти беспрецедентных реформ.

Проект «булыгинской думы» изначально воспринимался представителями высшей бюрократии как новаторский. Они рассматривали Думу как инструмент квалифицированной общественной экспертизы верховной власти. Такая Дума не могла строиться на сословных или национальных основаниях. Она должна была стать реальным противовесом единоличной власти монарха. Чтобы убедить Николая II пойти на этот шаг, сановникам приходилось тщательно взвешивать аргументы. Их поиск привел авторов «булыгинской думы» к давнему тезису славянофилов о том, что только народное представительство делало монархию в России легитимной. Законосовещательная Дума казалась удачным компромиссом между стремлением бюрократии и общества к реформам и инертностью самодержавия. Отказ от ее созыва был обусловлен не революцией в сознании чиновников, а политической целесообразностью.

[32] РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 5. Л. 177.

Литература

Ганелин 1991 – *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 году: Реформы и революция. СПб.: Наука, 1991. 221 с.

Демин 2020 – *Демин В.А.* Государственная дума vs. Земский собор: сравнительный анализ проектов С.В. Крыжановского и В.И. Гурко // Таврические чтения–2019: Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Международная научная конференция, Санкт-Петербург, Таврический дворец, 5–6 декабря 2019 г.: Сборник научных статей: В 2 ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб.: Астерион, 2020. Ч. 1. С. 58–65.

Костылев 2017 – *Костылев А.В.* На раннем этапе разработки думского избирательного законодательства в законосовещательную Думу (весна–лето 1905 г.) // Таврические чтения–2016: Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Международная научная конференция, Санкт-Петербург, Таврический дворец, 8–9 декабря 2016 г.: Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб.: Элек-Сис, 2017. Ч. 1. С. 85–93.

Кузнецов 2016 – *Кузнецов А.А.* На пути к выборам в III Государственную думу: Об истории Булыгинского избирательного закона // Власть. 2016. Т. 24. № 10. С. 137–143.

Лукоянов 2017 – *Лукоянов И.В.* Сановники и реформы в 1905 г.: от 9 января к актам 18 февраля // Историк. Время. Общество: Сборник трудов к 90-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина (1926–2014) / Отв. ред. М.А. Воскресенская, А.С. Крымская, Е.В. Петров. М.: Новый Хронограф, 2017. С. 314–336.

Медушевский 2000 – *Медушевский А.Н.* Конституционные проекты в России // Конституционные проекты в России: XVIII – начало XX в. / Отв. ред. С. Бертолисси, А.Н. Сахаров. М.: ИРИ РАН, 2000. С. 95–166.

Новосельский 2019 – *Новосельский С.С.* Правительственные проекты преодоления революционного кризиса 1905 г. в России: дис. ... канд. ист. наук. М.: РГГУ, 2019. 376 с.

References

Ganelin, R.Sh. (1991), *Rossijskoe samoderzhavie v 1905 godu. Reformy i revolyuciya* [Russian autocracy in 1905. Reforms and revolution], Nauka, Saint-Petersburg, Russia.

Demin, V.A. (2020), "State Duma against Zemsky Sobor (Assembly of Land). Comparative analysis of projects by S.V. Kryzhanovsky and V.I. Gurko", in Nikolaev, A.B. (ed.) *Tavricheskie chteniya–2019: Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya, S.-Peterburg, Tavricheskij dvorec, 5–6 dekabrya 2019 g.: Sbornik nauchnyh statej. V 2 ch.* [Taurian Conference 2019. Current issues of parliamentarism. History and contemporaneity. International Scientific Conference, St. Petersburg, Tavrichesky Palace, 5–6 December 2019:

Collection of scientific articles. 2 vols.], vol. 1, Asterion, Saint-Petersburg, Russia, pp. 58–65.Kostylev, A.V. (2017), "At the early stage of the development of the Duma legislation for the elections to the quasi-Legislative Duma (spring–summer 1905)], in Nikolaev, A.B. (ed.) *Tavricheskie chteniya–2016: Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya, S.-Peterburg, Tavricheskij dvorec, 8–9 dekabrya 2016 g. Sbornik nauchnyh statej* [Taurian Conference 2016. Current issues of parliamentarism. History and contemporaneity. International Scientific Conference, St. Petersburg, Tavrichesky Palace, December 8–9, 2016 Collection of scientific articles], vol. 1, Elek-Sis, Saint-Petersburg, Russia, pp. 85–93.

Kuznecov, A.A. (2016), "On the way to the elections to the III State Duma. On the history of the Bulygin electoral law", *Vlast'*, vol. 24, no. 10, pp. 137–143.

Lukoyanov, I.V. (2017), "High Officials and reforms in 1905. From January 9 to the February 18 acts", in Voskresenskaya, M.A., Krymskaya, A.S., Petrov, E.V. (eds.) *Istorik. Vremya. Obshchestvo: Sbornik trudov k 90-letiyu so dnya rozhdeniya chl.-korr. RAN Rafaila SHolomovicha Ganelina (1926–2014)* [Historian. Time. Society: Collection of works for the 90th anniversary of the birth of Associate Member RAS Rafail Sholomovich Ganelin (1926–2014)], Novyj Hronograf, Moscow, Russia, pp. 314–336.

Medushevskii, A.N. (2000), "Constitutional projects in Russia", in Bertolissi, S., Saharov, A.N. (eds.) *Konstitucionnye proekty v Rossii XVIII – nachalo XX v.* [Constitutional projects in Russia in the 18th – early 20th centuries], IRI RAN, Moscow, Russia, pp. 95–166.

Novosel'skii, S.S. (2019), "Government projects to overcome the revolutionary crisis of 1905 in Russia", Ph.D. Thesis (History), RGGU, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Сергей С. Новосельский, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; novoselsky.rggu@gmail.com

Information about the author

Sergey S. Novoselskii, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; novoselsky.rggu@gmail.com

УДК 94(470)
DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-43-53

Инженерные проекты русской армии по затоплению рек в годы Первой мировой войны: проекты и реальность

Александр Б. Асташов

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, abastash@yandex.ru

Аннотация. Первая мировая война как тотальный конфликт сопровождалась различными проявлениями варваризации военных действий. Одним из актуальных вопросов мирового противостояния является проблема его влияния на экологию региона военного противостояния. В статье, написанной на впервые привлеченных архивных материалах, прослеживается политика военного руководства по использованию водных ресурсов в ходе войны. Анализу подвергаются различные планы и мероприятия по затоплению местностей в системе пассивной и активной обороны в различных точках театра военных действий: при обороне крепостей, строительстве преград на реках для недопущения их форсирования, попытках использования речных заград для затопления целых городов. В работе исследуются причины успехов и неудач проведения в жизнь этих планов. Особенно подробно исследуется план затопления рек в Полесье, являющемся крупнейшим резервуаром водных ресурсов на западных окраинах России в стратегическом регионе исторического противостояния России с ее западными соседями. В статье делается вывод о серьезных разногласиях военного и гражданских ведомств по вопросу о вреде затопления рек для сельского хозяйства, населения и экологии района, в том числе в послевоенной перспективе, что вынудило военное руководство принять умеренный план обороны по заболачиванию местности. В ходе использования водных ресурсов русской армии удалось избежать варваризации военных действий, включая затопление крупных контингентов противника, ограничившись умеренными мероприятиями воздействия на экологию региона и оставаясь в пределах гуманности, насколько это позволяла тотальная война.

Ключевые слова: тотальная война, водные ресурсы, затопление рек, экология, варваризация, гуманизм, Полесье

© Асташов А.Б., 2021

Для цитирования: Асташов А.Б. Инженерные проекты русской армии в годы Первой Мировой войны по затоплению рек: планы и реальность // История и архивы. 2021. № 3. С. 43–53. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-43-53

Engineering projects of the Russian army during World War I inundation of rivers. Plans and reality

Alexander B. Astashov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, abastash@yandex.ru

Abstract. World War I, as a total conflict, was accompanied by various manifestations of the barbarization of hostilities. One of the topical issues of the world confrontation is its impact on the ecology of the region of military conflict. Written on the basis of archival materials for the first time used in studying, the article traces the policy of the military leadership on the use of water resources during the war. Various plans and measures for flooding areas in the system of passive and active defense in different points of the theater of military operations are analyzed: in the defense of fortresses, construction of barriers on rivers to prevent their forcing, attempts to use river barriers for flooding of entire cities. The work studies the reasons for the successes and failures of such plans. In particular detail it does so in the context of the plan to flood the rivers of Polesye, which was the largest reservoir of water resources in the western borderlands of Russia in a strategic region of historical confrontation between Russia and its western neighbors. The article concludes that there was a serious disagreement between the military and civilian authorities on the issue of the detrimental effects of river flooding to the agriculture, population, and ecology of the area, including in the postwar perspective, which forced the military leadership to adopt a moderate defense plan for swamping the area. In the course of using water resources, the Russian army managed to avoid the barbarization of military actions, including flooding large contingents of the enemy, limiting itself to moderate measures of impact on the ecology of the region and remaining within the limits of humanity, as far as total war permitted.

Keywords: total war, water resources, inundation of rivers, ecology, barbarization, humanism, Polesye

For citation: Astashov, A.B (2021) “Engineering projects of the Russian army during World War I inundation of rivers. Plans and reality”, *History and Archives*, no. 3, pp. 43–53, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-43-53

Первая мировая война отличалась от других войн использованием большого количества средств, направленных на уничтожение противника. Важнейшими из них являлись ресурсы, использовать которые позволял существующий ландшафт: почва, вода, флора. В некоторых странах использование рек, дамб, водных преград стало важной частью самого способа военных действий, тем более это стало актуально в тотальной войне, каковой являлась Первая мировая война.

В отечественной историографии вопрос о водных ресурсах как средствах ведения войны кратко рассматривался в нескольких статьях в военной литературе на примере западных армий в Первой мировой войне. При этом внимание уделялось сочетанию этого вида борьбы с другими средствами организации обороны: системой оборонительных сооружений, применяемыми техническими средствами и т. п. Основной вывод заключался в необходимости использования водных ресурсов в качестве средства разрушения позиций противника. Подчеркивалась дешевизна этого ресурса, необходимость им пользоваться при наличии соответствующих условий [Броневский 1930]. Кратко рассматривались и попытки использования водных ресурсов русской армией. Они характеризовались как случайные и сводились к возникновению немногих проектов без их воплощения в жизнь. В качестве причины называлась «незадачливость» царского правительства, изначально не уделявшего внимания этому виду обороны [Пышкин 1943, с. 17]. В настоящее время в литературе отмечается «умелое создание и использование водных заграждений русскими войсками во всех войнах конца XIX в., а также в I мировую войну»[1].

В центре исследования настоящей статьи – проблема эффективности использования водных ресурсов в военных действиях. Для ее решения используется анализ причин обращения к этим ресурсам, видов, характера и цели их применения. Проблема использования водных ресурсов ставится в контексте варваризации военных действий и одновременно гуманизма, учета возможных людских потерь, вреда для социально-экономических интересов населения и окружающей среды на фронте. Работа написана на основании архивных материалов, отложившихся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). Это в основном проекты и переписка штабов, различных организаций, инженеров-гидротехников,

[1] Военно-инженерная академия. Кафедра водообеспечения и гидротехники: Историческая справка. 2007 [Электронный ресурс] // https://www.sites.google.com/site/virtualvia/fakulteti/fakultet_1/kafedra-vodoobespecenia-i-gidrotehniki (дата обращения 10.10.2020).

частных лиц, воспоминания участников войны об использовании водных ресурсов на войне.

Широко применяемые противником, главным образом германцами, новые технические средства вооружений были крайне тягостными для солдат русской армии и воспринимались ими как «немецкое варварство» с его господством бездушной техники. Таким способам ведения войны в русской армии пытались противопоставить приемы «честной войны», используя природные средства, ведя борьбу не с техникой, а с живым противником лицом к лицу, где и могло проявиться нравственное превосходство русского солдата[2].

Опыты использования водных ресурсов в боевых действиях можно разделить на пассивно и активно оборонительные. Пассивная оборона предусматривала всего лишь использование водных ресурсов в имеющейся системе защитных сооружений и имела целью только отразить наступление противника. Активная оборона предусматривала создание собственной системы водных сооружений с целью нанести максимально сильное поражение противнику с неисчислимыми жертвами с его стороны и вне зависимости от потерь для экологии.

До войны в России не существовало общих планов по использованию водных ресурсов в обороне. Только в 1916 г. в Бельгию были посланы инженеры для ознакомления с производством искусственных затоплений[3]. Однако попытки использования водных средств на отдельных участках фронта предпринимались. Одним из пионеров такого вида борьбы был военный инженер А.В. Шварц. Так, еще в 1909 г. он предлагал создать участки наводнения перед позициями Новогеоргиевской крепости. В 1910 г. Шварц подготовил детальный план затопления предкрепостных укреплений Ивангорода. Его суть заключалась в устройстве запруд р. Вислы вблизи цитадели, что повлекло бы затопление всех окрестностей крепости с одновременной поддержкой со стороны вновь построенных фортов-застав с сильной артиллерией. Это бы обеспечивало плотины от разрушения, а крепость оставалась бы неприступной. Однако план не был поддержан начальником Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) А.З. Мышлаевским, считавшим, что русские до этого «не доросли». Шварц впоследствии связывал отказ поддержать свой

---

[2] См.: Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 544. Л. 6, 33, 210, 614; Д. 561. Л. 1 об., 227 об., 614; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2934. Л. 296; Д. 2935. Л. 831, 834; Д. 2937. Л. 321; Д. 3850. Л. 451–451об.; Д. 3856. Л. 56, 50 об.; Д. 3863. Л. 30; Ф. 2122. Оп. 1. Д. 967. Ч. 1. Л. 232; Ф. 1720. Оп. 11. Д. 10. Л. 314 об. – 315; Ф. 13842. Оп. 1. Д. 7. Л. 403 об. – 404.

[3] *Лемке М.К.* 250 дней в царской ставке: 1914–1915. Мн.: Харвест, 2003. С. 389.

план с началом эпохи слома крепостей[4]. При этом в самой австровенгерской армии существовали опасения наткнуться на водные преграды в виде затопленных участков в некоторых русских крепостях[5].

После назначения комендантом Ивангородской крепости в августе 1914 г. Шварц развернул деятельность по ее обороне с использованием водных ресурсов. К 5–6 августа на главной оборонительной линии начали делать затопление при помощи небольших запруд, образованных из земляных мешков, на маленьких речках, впадающих в Вислу, что заставило их выйти из берегов и затопить местность перед укреплениями. Эти работы осуществлялись медленно, по секторам, но давали, по мнению Шварца, превосходные результаты. Так, в августе 1914 г. войска противника, пройдя укрепления, остановились перед водной преградой и попали под сильный артиллерийский огонь. Другой случай использования преграды произошел 26 сентября, когда немцы, в ходе наступления попав в болота, оказались не в состоянии продвигаться по затопленным местам и под сконцентрированным огнем начали отступать по всей линии передовой[6].

На самом деле хитроумная система отдельных участков затопления и колючей проволоки поставила некоторые части русской армии в сложное положение. Во время боев 8 июля 1915 г. они оказались обойдены наступавшим противником и сами не могли найти проходов в этой системе искусственных водоемов. Пришлось с тыла организовать систему связи потерявшихся полков с оставшимися в крепости частями. Другим недостатком водных преград в системе оборонительных позиций было то, что собственные наводнения значительно затрудняли наступление самих русских войск. Наконец, несмотря на небольшое количество участков с искусственным наводнением, это не могло избавить войска от жалоб местных жителей и хозяев на вред, причиненный водными преградами, например, гибель рыбы в прудах. Хотя еще в декабре 1914 г. планировалось устройство на позициях запруд, заболачивание некоторых участков, весной 1915 г. выяснилась ограниченность этого вида борьбы по сравнению с обеспечением позиций

---

[4] *Шварц А.В.* Оборона Ивангорода в 1914–1915 гг.: Из воспоминаний коменданта крепости Ивангорода А.В. Шварца. М.: Глав. воен.-инж. упр., 1922. С. 50–51.

[5] *Шварц А.В.* Ивангород в 1914–1915: Из воспоминаний генерал-лейтенанта А.В. фон Шварца коменданта крепости с 2 картами в тексте. Париж: Военно-историческое издательство «Танаис», 1969. С. 16–18.

[6] *Шварц А.В.* Оборона Ивангорода в 1914–1915 гг. С. 15, 26–27, 33; РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 527. Л. 391 об.

русской армии артиллерийскими снарядами. К лету из планов и отчетов об обороне крепостей практически исчезли данные о затоплении участков укреплений. Да и сама фигура Шварца, героя обороны Ивангорода в 1914 г., потускнела. Это стало ясно после неудачи защиты Новогеоргиевской крепости, куда Шварц был назначен, но даже туда не доехал[7].

Существовали и другие виды борьбы с использованием водных ресурсов. Так, зимой 1915/16 г. были предприняты шаги по минированию замерзшей Западной Двины для пресечения форсирования противником реки по льду. Для этого на участке длиной 51 версту предполагалось несколько решений: прорытие каналов и постепенное откалывание образующихся льдин с тем, чтобы провести их под ледяное покрытие, минирование реки на всем участке с помощью специальных мин; расстрел льда на указанном участке до или во время наступления противника. Однако реально это оказалось невозможно сделать: трудно было поддержать в подтопленном состоянии столь большой участок путем сколки льда. Для минирования реки необходимы было 10 тыс. зарядов с 250 тоннами пороха, сложная система минирования, сотни подрывников. Невозможно было обеспечить наличие батарей тяжелой артиллерии на конкретных участках прорыва противником. Вопрос о минировании не был решен даже к январю 1917 г. вследствие нехватки необходимого количества запалов, провода, взрывателей, кабелей, даже ломов, молотков, рукавиц, багров, лодок. В связи с неудачей минирования рек было решено организовать контрудары на ожидаемых направлениях прорыва противника[8].

Одними из последних опытов использования водных ресурсов в рамках пассивной обороны были попытки затопления и заболачивания местности перед Якобштадтом. Эта работа была проведена начальником гидротехнической организации Северного фронта В.А. Крейслером. Устроенное гидротехническое сооружение в виде огромной плотины привело к тому же к обледенению крутого берега Двины, сделав его совершенно неприступным для атаки. Но успешная деятельность Крейслера вызвала подозрения в его шпионстве на пользу Германии. В контрразведке Северного фронта всерьез

---

[7] *Шварц А.В.* Ивангород в 1914–1915: Из воспоминаний генерал-лейтенанта А.В. фон Шварца, коменданта крепости, с 2 картами в тексте. Париж: Военно-историческое изд-во «Танаис», 1969. С. 143; *Он же.* Оборона Ивангорода в 1914–1915 гг.: Из воспоминаний коменданта крепости Ивангорода А.В. Шварца. М.: Глав. воен.-инж. упр., 1922. С. 16, 46, 47, 82; *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 361.

[8] РГВИА. Ф. 2035. Оп. 1. Д. 51. Л. 1–25 об.; Д. 52. Л. 1–1 об.; 44–44 об., 68–68 об., 125, 245, 360–361; Д. 53. Л. 12, 37–37 об.

вели слежку за «Насосом» – так филеры называли свой объект[9]. Такое недоверие к выдающейся личности даже в Ставке вызвало негодование[10]. Сбой в затоплении Якобштадтских позиций оказался на руку противнику. Немцы в октябре 1916 г., не дожидаясь новых экспериментов с обледенением русских укреплений еще на одну зиму, в стремительном натиске захватили укрепления Якобштадта, очистив пространство в 40 км в ширину и 10 км в глубину, что вызвало бурю ликования в немецкой печати[11].

Кроме пассивной, существовали и проекты организации активной обороны с использованием водных ресурсов. Некоторые из них предполагали обширные затопления рек глубоко в тылу противника. Так, уже упоминавшийся инженер М.Н. Ермолаев еще в октябре 1914 г. предлагал план затопления Бреславльской крепости и города Бреслау (Вроцлав) на р. Одер. Путем строительства плотины выше по течению Одера предполагалось создать объем воды в 13 млн саженей высотой почти 5 м. Эту работу должны были сделать 15 тыс. рабочих за 10 дней. Посредством взрыва плотины предполагалось затопить город за 17 часов. В записке подчеркивалось, что «затопление произойдет одновременно и неожиданно, что вызовет страшную панику в городе и в свою очередь отразится на защитниках крепости, а моральное действие и разрушение, причиненное им, будет больше, чем если бы город подвергся бомбардировке». Результаты затопления, усиленые действием сильного артиллерийского огня, должны были создать благоприятную обстановку для захвата крепости открытой силой. Кроме того, ожидалось, что приток воды в Одере временно прекратится, что вызовет осушение рек и ручьев в данной местности и приведет также к успешным действиям русской армии. Ожидалось подтопление долины на 85 верст вниз по течению, что будет разрушительным образом воздействовать на пути сообщений в долине реки[12]. Как видно, ни ущерб для экологии, ни гибель десятков тысяч мирных жителей в расчет не принимались.

Другой проект активной обороны был предоставлен инженером-гидротехником Ю.В. Ланге в августе 1914 г. Он предусматривал искусственное затопление левого берега Вислы «в нужное время во время боя, когда на нем будет враг, предварительно заманив его куда следует». Поднять воду предполагалось в 2 дня установкой козел со щитами, заготовив их заранее. Ланге был готов в случае

---

[9] Там же. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 1074. Л. 1; Д. 843. Л. 1–2 об.

[10] *Лемке М.К.* Указ соч. С. 549, 569.

[11] Российский государственный архив военно-морского флота. Ф. 140. Оп. 477. Д. 179. Л. 67.

[12] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 525. Л. 142–146.

утверждения своего проекта организовать команду помощников из служащих Киевского округа путей сообщения, уже производивших перемычки на Днепре, а также из отдела земельных улучшений Министерства государственных имуществ[13]. Из дела непонятно, был ли рассмотрен проект Ланге. Впрочем, Ланге пробовал себя и в других начинаниях. В 1915 г. он предлагал прорыть канал через Галлиполийский полуостров, чтобы обеспечить простор союзного флота в Адриатике[14].

Кроме кадровых инженеров, проекты затопления целых городов подавали и простые граждане. Так, некая Мария Глебова предложила взять Перемышль и Краков путем затопления их реками Саном и Вислой. Для этого нужно было, «не пожалев взрывчатки», сделать запруду в местах выше по течению этих рек[15].

Однако самым масштабным проектом использования водных ресурсов был план затопления Полесья, предложенный летом 1915 г. Г.Г. Артыновым, гражданским инженером, выполнявшим до этого заказы военного ведомства. Инженер предлагал поднять уровень болотных и грунтовых вод с помощью реки Припяти с ее притоками, а также Березины и Немана. Для этого надо было погрузить на дно рек, речек, ручьев и осушительных канав фашины, наполненные камнем, песком, глиной, а также устроить донные и переливные плотины на больших реках, замедлить скорость течения, а в малых притоках совершенно его остановить. Такое же загромождение русел касалось притоков Припяти: Стыря, Горыни, Сдвига, Случа, Птича, а также и левых притоков, которые текли также с запада на восток. Особенно была надежда на разлив весенних (1916 г.) вод горных притоков Припяти. Предполагалось, что если до февраля 1916 г. противник не успеет покинуть район, ему не удастся справиться с быстрым наводнением, при котором разлив рек продолжится до июля и достигнет превышения обычного уровня на 2 сажени (4,27 метров), что сделает гибель его армии неминуемой[16]. Как видно, этот план отвечал самым чрезвычайным и кардинальным мерам по использованию заболачивания рек в борьбе с врагом. По существу, в плане предусматривалась не только гибель сотен тысяч человек армии противника, но и масштабное негативное влияние на всю природную инфраструктуру Полесья.

Другой концепции использования водных ресурсов в борьбе с противником придерживался видный гидролог, инженер Е.В. Оппоков, участник Западной экспедиции И.И. Жилинского

---

[13] Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 493. Л. 113–115.
[14] РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 48. Л. 112–114.
[15] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 493. Л. 174–175.
[16] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3750. Л. 8–8 об.

по осушению Полесья [Косовець О. и др. 2013, с. 42]. Оппоков указывал, что затопление произойдет не на вражеской территории, а на собственной и повлечет за собой крупный ущерб для сельского хозяйства и в целом местному населению. Ущерб этот ожидался от того, что отдельные селения окажутся совершенно отрезанными от сообщения с внешним миром; население лишится полностью кормовой площади вследствие затопления сенокосов и, следовательно, лишится скота; при более или менее продолжительном затоплении лесных площадей может произойти усыхание леса, а подтопление лесных площадей, вызванное прекращением свободного стока весенних вод дамбой полесских железных дорог, повлекло бы за собой местами гибель леса на пне.

Свои планы по созданию водных преград Оппоков основывал на том факте, что пологий и равнинный рельеф центрального Полесья и его обширная природная заболоченность благоприятствовали образованию искусственных мелководных бассейнов путем преграждения стока вод в ложбинах и низинах. План Оппокова не допускал огульного затопления части Полесья, а имел в виду создать систему регулируемых водохранилищ с водосливами и водоспусками в виде «водной завесы». Это позволяло, с одной стороны, сознательно поддерживать дороги в сравнительно сухом состоянии до последней возможности на случай быстрого отступления собственной армии, а с другой – довести до минимума вред от подтопления сельскохозяйственных угодий. Проект Оппокова в перспективе даже способствовал канализации рек в интересах судоходства Полесья в послевоенный период. Важным было также то, что данный проект мог быть проведен в жизнь самостоятельно силами Гидротехнической организации Министерства государственных имуществ. Если же и допускалось к работам привлечение технических сил военного ведомства, для эффекта полезного действия ставилось непременное условие обязательного меньшего вреда принятых мер для населения[17].

Дальнейшие события в области инженерно-гидротехнической подготовки обороны показывают, что военные вполне представляли негативные последствия заболачивания и действовали осмотрительно, исходя из ситуации на фронте, где активные действия были приостановлены. Осенью 1915 г. по распоряжению Главного начальника снабжений Юго-Западного фронта работы по заболачиванию Полесья были произведены инженером путей сообщения С.В. Халютиным и преследовали цель создать «непреодолимую для неприятеля преграду» в Полесье в осеннее время. В представленной программе дальнейших работ дело передавалось в ведение Отдела

[17] Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3750. Л. 191–195.

земельных улучшений Министерства земледелия. На состоявшемся в феврале 1916 г. совещании по заболачиванию Полесья были приняты положения, в которых были указаны полосы, заболачивание которых необходимо было в стратегическом отношении. При этом заболачивание сплошными плотинами признавалось как мера временная, которая при долгом применении испортит Полесье. Пока же работы предусматривали сооружение устройств особых водоспусков и водосливов для пропуска весенних вод. Проектировались также работы по восстановлению существовавшей осушительной сети после прекращения заболачивания района, составлялись проекты о влиянии произведенного уже заболачивания на экономическую жизнь местного населения и на крупное лесное хозяйство и т. п.[18]

Фактическое принятие мягкого варианта мобилизации водных ресурсов, предусматривавшего не затопление рек с глубокими поймами, с поглощением большинства дорог, а заболачивание ряда местностей на небольшую высоту с учетом интересов местного населения и его сельского хозяйства, в Ставке рассматривали как уступку военных гражданским инженерам. Таким образом, по мнению Лемке, «инженеры обманывали штаб фронта, а его генерал-квартирмейстер верил им и вводил Ставку в глубокое заблуждение»[19]. Проверить такое допущение Лемке было бы возможно, только если бы наступление противника состоялось. Отсутствие упоминаний в послевоенных работах о возможном вреде, обусловленном затоплением Полесья, для населения и сельского хозяйства показывает, что в целом на практике в деле мобилизации водных ресурсов в войне превалировала концепция экологической целесообразности, а принятые меры по заболачиванию местности явились сдерживающим фактором наступления противника.

Литература

Броневский 1930 – *Броневский Д.* Затопления в качестве заградительного и оборонительного средства // Война и революция. Кн. 12. М., 1930. С. 66–70.

Пышкин 1943 – *Пышкин Б.А.* Война и гидротехника // Наука и жизнь. 1943. № 1–2. С. 14–17.

Косовець и др. 2013 – *Косовець О. и др.* Євген Володимирович Оппоков – засновник практичної та наукової гідрології в Україні (до 145-річчя від дня народження) // Дослідження з історії техніки. 2013. № 17. С. 42–48.

[18] Там же. Л. 186–187; Ф. 2071. Оп. 1. Д. 28. Л. 66 об.

[19] *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 95–96.

References

Bronevskii, D. (1930), "Flooding as a barrier and defensive means", in *Voina i revolyutsiya, kniga 12* [War and Revolution, vol. 12], Moscow, pp. 66–70.

Pyshkin, B.A. (1943), "War and hydrotechnics", *Nauka i zhizn'*, no. 1–2, pp. 14–17.

Kosovets, O. etc. (2013), "Evgen Volodimirovich Oppokov is the head of practical and scientific hydrology in Ukraine (on 145th anniversary of the birth)", *Doslidzhennya z istorii tekhniki* [Research on the history of technology], no. 17, pp. 42–48.

Информация об авторе

Александр Б. Асташов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6; abastash@yandex.ru

Information about the author

Alexander B. Astashov a, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; abastash@yandex.ru

УДК 379.8
DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-54-64

Досуговая культура научно-педагогических работников Саратова в 1920-е гг.

Эльмира Ф. Абубикерова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, abubikerova.e@rggu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу организации неслужебного времени научно-педагогических кадров высших учебных заведений Саратова в 1920-е гг. Автор на основе оригинальных источников раскрывает основные виды досуга профессорско-преподавательского состава. В непрофессиональной деятельности преподавателей в рассматриваемый период оставалось много старого, традиционного, которое в силу объективных причин того времени претерпело некоторые изменения. Поскольку досуг оставался неотъемлемой частью частной жизни, полностью от него невозможно было отказаться, хотя по сравнению с дореволюционным периодом места для него оставалось все меньше. Проблемы духовного мира, взгляды на окружающую действительность, размышления о жизненном пути и кредо – все это отошло на второй план, преподавателям приходилось решать острые вопросы полуголодного существования, а порой и вести фактическую борьбу за выживание. При сравнении досуга ученых и представителей рабочего класса отмечается разница в их качественном наполнении и в конкретных разновидностях времяпрепровождения. Основное внимание акцентируется на рассмотрении факторов, влиявших на изменения форм проведения свободного времени ученых на протяжении 1920-х гг., и отмечается сильное влияние элемента политики во внеучебной жизни университетского человека и ухудшающиеся условия жизни.

Ключевые слова: повседневная культура, научно-педагогические кадры, Саратов, 1920-е гг., досуг, виды отдыха

Для цитирования: Абубикерова Э.Ф. Досуговая культура научно-педагогических работников Саратова в 1920-е гг. // История и архивы. 2021. № 3. С. 54–64. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-54-64

© Абубикерова Э.Ф., 2021

Leisure culture of employees of higher education in Saratov in the 1920s

Elmira F. Abubikerova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, abubikerova.e@rggu.ru

Abstract. The article is analyzing the organization of the off-hours time for employees in higher education institutions of Saratov in the 1920s. Based on original sources, the author reveals the main types of leisure of the teaching staff. In the period under review, a lot of the old, traditional still existed in the non-professional activities of lecturers, which, due to objective reasons of that time, underwent some changes. Since leisure remained an integral part of private life, it was impossible to completely abandon it, although in comparison with the pre-revolutionary period there was less and less space for it. The issues of the spiritual world, views on the surrounding reality, reflections on the life path of life and credo – all that faded into the background, the lecturers had to solve the acute issues of a half-starved existence, and sometimes to wage an actual struggle for survival. When comparing the leisure of scientists and the working class people, there is a difference in their quality content and in specific types of pastime. The main attention is focused on considering the factors that influenced changes in the forms of spending free time by scientists during the 1920s.

The article notes a strong influence the politics upon the non-academic life of the University person, stressing the deteriorating living conditions.

Keywords: everyday culture, higher school, employees of higher education, Soviet government, Saratov, 1920s, leisure, types of recreation

For citation: Abubikerova, E.F. (2021), "Leisure culture of employees of higher education in Saratov in the 1920s", *History and Archives*, no. 3, pp. 54–64, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-54-64

Проблематика досуга стала неотъемлемой частью исследований по истории повседневной жизни городского населения. Как правило, они исходят из понятия досуга как времени, свободного от работы и других обязательных занятий и дел, используемого полностью по своему усмотрению. Определяя досуговые практики в качестве одного из основных направлений изучения истории повседневности академик Ю.А. Поляков в свое время отметил множественность, связанных с этим сюжетом: от выражения культурных форм до различных проявлений девиантного поведения [Поляков 2001]. В работах российских историков, посвященных истории повседневной жизни советского города 1920-х гг., прежде

всего исследуется содержание досуга рабочих и нэпмановской буржуазии [Лебина 1999, Орлов 2010]. Повседневная жизнь различных категорий городской интеллигенции этого периода, в том числе научно-педагогических работников, практически остается без внимания исследователей. В этой связи обращение к досуговой культуре профессорско-преподавательских кадров Саратова, который в 1920-е гг. являлся крупнейшим провинциальным вузовским центром СССР, может способствовать восполнению указанного пробела. Рассмотрение данного вопроса опирается на выработанные ранее подходы к изучению истории повседневности и традиционные методы анализа комплекса источников по теме [Абубикерова 2010b].

На характер и содержание досуговой повседневности научно-педагогических работников Саратова в 1920-е гг. оказывали влияние как сложности социально-бытового плана, так и изменение ритма профессиональной деятельности. В связи с кризисом жилищного фонда страны катастрофически сократилась норма жилой площади. Некоторым преподавателям приходилось ютиться в комнатах университетского городка, не говоря уже о предоставлении им кабинетов для занятий, а практикующим врачам – приемной для посетителей. Общий уровень доходов преподавателей в 1920-е гг. в сравнении с дореволюционным имел тенденцию снижения, несмотря на предпринимаемые меры государственной поддержки ученым (академические пайки, ссуды, пособия и т. д.). Учебная нагрузка между профессорами и преподавателями распределялась крайне неравномерно, варьируясь от 2 до 10 часов, а иногда и более, занятий в день[1]. В силу сложного материального положения в 1920-е гг. большинству преподавателей приходилось одновременно работать в нескольких вузах, что являлось одной из причин перегрузки преподавателей учебной работой. Тем не менее университетский человек и тогда располагал определенным, хотя и весьма ограниченным, запасом времени, которое он мог потратить на дела, не связанные с учебной, научной и общественной работой.

В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на произошедшие после 1917 г. общественно-политические и идеологические изменения, духовный мир преподавателей «старой школы» и после революции был наполнен традиционными интересами. Важной составной их частью осталась приверженность религиозному мировоззрению. В его рамках искания себя, обретение и поддержание идеалов в реальности менявшегося мира не только не утихли, но, наоборот, проявились с новой силой. Это,

[1] Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 6107. Д. 325. Л. 1–118.

естественно, не могло приветствоваться партийными структурами, надзиравшими за общественными настроениями научно-педагогических работников. Так, на заседании партбюро медицинского факультета Саратовского государственного университета в январе 1921 г. были озвучены сведения об участии профессоров И.Н. Быстренина и Н.М. Какушкина «в публичных выступлениях в церкви с проповедями». Преподаватели были обвинены «в тесной связи с черносотенной поповской кликой, что не достойно профессора медицины», а потому сняты со всех должностей в Губздравотделе с невозможностью последующего трудоустройства в вузах губернии[2].

В последующем также неоднократно партийными инстанциями ставился вопрос о посещении вузовскими работниками во внерабочее время культовых учреждений. Даже десять лет спустя в докладной записке «О реакционных настроениях по педфаку СГУ», подготовленной бригадой 2-го райкома ВКП(б) города Саратова в январе 1930 г., отмечалось, что профессор В.В. Голубев, горячо споря с приемной комиссией, между делом заметил: «мне все равно какая бы власть не пришла, а верить в бога и ходить в церковь я буду. Половина студенчества религиозна»[3]. Отметим, что профессор-математик В.В. Голубев занимал видное место в университете, с 1921 по 1923 гг. являлся его ректором. Его приверженность православной вере вызывала постоянное раздражение партийцев, и по поводу его высказываний неоднократно поступали жалобы. В конце концов В.В. Голубев летом 1930 г. был вынужден уволиться из университета и переехать на работу в Ленинград, где стал крупнейшим специалистом в области аэродинамики и был избран членом-корреспондентом АН СССР.

Вместе с тем молодое поколение профессорско-преподавательского состава, сообразуясь с требованиями власти, веяниями времени и собственным моральным настроем, активно участвовало в антирелигиозной работе, что в основном выражалось в чтении лекций естественнонаучного характера (в частности, в антирелигиозном кружке), предполагавших «разоблачение» с позиций материализма традиционных представлений верующих[4].

Одной из главнейших составляющих повседневного мира научно-педагогической интеллигенции в 1920-е гг. оставалась семья, семейные отношения и семейный быт. В этом отношении можно говорить, что призывы большевиков, раздававшиеся в первые послереволюционные годы, о необходимости разрушения «буржуаз-

---

[2] Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-332. Оп. 1. Д. 154. Л. 12 об.

[3] ГАНИСО. Ф. 92. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

[4] Там же. Ф. 6107. Оп. 1. Д. 183. Л. 31–32.

ной семьи» с ее патриархальными устоями практически не находили никакого отклика в этой среде [Демидова, Захаров, Ефимова 2018, с. 1119]. У большинства педагогов с дореволюционным стажем семьи были довольно многочисленны, особенно по нынешним меркам. Например, общее число членов семей 59 преподавателей медицинского факультета университета составило 152 человека (без самих преподавателей). При этом у 20 ученых семья состояла из четырех человек, а средний показатель равнялся 3,6. У профессора В.А. Арнольдова имелось три сына и две дочери, у профессора В.В. Вормса – три дочери, сын и внук. Состав семей специалистов факультета путей сообщения был еще большим – почти 4 человека. Семья доцента М.Г. Зацепина состояла из жены, двух дочерей и трех сыновей, а В.А. Матусевича из жены, трех дочерей и трех сыновей[5]. Только на агрономическом факультете семейные показатели были существенно ниже, составляя 2 человека, хотя и здесь были исключения: преподаватели Б.А. Петров и А.Н. Шабуров имели 7 и 6 близких соответственно[6]. У известного ученого, будущего члена-корреспондента АН СССР, профессора В.В. Челинцева было пятеро детей – четыре дочери и сын [Марьин 1985, с. 19]. Малодетные семьи, как, например, профессора факультета хозяйства и права И.К. Козьминых, среди научно-педагогических работников были большой редкостью[7]. В то же время некоторые ученые в силу фанатичной преданности науке так и не сумели создать свою семью.

В середине 1920-х гг. в семейной досуговой практике начала возрождаться организация различного рода торжественных вечеров, встреч, концертов. Музыкальные вечера регулярно устраивались в местном доме Рабпроса, для проведения которых привлекались некоторые преподаватели вузов Саратова[8]. Прием и посещение гостей занимали важную роль среди разнообразных видов отдыха горожан. К общению стремились и рабочие, и служащие, и интеллигенция. В частности, регулярно по вечерам у профессора геологии Б.А. Можаровского собирались его коллеги по университету С.И. Спасокукоцкий, П.С. Рыков (историк, археолог) и другие. В 1920-е гг. он проживал с семьей в Доме ученых, который стал в то время одним из центров неформального общения интеллигенции Саратова. В его помещениях взрослые вместе с детьми пели и танцевали, придумывали различные конкурсы, читали юмористи-

---

[5] ГАНИСО. Ф. 6107. Оп. 1. Д. 31. Л. 41–41 об., 47–49 об.

[6] Там же. Л. 52–55 об.

[7] Архив Саратовского государственного университета. Д. 80 (Л/д И.К. Козьминых). Л. 1а.

[8] ГАНИСО. Ф. 6107. Оп. 1. Д. 148. Л. 52.

ческие стихи и вообще «хохотали до слез», а тот же Можаровский играл на пианино[9].

К торжественным мероприятиям относились и широко отмечавшиеся юбилеи наиболее заслуженных ученых. 27 января 1924 г. в физическом корпусе университета состоялось внеочередное совместное заседание физико-медицинского и хирургического обществ для чествования профессора С.И. Спасокукоцкого в связи с 30-летием его научно-врачебной деятельности. Газета «Саратовские известия» назвала С.И. Спасокукоцкого «одним из самых выдающихся русских хирургов»[10]. В мае 1926 г. праздновался 45-летний юбилей деятельности выдающегося профессора-медика В.И. Разумовского, первого ректора университета. 23 мая было организовано торжественное собрание Ученого совета СГУ. Юбилей освещался в местной и центральной печати, а также и в специальной иностранной прессе[11]. По распоряжению саратовского губисполкома ему в пожизненное пользование был предоставлен один из лучших особняков в Саратове, освобожденный при этом от уплаты всех коммунальных услуг [Блувштейн, Соломонов, Кац, Маслов 2007, с. 147–148]. Юбилеи были важны для консолидации ученого сообщества, давали возможность почувствовать свою значимость и, одновременно, отвлечься от повседневных забот.

Наибольшее количество свободного времени научных работников приходилось на летний период, поскольку летние каникулы преподавателей вузов, согласно указанию Центрального бюро Секции научных работников и Наркомпроса, должны были длиться не менее двух месяцев[12]. Одним из самых популярных и относительно доступных видов летнего отдыха саратовской профессуры, возродившийся после окончания Гражданской войны, был выезд на дачи. И если обладание личной дачей в условиях того времени было малореальным, то предоставление таковых к середине 1920-х гг. получило большое распространение. Вместе с тем не практиковалось выделение дачи в индивидуальное (семейное) пользование, поэтому дачные комнаты делились между несколькими семьями научных работников. В организации дачного отдыха принимал участие профсоюз работников просвещения. Так, в 1925 г. секции научных работников были пред-

---

[9] *Музалевский Е.* «Ноев ковчег» эпохи // Новые времена в Саратове. 2012 г. № 28. С. 7.

[10] Культурное строительство в Саратовском Поволжье: Документы и материалы. Ч. 1: 1917–1928 гг. / Сост. Г.А. Малинин, З.Е. Гусакова. Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1985. С. 133.

[11] ГАНИСО. Ф. 6107. Оп. 1. Д. 211. Л. 30.

[12] Там же. Д. 147. Л. 7.

ставлены помещения трех благоустроенных дач под Саратовом, которые были распределены между сотрудниками, нуждавшимися в отдыхе. Любителями дачного отдыха считались профессора В.И. Разумовский, Н.А. Шлезингер, С.В. Юшков и В.П. Голуб. Более молодые сотрудники, наоборот, находили дачный отдых малопривлекательным, предпочитая вести активный образ жизни непосредственно в городе.

Сразу же после окончания Гражданской войны заметное внимание стало уделяться организации санаторного отдыха, хотя это дело было довольно затратным. Восстановление баз и домов отдыха в основном приходится уже на середину 1920-х гг., когда в условиях нэпа происходит оживление экономической деятельности. ЦЕКУБУ в целом имел в своем распоряжении четыре санатория (по данным на февраль 1926 г.), общее количество мест в которых составило 995, тогда как в стране насчитывалось более 14 тыс. научных работников. В этой связи очевидно, что удовлетворить свои потребности могла лишь малая часть ученых (около 7%).

Ученым из провинции в южных санаториях, считавшихся элитными с материальной и медицинской точек зрения, отводилось лишь 130 мест (25%). Так, саратовским научным работникам летом 1925 г. было выделено всего лишь 14 льготных мест[13]. Для распределения этих мест даже была создана специальная комиссия, состоявшая из профессоров-медиков. В первую очередь комиссия подвергла медицинскому осмотру всех заявивших о необходимости санаторного отдыха. А уже потом бюро секции научных работников на основе заключения санаторной комиссии и принимая во внимание степень материальной обеспеченности кандидатов определила персональный состав на поездку в санатории юга[14].

Полная оплата в южных санаториях составляла в 1925 г. 120 руб. Также предоставлялись места с оплатой половины стоимости или одной трети за счет самого лечившегося. Распределение путевок на провинцию выразилось в следующих цифрах. Мест с половиной оплаты выделялось 50 (38%), с оплатой одной трети – 60 (47%), бесплатных – 19 (15%). Выделение провинции мест с полной оплатой было запрещено[15]. В целом же условия оплаты санаторных путевок были довольно приемлемыми. Профессоров В.В. Зайца и А.Г. Ковалевского отправили в тот год в Гагру за одну треть, а А.П. Скафтымова – за половину стоимости. Профессор Н.Г. Стадницкий за полцены отправился в Кисловодск[16].

---

[13] ГАНИСО. Ф. 6107. Оп. 1. Д. 165. Л. 23 об.

[14] Там же.

[15] Там же. Д. 42, Л. 43–43 об.; Д. 148, Л. 49, 86–86 об.

[16] Там же. Л. 99.

Саратовские ученые активно участвовали в общественной и культурной жизни края в свободное от учебной и научной работы время. Ряд обществ был организован либо по инициативе научных работников, либо при их активном участии [Абубикерова 2012, с. 121]. Наиболее представительными и активными из них были Общество истории, археологии и этнографии и Общество естествоиспытателей и любителей естествознания. Преподаватели читали публичные лекции, руководили различными профессиональными группами, публиковали в местной прессе рецензии на новые книги и театральные постановки [Абубикерова 2010а, с. 525]. Научных работников постоянно привлекали к различного рода мероприятиям по ликвидации неграмотности и повышению уровня образованности населения. Так, в конце 1920-х гг. идейным вдохновителем и лидером саратовского «ликбезпохода» стал ректор комвуза Г.И. Бройдо, возглавивший краевую Особую комиссию по ликвидации неграмотности. К практической деятельности в этой «единой оперативной государственно-общественной» структуре были привлечены многие работники высшей школы, которые использовались преимущественно в качестве организаторов, методистов и как основные кадры в массовой подготовке культармейцев для школ ликбеза[17].

В условиях разрухи и голода начала 1920-х гг. весьма распространенным видом не только досуга, но и способом добычи пропитания, служила охота. Многие профессора и преподаватели, собираясь дружной компанией, выезжали за пределы города, чтобы поохотиться и отвлечься от городского быта и привезти какие-либо трофеи. Так, в своем дневнике Алексис Бабин, преподаватель иностранного языка университета, описывает как профессора К.А. Юдин, М.Ф. Цытович и А.В. Бабин отправились в деревню Гладковка в 18 милях от Саратова на охоту на дроф. Они потратили больше половины дня, но подстрелить птицу так и не удалось, несмотря на то, что сопровождал их охотник с большим опытом. «Господин Цытович подстрелил чирка на пруду, и это был единственный трофей компании»[18]. И если в данном случае еще трудно провести грань между досугом и острой жизненной необходимостью, то следующий факт никоим образом нельзя назвать простым использованием свободного времени. Так, страх за жизнь детей

---

[17] *Костикова Е.А.* Советская политика ликвидации неграмотности в 20-е – середине 30-х гг. XX в.: На материалах Нижнего Поволжья: Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2005. С. 104, 107.

[18] *Babine A.V.* A Russian Civil War diary. Alexis Babine in Saratov, 1917–1922 / Ed by D. Raleigh. Durham; London: Duke University Press,1988. P. 142–144.

в голодном Саратове заставил уже известного на тот момент ученого, профессора С.Л. Франка согласиться на предложение принять участие в организации педагогического института в заволжском немецком селе Зельман (Ровное), совмещая ее с работой в университете. Чтобы не умереть с голоду, пришлось приобрести корову и научиться самим ее доить. Это и позволило увеличивавшемуся семейству выжить[19].

Вполне обычным видом отдыха для интеллигенции, прежде всего более молодого поколения, в 1920-е гг. являлась рыбалка на Волге. И если рыбная ловля начала десятилетия опять же служила скорее средством добычи пропитания, то с налаживанием торговли в условиях нэпа она все более становилась способом свободного времяпрепровождения. По свидетельству преподавателя технических дисциплин Б.Т. Прушкова, «ловля была очень удачная». В сетки попадались в основном караси и лини. Рыбалка часто сопровождала отдых на лодках и на пляже. «Среди карасей бывали величиной со сковородку и весом до одного килограмма»[20].

Одним из самых любимых и доступных способов проведения свободного времени у всех саратовцев являлось посещение кино. Кинотеатр «Прожектор» в прессе назывался лучшим, кроме него в городе имелись другие кинотеатры, такие как «Великий немой», «Новый идеал», «Зеркало жизни», «Фурор» [Гуменюк 2007, с. 49]. Благодаря большой популярности, уже к концу 1925 г. в Саратове насчитывалось 10 коммерческих и полукоммерческих кинотеатров и 16 клубных. Общий месячный итог посещений кино в Саратове составил около полумиллиона человек[21]. В прокате преобладали пока еще дореволюционные как русские, так и иностранные фильмы.

Таким образом, в 1920-е гг. в мыслях, настроениях и привычках саратовской дореволюционной профессуры оставалось много старого, традиционного. Эти люди вошли в 1920-е гг. уже сформировавшимися личностями, для которых возможны были изменения в повседневной жизни, в профессиональной, в научной деятельности, но не в личном характере, в моральных принципах. Принципиального отличия в формах досуговой повседневности ученых от досуга рабочего класса не было: театры, кинотеатры, дома отдыха, прогулки, дни рождения, кафе и т. д. Разница заключалась лишь

---

[19] *Самохвалова Н.В.* Гуманист Франк и его саратовская Татьяна // Газета недели в Саратове. 2012. № 1.

[20] *Прушков Б.Т.* Воспоминания о производственной работе 1911–1961 гг. Саратов, 1962 // Саратовский областной музей краеведения, нвсп. № 32262/1. С. 53–55.

[21] Культурное строительство в Саратовском Поволжье: Документы и материалы. Ч. 1: 1917–1928 гг. С. 241.

в качественном содержании этих типов отдыха, в конкретных видах того или иного времяпрепровождения. Постепенно все большее место в досуге научно-педагогических работников начинают занимать чисто советские праздники и развлечения.

Литература

Абубикерова 2010a – *Абубикерова Э.Ф.* Анкеты по жилищным условиям как источник по изучению социально-бытовой повседневности ученых вузов Саратова в 1920-е годы // Новый век: история глазами молодых: Межвузовский сборник научных трудов молодых ученых, аспирантов и студентов. Вып. 9. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2010. С. 521–527.

Абубикерова 2010b – *Абубикерова Э.Ф.* Повседневная жизнь ученых провинции в 1920-е годы: на примере Саратовского государственного университета // Актуальные проблемы истории российской цивилизации: Сб. материалов III межвузовской научной конференции. Саратов: Научная книга, 2010. С. 162–167.

Абубикерова 2012 – *Абубикерова Э.Ф.* Профессиональная повседневность научно-педагогических работников Саратова в 1920-е годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения». 2012. Т. 12. № 2. С. 119–122.

Блувштейн, Соломонов, Кац, Маслов 2007 – *Блувштейн Г.А., Соломонов В.А., Кац В.И., Маслов В.И.* Василий Иванович Разумовский: Хирург. Ученый. Педагог / Под общ. ред. П.В. Глыбочко. Саратов: Изд-во Сарат. мед. ун-та, 2007. 260 с.

Гуменюк 2007 – *Гуменюк А.А.* Переход к нэпу в Поволжье (1921–1925 гг.). Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2007. 90 с.

Демидова, Захаров, Ефимова 2018 – *Демидова Е.И., Захаров А.В., Ефимова Е.А.* Институциализация советской высшей школы в России в 1920-е гг. // Вестник архивиста. 2018. № 4. С. 1115–1127.

Лебина 1999 – *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии: 1920–1930 гг. СПб.: Изд-во «Летний сад», 1999. 320 с.

Марьин 1985 – *Марьин В.И.* Владимир Васильевич Челинцев. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. 158 с.

Орлов 2010 – *Орлов И.Б.* Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2010. 320 с.

Поляков 2001 – *Поляков Ю.А.* История повседневности – важное направление науки // Человек в российской повседневности: сборник научных статей. М.: СТИ МГУ сервиса, 2001. С. 4–17.

References

Abubikerova, E.F. (2010a), “Questionnaires on housing conditions as a source for the study of the social and everyday life of scientists of Saratov universities

in the 1920s", in Chernova, L.N. (ed.), *Novyj vek: istoriya glazami molodyh* [The new century: history through the eyes of the young], vol. 9, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, Saratov, Russia, pp. 521–527.

Abubikerova, E.F. (2010b), "Everyday life of provincial scientists in the 1920s. By the example of Saratov State University", in *Current issues of the history of Russian civilization. Collection of materials of the 3td interuniversity scientific conference* [Actual problems of the history of Russian civilization], Nauchnaya kniga, Saratov, Russia, pp. 162–167.

Abubikerova, E.F. (2012), "Professional everyday life of employees of higher education in Saratov in the 1920s", *Izvestiya Saratovskogo universiteta, Novaya seriya. "History. International Relations" Series,* vol. 3, no. 2, pp. 119–122.

Bluvshtein, G.A., Solomonov, V.A., Kats, V.I. and Maslov, V.I. (2007), *Vasilii Ivanovich Razumovskii: Khirurg. Uchenyi. Pedagog* [Vasily Ivanovich Razumovsky: Surgeon. Scientist. Educator], Izdatel'stvo Saratovskogo meditsinskogo universiteta, Saratov, Russia.

Demidova, E.I., Zakharov, A.V. and Efimova, E.A. (2018), "Institutionalization of the Soviet higher education in Russia in 1920s", *Herald of an Archivist*, no. 4, pp. 1115–1127.

Gumenyuk, A.A. (2007), "*Perekhod k nepu v Povolzh'e (1921–1925 gg.)"* [Transition to NEP in the Volga region (1921–1925s)], Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, Saratov, Russia.

Lebina, N.B. (1999), *Povsednevnaya zhizn' sovetskogo goroda: Normy i anomalii^ 1920–1930 gody* [Everyday life of a Soviet city. Norms and anomalies. 1920–1930s], Izdatel'stvo "Letnii Sad", Saint-Petersburg, Russia.

Mar'in, V.I. (1985), *Vladimir Vasil'evich Chelintsev* [Vladimir Vasilievich Chelintsev], Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, Saratov, Russia.

Orlov, I.B. (2010), *Sovetskaya povsednevnost': istoricheskii i sotsiologicheskii aspekty stanovleniya* [Soviet everyday life. Historical and sociological aspects of formation], Izdatel'skii dom Gosudarstvennogo universitetata – Vysshaya shkola ekonomiki, Moscow, Russia.

Polyakov, Yu.A. (2001), "The history of everyday life is an important area of science", in *Chelovek v rossiiskoi povsednevnosti* [Human in Russian everyday life], STI MGU servisa, Moscow, Russia, pp. 4–17.

Информация об авторе

Эльмира Ф. Абубикерова, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; abubikerova.e@rggu.ru

Information about the author

Elmira F. Abubikerova, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; abubikerova.e@rggu.ru

УДК 785.6
DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-65-75

Организация и проведение зарубежных гастролей Московского государственного симфонического оркестра п/у В.Б. Дударовой в 1970-е гг.

Михаил А. Андреев

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, mixandreev@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются причины проведения зарубежных гастролей Московским государственным симфоническим оркестром п/у В.Б. Дударовой в 1970-е гг., особенности проведения данных гастролей, а также их результаты как с точки зрения популяризации симфонической музыки, так и с точки зрения популяризации советской идеологии за рубежом.

Среди важнейших причин организации первых зарубежных гастролей Московским государственным симфоническим оркестром п/у В.Б. Дударовой в 1970-х гг. можно назвать активное участие данного оркестра в многочисленных советских фестивалях, конкурсов молодых исполнителей, подготовка и исполнение новых произведений советских композиторов, расширение репертуара исполняемых музыкальных произведений, работу с иностранными дирижерами, участие В.Б. Дударовой в качестве приглашенного дирижера в зарубежных гастролях с другими оркестрами, положительные рецензии и отзывы о работе оркестра музыкальной общественности, а также повышение статуса и престижа оркестра в общем ряду симфонических оркестров СССР.

Организация и проведение зарубежных гастролей в Польской Народной Республике и ГДР включали в себя инструктаж, разработку программы концертов, которая предусматривала проведение концертов как в нескольких крупных городах с развитой музыкальной культурой, так и в столицах выбранных для зарубежного турне странах. Помимо самих концертов организация гастролей включала в себя встречу руководства оркестра с культурной интеллигенцией ПНР и ГДР после каждого из концертов, рекламу концертов и творчества оркестра в средствах массовой информации ПНР и ГДР, продажу сувенирной продукции и записей оркестра. Таким образом, концерты Московского государственного симфонического оркестра п/у В.Б. Дударовой являлись лишь только частью или, лучше сказать, одним

© Андреев М.А., 2021

из инструментов общегосударственной программы советской пропаганды и поддержания благоприятного имиджа СССР за рубежом.

Ключевые слова: гастроли, симфонический оркестр, концерт, Польша, ГДР, советская музыка

Для цитирования: Андреев М.А. Организация и проведение зарубежных гастролей Московского государственного симфонического оркестра п/у В.Б. Дударовой в 1970-е гг. // История и архивы. 2021. № 3. С. 65–75. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-65-75

Organization and conduct of foreign tours of the Moscow State Symphony Orchestra headed by V. B. Dudarova in the 1970s

Mikhail A. Andreev

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, mixandreev@yandex.ru

Abstract. The article considers the reasons for foreign tours of the Moscow State Symphony Orchestra's headed by V.B. Dudarova in the 1970s, the specifics of those tours, as well as their results both from the point of view of popularizing symphonic music and from the point of view of popularizing Soviet ideology abroad.

Among the most important reasons for the organization of the first foreign tours by the Moscow State Symphony Orchestra of V.B. Dudarova in the 1970s, one can mention the active participation of the orchestra in numerous Soviet festivals, competitions for young performers, the preparation and performance of new works by Soviet composers, the expansion of the repertoire of performed musical works, the work with foreign conductors, Also the participation of V.B. Dudarova as a guest conductor in foreign tours with other orchestras, the musical community positive reviews and reports on the work of the orchestra as well as increasing the status and prestige of the orchestra in the general range of symphony orchestras of the USSR.

The organization and conduct of foreign tours in the Polish People's Republic and the GDR included the briefing, the development of a concert program, which provided for concerts in several major cities with a developed musical culture, as well as in the capitals of the countries selected for the foreign tour. In addition to the concerts themselves, the organization of the tour included a meeting of the Orchestra's direction with the cultural intelligentsia of the People's Republic of Poland and the GDR after each of the concerts, advertising concerts and the orchestra's work in the media of the People's Republic of Poland and the GDR, selling souvenirs and recordings of the orchestra. Thus, the concerts of

the Moscow State Symphony Orchestra conducted by V.B. Dudarova were only a part, or rather one of the instruments, of the national program of Soviet propaganda and the maintenance of a favorable image of the USSR abroad.

Keywords: concert tour, symphony orchestra, concert, Poland, GDR, Soviet music

For citation: Andreev, M.A. (2021), "Organization and conduct of foreign tours of the Moscow State Symphony Orchestra headed by V.B. Dudarova in the 1970s", *History and Archives*, no. 3, pp. 65–75, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-65-75

К началу 1970-х гг. Московский государственный симфонический оркестр под управлением Вероники Борисовны Дударовой из небольшого коллектива, который в 1950-е гг. в основном давал концерты в крупных рабочих поселках и небольших городах Московской области, благодаря совместным усилиям оркестрантов и руководства оркестра не только качественно усилился квалифицированными оркестрантами, но и занял более высокое положение в системе симфонических оркестров союзного уровня. Можно сказать, что именно в этот период сложился тот особый стиль исполнения оркестром симфонических произведений, который современники и музыкальные критики часто называли «дударовским» [Батагова 2001, с. 60]. Именно этот стиль исполнения выделялся большинством музыковедов как особый музыкальный «почерк» данного оркестра и во многом – как заслуга его художественного руководителя и главного дирижера В.Б. Дударовой.

При этом нужно отметить, что Московский государственный симфонический оркестр не сразу достиг таких высот. Он методично и кропотливо шел к новому статусу и к возможности выезда за рубеж для осуществления гастролей.

В 1969 г. существенно укрепилась материальная база оркестра. Крупные суммы капитальных вложений позволили оркестру закупить импортные музыкальные инструменты, а также израсходовать часть сумм на изготовление новых костюмов для оркестрантов, станков, пультов, металлических ящиков для хранения костюмов и т. п.[1]

Еще одним важным шагом на пути большей узнаваемости оркестра стало его участие в общегосударственных мероприятиях и приглашение на ведущие концертные площадки. Например, в 1970 г. оркестр участвовал в мероприятиях, посвященных празднованию 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, включая организацию концертов и гастролей по СССР[2]. В 1971 г. работа Москов-

[1] ГА РФ. Ф. 501. Оп. 1. Д. 6063. Л. 146, 151.

[2] Там же. Д. 6303. Л. 179.

ского государственного симфонического оркестра была приурочена к XXIV съезду КПСС[3]. В 1972 г. оркестр участвовал с гастрольным турне по городам РСФСР в общесоюзном фестивале искусств, посвященном 50-летию образования СССР и 55-летию Октябрьской революции[4].

Именно к концу 1960 – началу 1970-х гг. за оркестром закрепляется еще одно направление работы, которое выделило его на фоне остальных музыкальных коллективов, – это подготовка и исполнение новых произведений советских композиторов. Более того, оркестр подписывает договор с Союзом композиторов РСФСР и Союзом композиторов СССР на первое исполнение данных произведений в Доме композиторов СССР. В частности, в 1970 г. было исполнено 30 новых произведений советских композиторов[5]. В 1971 г. в рамках договорных обязательств оркестром были исполнены первые произведения следующих советских композиторов: Золотухина, Аджемяна, Жубинской, Рыбникова, Блока, Меликова, Колодуба, Жваницкой, Читгана, Дичко, Чичериной, Шаги-Ахмедова, А. Эшпая, Банщикова. Также Московский государственный симфонический оркестр в 1971 г. выступал с программами из произведений композиторов Татарской АССР, Кабардино-Балкарской АССР, Коми АССР и Монгольской Народной Республики[6].

Первое исполнение произведений советских композиторов позволило оркестру занять определенную нишу в системе симфонических оркестров союзного уровня, стать более узнаваемым и востребованным и, что также важно для последующих зарубежных гастролей, программы концертов Московского государственного симфонического оркестра стали политически и идеологически выверены для партийного и государственного руководства страны. Они включали не только произведения классических европейских и русских композиторов, но и современные советские симфонические произведения, тем самым популяризируя современную советскую музыку и позволяя молодым советским композиторам впервые заявить о себе[7].

Еще одним интересным следствием данного направления деятельности оркестра стала определенная «закалка» оркестрантов, высокая интенсификация репетиций и повышение общей трудовой дисциплины всего оркестра. Именно благодаря данным качествам коллектив оркестрантов вкупе с жестким и требовательным сти-

---

[3] Там же. Д. 6529. Л. 170.
[4] Там же. Д. 6862. Л. 211.
[5] Там же. Д. 6303. Л. 179.
[6] Там же. Д. 6529. Л. 170.
[7] Там же.

лем руководства со стороны главного дирижера и художественного руководителя В.Б. Дударовой был способен регулярно не просто обновлять свой репертуар, но готовить на высочайшем уровне по 40–50 новых произведений в год.

Данная интенсификация работы, как, впрочем, и жесткий стиль руководства со стороны В.Б. Дударовой, отмечался не только оркестрантами Московского государственного симфонического оркестра. Это отмечали и музыканты других оркестров, а также музыкальные критики. Но именно за счет этого и достигался соответствующий уровень звучания и гармоничность исполнения произведений уже на этапе самого концерта. Таким образом, например, с успехом прошли концерты в 1969 г. в столице Республики Куба Гаване, где В.Б. Дударова выступала в качестве приглашенного дирижера с Национальным симфоническим оркестром [Батагова 2001, с. 61].

В дополнение к вышесказанному важно отметить, что приглашение В.Б. Дударовой для работы в качестве дирижера за рубеж для проведения концертов с иностранными симфоническими оркестрами являлось своеобразной проверкой руководства оркестра перед последующим допуском к выездам всего состава оркестра заграницу. В ходе таких гастролей и проверялась возможность главного дирижера и художественного руководителя работать в непростых условиях с другими коллективами и, несмотря на это, сохранять высокий уровень и качество исполнения сложных симфонических произведений.

Параллельно с зарубежными гастролями В.Б. Дударовой проверку на качество исполнения прошел и сам Московский государственный симфонический оркестр. В частности в 1971 г. он активно выступал с приглашенными иностранными дирижерами, включая Слаха Коха (ГДР), Л. Балогу (Болгария), Оскара Данона (Югославия), Сикейра (Мексика), Башича (Югославия), Георгиу (Румыния)[8]. Также в ноябре 1973 г. оркестр подготовил и исполнил программу из произведений Берлиоза (Фантастическая симфония) и Мендельсона (Симфония №4 – «Итальянская») совместно с известным японским дирижером Хироюки Иваки[9]. Высокие оценки работы коллектива оркестра со стороны иностранных дирижеров, а также и повышение статуса Московского государственного симфонического оркестра сформировало настоящую традицию регулярного приглашения иностранных дирижеров для проведения совместных концертов в 1970-е гг.[10], что положительно сказывалось как на имидже оркестра, так и на квалификации самих оркестрантов.

---

[8] Там же.

[9] Там же. Д. 7297. Л. 175.

[10] РГАЛИ. Ф. 3164. Оп. 2. Д. 22. Л. 4.

Наконец, в ноябре 1972 года состоялось знаковое событие в истории Московского государственного симфонического оркестра – он в первый раз выехал с зарубежными гастролями в Польскую Народную Республику. В ходе данных гастролей оркестр посетил как несколько крупных городов с богатыми музыкальными традициями и хорошими концертными площадками, так и столицу республики в ознаменование завершения концертного турне. Итак, маршрут оркестра был следующий: Люблин, Лодзь, Рыбник, Катовице, Вроцлав, Быдгощ и Варшава. Всего было проведено 9 концертов, посвященных 50-летию образования СССР и 55-летию Октябрьской революции. Результатом успешных гастролей стало признание высокого исполнительского мастерства оркестра, а также получение благодарности от Министерства культуры РСФСР[11].

При этом важно отметить, что оркестр был выбран не случайно, и не случайно маршрут его первого зарубежного концертного турне прошел именно в далеко не самой радушной из дружественных СССР республик Восточной Европы. К тому моменту в советской музыкальной традиции, равно как и в европейской музыкальной традиции, уже давно и прочно сложился определенный штамп и стереотип в отношении гендерной характеристики профессии дирижера и художественного руководителя оркестра. Именно мужчина считался образцом и единственно возможным руководителем такого сложного коллектива, как симфонический оркестр. Разрушение данного стереотипа и появление женщин с дирижерской палочкой в руках – явление скорее неординарное, наперекор традициям и устоям в музыкальной среде. Именно поэтому приезд в Польшу оркестра, где главным дирижером и художественным руководителем была женщина – В.Б. Дударова, – можно считать не просто «изюминкой» советской симфонической музыки, но и показательным примером демократии и свободы в самом СССР, где равные права на такие «мужские» профессии имеют и женщины-гражданки СССР.

Здесь следует добавить, что помимо В.Б. Дударовой в этот период в СССР также работали и еще несколько женщин-дирижеров: Т.М. Коломийцева – дирижер-ассистент Государственного симфонического оркестра БССР (с 1956 г.), народная артистка Белорусской ССР; Д.Г. Абдурахманова – художественный руководитель и главный дирижер Узбекского театра оперы и балеты (с 1976 г.); О.М. Берг – дирижер Ленинградского Малого театра оперы и балета (в 1949–1968 гг.) [Батагова 2001, с. 59], однако ни один из указанных дирижеров не олицетворял собой весь симфонический оркестр, все его звучание и «почерк», как музыкальная обществен-

[11] ГА РФ. Ф. 501. Оп. 1. Д. 6862. Л. 211.

ность отзывалась о влиянии В.Б. Дударовой на Московский государственный симфонический оркестр.

Вслед за указанными выше заграничными гастролями в Польскую Народную Республику последовал перерыв, наполненный преимущественно гастролями как в рамках РСФСР, так и СССР. У автора статьи имеются сведения, что следующие зарубежные гастроли состоялись лишь в 1976 г., причем гастрольная программа Московского государственного симфонического театра в тот год выдалась на редкость насыщенной: в мае оркестр выступил в рамках фестиваля «Янтарное ожерелье» в Калининграде, в июле – в Декаде симфонической музыки в Бургасе (Болгарии), на фестивале «Варненском лете» (Болгария), а также на фестивале симфонической музыки в Стамбуле (Турция) [Батагова 2001, с. 63], в августе – на фестивале симфонической музыки в регионе Кавказских Минеральных Вод, в октябре – принял участие в фестивале «Владимирская осень», наконец, в конце года посетил Грузию (г. Тбилиси) и участвовал в международном фестивале «Русская музыка»[12].

Другим важнейшим достижением и одним из направлений в деятельности оркестра, ставшей к середине 1970-х гг. его визитной карточкой, стала пропаганда симфонической музыки среди молодежи и юношества. Специально для этого были организованы абонементы в Большом зале Московской консерватории – «По странам и континентам» (с 1974 г.), в Концертном зале «Россия» – «Симфонические собрания московскому юношеству». Например, в рамках абонемента «Симфонические собрания московскому юношеству» в 1977 г. были исполнены новые произведения советских композиторов и произведения русской и зарубежной классики (Скрябин, Бетховен, Хачатурян, Свиридов, Шостакович)[13].

Можно отметить, что 1977 г. стал одним из знаковых как для самого оркестра, так и для его главного дирижера и художественного руководителя В.Б. Дударовой. Именно в этот год удалось существенным образом обновить репертуар оркестра, подготовив и исполнив около 50(!) новых программ из произведений советских композиторов, русских и зарубежных классиков и композиторов союзных республик[14]. В том же году оркестр принял участие в заключительных концертах смотра художественной самодеятельности РСФСР в Кремлевском дворце съездов, а также участвовал в только что организованных Министерством культуры РСФСР и Росконцертом выступлениях солистов оперных театров РСФСР в Москве – «Молодые голоса России» и «Молодой балет России».

---

[12] Там же. Д. 8471. Л. 144.

[13] Там же. Д. 8757. Л. 105; РГАЛИ. Ф. 3164. Оп. 2. Д. 22. Л. 1.

[14] РГАЛИ. Ф. 3164. Оп. 2. Д. 22. Л. 4.

Еще одним важным направлением деятельности оркестра стала работа с Госконцертом СССР по отбору кандидатов на международные конкурсы музыкантов-исполнителей, а также работа с дипломниками композиторского факультета Московской Государственной консерватории[15].

Все вышесказанное, в конечном счете, повлияло на решение руководства страны – за большие заслуги в развитии советской музыки Президиум Верховного Совета СССР указом от 10 августа 1977 г. присвоил художественному руководителю и главному дирижеру оркестра В.Б. Дударовой почетное звание «Народная артистка СССР»[16].

Следующим событием, которое следует отдельно выделить в рамках данной статьи, являются зарубежные гастроли Московского государственного симфонического оркестра в Германскую Демократическую Республику с 14 по 26 февраля 1979 г. в рамках VII Международного фестиваля современной музыки.

Данный фестиваль проводился в честь 30-летия образования Германской Демократической Республики, а также в период проведения выборов в Верховный Совет СССР. Концерты Оркестра состоялись в Лейпциге (зал Конгресс Холл, 15–16 февраля), Дрездене (Дом культуры, 19 февраля), Ростоке (Фолькстеатр, 23 февраля), Франкфурте-на-Одере (Зал, 25 февраля) и в Берлине (Театр Опера Хаус, 21 февраля)[17].

Концертная программа включала в себя исполнение достаточно разнообразных по тематике и сложности музыкальных произведений: 9-я симфония Шостаковича, «Тема и восемь вариаций» Б. Чайковского, концерт для альта и виолончели А. Головина, 6-я симфония П.И. Чайковского, фортепианный концерт для левой руки Равеля, симфония в трех движениях Стравинского, фрагменты из симфонии-сюиты «Древнерусская живопись» Буцко, увертюра к опере «Мейстерзингеры» и вступление и смерть Изольды из оперы «Тристан и Изольда» Р. Вагнера. В концертах приняли участие и приглашенные солисты – заслуженный артист РСФСР, лауреат международных конкурсов А. Слободяник, лауреат международных конкурсов Ю. Башмет, лауреат международных конкурсов И. Фейгельсон[18]. Особо хочется отметить, что Концерт для альта и виолончели А. Головина был подготовлен накануне

---

[15] Там же.

[16] Народные артисты СССР: статья о В.Б. Дударовой [Электронный ресурс]. URL: http://artists-cccp.ru/dudarova-veronika-borisovna.html (дата обращения 13.05.2021).

[17] ГА РФ. Ф. 501. Оп. 4. Д. 416. Л. 20, 24–25.

[18] Там же. Л. 20, 28.

выезда оркестра и являлся первым исполнением данного музыкального произведения (фактически – дипломной работы) молодого выпускника Московской консерватории[19].

Гастроли Московского государственного симфонического оркестра широко освещались как в отечественных, так и в зарубежных средствах массовой информации. В газете «Советская культура» этому событию с восторженными отзывами была посвящена статья «Вечно молодое искусство» корреспондента А. Дашичевой[20]. В газетах Германской Демократической Республики «Лейпцигерфольксцайтунг», «ЗаксишесТегеблатт», «НейестеНахрахтен», «Унион-Лейпциг» были опубликованы статьи под заголовками: «Вероника Дударова – ослепительный дирижер», «Темпераментное музицирование», «Встреча с дирижером Вероникой Дударовой», «Захватывающее впечатление: Вероника Дударова». Более того, концерт в Берлине транслировался как по радио, так и по телевидению, благодаря чему его могли увидеть все жители СССР[21].

Во время гастрольной поездки работа оркестра и его художественного руководителя была удостоена высокой оценки посла СССР в Германской Демократической Республике, который отметил, что выступление Московского Государственного симфонического оркестра в ГДР можно признать не только как «триумф музыкального искусства», но и как «важную политическую акцию, вклад в дело дружбы народов». Кроме того, во всех городах, где проходили концерты, городские партийные организации устраивали после них приемы в честь советских музыкантов, дружеские встречи с общественностью ГДР[22].

В ходе указанных приемов и встреч художественному руководителю и главному дирижеру оркестра было задано множество вопросов, включая и вопрос о секрете успеха оркестра. Отвечая на данные вопросы, В.Б. Дударова подробно рассказала иностранным корреспондентам о высоком профессиональном уровне молодых советских оркестрантов, о системе подготовки музыкальных кадров в СССР, об условиях, которые созданы в СССР для музыкальных коллективов. Кроме того, она отвечала и на вопросы об общественно-политической жизни в СССР, в частности, отметила важность подготовки СССР к выборам в Верховный Совет, принятия новой Конституции СССР, а также необходимость «культурного содружества между СССР и ГДР». В память о гастрольной

---

[19] *Дашичева А.* Вечно молодое искусство // Советская культура. 1979. № 17. 27 февр. С. 7.

[20] Там же.

[21] ГА РФ. Ф. 501. Оп. 4. Д. 416. Л. 21–22, 25.

[22] Там же. Л. 25.

поездке участникам встреч вручались значки оркестра (35 лет), грампластинки с записями из заранее созданного сувенирного фонда[23].

Отчетные документы оркестра подтверждают, что гастрольный тур в Германскую Демократическую Республику прошел успешно, коллектив оркестра «вел себя очень организованно», без каких-либо нарушений трудовой дисциплины со стороны оркестрантов, а по окончании гастролей партийное собрание Московского государственного симфонического оркестра обсудило итоги зарубежных гастролей и «одобрило административно-организационную работу». В гастрольную поездку в соответствии со списком выехало 110 человек, включая 3 приглашенных солистов, руководителя поездки (А.С. Кортикова), а также музыковеда, специального корреспондента «Советской культуры» (А.Т. Дашичеву)[24].

Подводя итоги организации и осуществления первых зарубежных гастролей Московского государственного симфонического оркестра под управлением В.Б. Дударовой, следует отметить, что сам оркестр прошел длительный и сложный путь к первым зарубежным успехам, и вполне заслуженно с 1972 г. стал представлять нашу страну на международной арене. Зарубежные гастроли стали для оркестра не только определенным испытанием и проверкой на качество и высокое исполнительское мастерство, но и возможностью поддержать имидж страны за рубежом, пообщаться с взыскательной иностранной общественностью и доказать своим трудом обоснованность своего высокого положения в ряду симфонических оркестров СССР.

Литература

Батагова 2001 – *Батагова Т.Э.* Вероника Дударова. М.: Музыка, 2001. 320 с.

References

Batagova, T.E. (2001), *Veronika Dudarova* [Veronika Dudarova], Muzyka, Moscow, Russia.

[23] Там же. Л. 25.

[24] Там же. Л. 27–30.

Информация об авторе

Михаил А. Андреев, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; mixandreev@yandex.ru

Information about the author

Mikhail A. Andreev, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; mixandreev@yandex.ru

УДК 344.3(72)
DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-76-86

Военно-полевой суд и контрабанда на Юкатане XIX в.: дело бота “Four Sisters”

Иван Н. Косиченко
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, kosichenko.i@rggu.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема функционирования военно-полевого суда в мексиканском штате Юкатан середины XIX в. Политическое насилие, характерное для Мексики той эпохи, на Юкатане усугубилось с началом этно-социального конфликта между правительством и преимущественно индейским населением юго-восточной части штата – Войны Каст (1847–1901). В юридической сфере постоянные политические конфликты, доминирование армии и военнослужащих в общественно-политической жизни привели к широкому распространению упрощенных судебных процедур, часто осуществлявшихся представителями офицерского корпуса. Особым местом в середине XIX в. был форт Бакалар, контролировавший границу с британскими владениями в Белизе. Это была одна из ключевых точек ввоза контрабанды на полуостров, и если до 1847 г. она носила преимущественно мирный характер, после начала Войны Каст белизские предприниматели активно принимали участие в снабжении повстанцев оружием и боеприпасами. Именно такие контрабандисты были схвачены 13 сентября 1849 г. на пограничной заставе Чаак на реке Ондо, оставив за собой дело бота «FourSisters»: документа, проливающего свет не только на аспекты функционирования упрощенного судопроизводства в Мексике середины XIXв., но и на различные аспекты военной повседневности удаленного форта.

Ключевые слова: Мексика, Юкатан, Белиз, Война Каст, суд, военно-полевой суд, контрабанда, повседневность

Для цитирования: Косиченко И.Н. Военно-полевой суд и контрабанда на Юкатане XIX в.: дело бота “Four Sisters” // История и архивы. 2021. № 3. С. 76–86. DOI:10.28995/2658-6541-2021-3-76-86

© Косиченко И.Н., 2021

Court martial and contraband in 19th century Yucatán. The case of boat "Four Sisters"

Ivan N. Kosichenko

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, kosichenko.i@rggu.ru

*Abstract.*This article deals with an issue of the court-martial functioning in Mexican state of Yucatán in the middle of the 19th century. The political violence, a very characteristic of the epoch, in Yucatán scaled up with a start of the ethno-social conflict between the government and predominantly Indian population of southeastern part of the state – the Caste War (1847–1901). For the juridical practices the constant political conflicts, domination of the Army and military men in public life meant broad simplification of judicial procedures, often executed by officer corps. One special place for the middle of the 19th century was the fortress of Bacalar, which controlled the border with British dominions in Belize. It was one of the crucial points for importation of contraband into Yucatán peninsula, and if before 1847 it had been mostly civil goods, with the start of the Caste War, Belizean entrepreneurs actively participated in supply of rebels with armament and munitions. They were contrabandists of such kind who were captured on September 13 of 1849 in the border outpost in Chaac upon the Río Hondo.They left behind themselves the "Four Sisters" boat case – the document that shed light not only on the details of simplified court procedures in the 19th century Mexico but also on various details of wartime daily life in that remote fortress.

Keywords: Mexico, Yucatan, Belize, theCaste War, court, court-martial, contraband, everyday life

For citation: Kosichenko, I.N. (2021), "Court martial and contraband in 19th century Yucatán. The case of boat 'Four Sisters'", *History and Archives*, no. 3, pp. 76–86, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-76-86

Consejo de Guerra

Прежде чем перейти непосредственно к кейсу, находящемуся в фокусе данной статьи, представляется необходимым дать краткую характеристику тому, что из себя представлял военно-полевой суд в Мексике середины XIX в. и как было организовано его функционирование. *Консехо де герра* был судебным органом, изначально отвечавшим за следственные и судебные мероприятия, находившиеся в рамках *fuero militar* – корпоративного военного права. Мексиканская юстиция до середины 1850-х гг. функционировала в рамках

законодательства, сохранявшегося, с небольшими изменениями, со времен испанского господства. В случае военного права основополагающим документом были так называемые ordenanzas carolinas (карловы ордонансы), изданные в 1768 г. Именно в этих ордонансах появляется понятие военного суда и определяется порядок его функционирования и сферы ответственности: этому посвящен VIII трактат «О вопросах юстиции»[1].

Это право распространялось на всех военнослужащих и членов их семей и выводило подсудимого из сферы общего права, при этом сам военный трибунал мог судить не военнослужащих только в исключительных случаях, таких как содействие дезертирам, контакты со шпионами и диверсии[2]. Тем не менее после того как Мексика обрела независимость, обособленности военной юстиции пришел конец, поскольку после десятилетней гражданской войны вся страна была полна разного рода лихим людом. Уже 27 сентября 1823 г. Конгресс принимает декрет № 364 о том, что организованные преступные группировки дорожных разбойников числом более шести человек подлежат военно-полевому суду в случае, если они были схвачены отрядами регулярной армии или гражданского ополчения[3].

В случае Юкатана и Войны Каст расширение полномочий военно-полевых судов было оформлено декретом губернатора штата Сантьяго Мендеса от 14 февраля 1848 г. Согласно этому декрету военно-полевому суду подлежали «заговорщики и их пособники», а также организованные банды разбойников размером от четырех человек[4]. Важным отличием от предыдущих законодательных актов (во многом декрет губернатора повторяет декрет федерального конгресса от 1823 г.) стало то, что указанные категории преступников подлежали военно-полевому суду в любом случае, даже если бы они были схвачены гражданскими властями, а роль представителей гражданской юстиции сводилась только к утверждению приговора.

Что касается структуры военно-полевого суда, то она не слишком изменилась с испанских времен. После возбуждения дела по

---

[1] Ordenanzas de S.M. para el régimen, disciplina, subordinación y servicio de sus exercitos. Madrid: Oficina de Antonio Marin, 1768. T. 3. P. 226–372.

[2] Ibid. P. 236–239.

[3] № 364. Decreto de 27 de septiembre de 1823. Que los reos de algunos delitos sean juzgados militarmente // Legislación mexicana o colección completa de las disposiciones desde la independencia de la república. México D.F.: Imprenta del Comercio. T. 1. P. 676.

[4] Decreto de 14 de febrero de 1848. Que sean juzgados militarmente los conspiradores // Colección de leyes, decretos y ordenes de la asamblea departamental. Mérida: Rafael Pedrera, 1850. T. 3. P. 188–189.

факту совершения какого-либо преступления командиром гарнизона назначался ответственный за проведение расследования – *juez fiscal*, в случае юкатанского законодательства им мог стать любой офицер регулярной армии или Национальной гвардии[5]. Для проведения досудебного расследования, *proceso* или *sumario*, также назначались секретарь и, если дело было возбуждено против иностранца, переводчик[6]. После проведения досудебного расследования, включавшего в себя опрос свидетелей, очные ставки и судебно-медицинскую экспертизу в случае нанесения увечий, дело передавалось непосредственно в военно-полевой суд.

Порядок допроса ордонансы определяли следующим образом[7]. Фискаль должен был вызывать свидетелей и подозреваемых по одному и приводить их к присяге. Обязательным элементом допроса была фиксация личных данных допрашиваемого: имени, места происхождения и рода занятий. Ход допроса должен был быть запротоколирован секретарем, который по окончании допроса зачитывал протокол допрашиваемому и, после согласия последнего с его содержанием, фиксировал возраст допрашиваемого. Протокол подписывался допрашиваемым, фискалем и секретарем. Все те же процедуры проводились при опросе хирурга, осуществившего судебно-медицинскую экспертизу и свидетелей.

После того как все досудебные процедуры были завершены, фискаль составлял заключение по делу, в котором либо утверждал виновность подсудимого, либо, если доказательств было недостаточно, приводил личное заключение по поводу виновности обвиняемого, с указанием преступления и предусмотренного наказания[8]. После передачи дела командующему подразделения созывался непосредственно *consejo de guerra* – военный трибунал. Его председателем должен был быть командующий гарнизоном или капитан-генерал региона, а рядовыми членами были офицеры в чине капитана, представлявшие роты полка или батальона, в котором служил обвиняемый, числом не менее семи[9]. Капитан роты обвиняемого к суду не допускался.

Позднее на Юкатане, поскольку военно-полевой суд уже не рассматривал исключительно вопросы преступлений, совершенных военнослужащими, и имел дело с государственными преступниками, его структура была упрощена[10]. Состав трибунала определял-

---

[5] Ibid.

[6] Ordenanzas de S.M. para el régimen... T. 3. P. 246.

[7] Ibid. P. 249–250.

[8] Ibid. P. 255.

[9] Ibid. P. 256–257.

[10] Decreto de 14 de febrero de 1848...

ся тем, какое подразделение захватило преступника: если это было ополчение, то судейский состав набирался из числа офицеров ополчения, если в деле также участвовали представители регулярной армии, то трибунал имел смешанный состав, а его председателем становился представитель регулярных войск.

Еще одним интересным моментом в том, как развивалось военное законодательство, представляется вопрос судебной защиты. Карловы ордонансы прописывали роль официального защитника – офицера того же подразделения, но из другой роты[11]. Он появлялся на этапе рассмотрения дела в суде, его утверждал сам подсудимый и мог поменять его в ходе процесса во второй и третьей инстанции, если считал это необходимым [Arnold 2013, p. 353]. В случае же военно-полевого суда на Юкатане вопрос защиты обвиняемого никак не оговаривается. Единственный, кто мог оспорить вердикт – это гражданский судья, *juez letrado*, выступавший в качестве юридического советника председателя трибунала. Если его заключение на приговор было отрицательным, то при первой же возможности дело передавалось на рассмотрение командующему военным округом, который должен был вынести свое решение, окончательное и не подлежащее обжалованию, в течение трех дней[12]. В то время как судебные тяжбы в рамках военного права в Мексике могли тянуться довольно долго, военно-полевой суд на Юкатане явно имел задачу выносить максимально быстрые и жесткие решения в экстремальной ситуации.

The Four Sisters

Дело бота “Four Sisters” является интересным примером того, как работало военное судопроизводство на Юкатане. Дело хранится в Историческом архиве Секретариата национальной обороны Мексики и представляет собой 27 двусторонних листов гербовой бумаги для судопроизводства. Также к делу имеет отношение пояснительная записка от главнокомандующего войсками в штате Юкатан генерала Мануэля Мичелторены, внутренние документы военного министерства, касающиеся реакции на изложенные события, а также записка на английском языке, адресованная одному из обвиняемых.

Эта история началась задолго до 13 сентября 1849 г. с индейца Фаустино Ки, пятидесяти лет, рядового участника восстания Хасинто Пата в Тихосуко летом 1847 г., положившего начало Войне Каст на Юкатане. Ки был схвачен и переправлен в Мериду, где про-

[11] Ordenanzas de S.M... T. 3. P. 261.

[12] Decreto de 14 de febrero de 1848...

вел «шесть или восемь» дней в заключении, откуда был переведен в тюрьму Вальядолида вместе с остальными осужденными за участие в восстании. Когда повстанческие отряды взяли Вальядолид и освободили заключенных, Пат распорядился, чтобы Фаустино служил ему лично[13]. Хотя сам Фаустино Ки заявил на допросе, что он не занимает среди повстанцев никакой должности и просто служит Пату «погонщиком и на мильпе», обстоятельства его задержания свидетельствуют об обратном.

В конце августа Пат отправил Ки и еще трех индейцев купить у белизского контрабандиста Остина Кокса партию пороха и свинца. Проведя пятнадцать дней в запертой из соображений секретности хижине, Фаустино сел на загруженный бот, который должен был отправиться в поселок лесорубов Дуглас, выше по Рио-Ондо, и затем на мексиканский берег в Какао, где груз должны были встретить представители повстанцев[14]. К перевозке Кокс привлек капитана бота “Four Sisters”, шестидесятидвухлетнего лоцмана Уильяма Лонгсворта, хорошо знавшего побережье и русло Рио-Ондо[15], а также двух матросов: Джорджа Робинсона и Джеймса Тамбла. Робинсон, примерно 24 лет, был поденщиком, подряжавшимся на любую работу. Получив от Кокса задаток в три песо, Робинсон немедленно напился, и ночи перед отплытием не помнил[16]. Тамбл был точно таким же поденщиком, только моложе – в 1849 г. ему было примерно 16 лет. Когда “Four Sisters” покидал Белиз, он также был пьян[17]. По показаниям капитана бота Лонгсворта, когда судно отходило от причала в Белизе, его нагнал каяк с незнакомым ему индейцем, при котором был мушкет и несколько свертков. Индеец передал Лонгсворту приказ от Кокса довезти его до Дугласа[18]. В восемь утра восьмого сентября бот отошел от Белиза и двинулся в сторону Четумальской бухты и Рио-Ондо. Индейцем, в последний момент попавшим на борт, был Фаустино Ки. 13 сентября, когда бот проходил мимо погранзаставы Чаак, его остановило мексиканское каноэ с солдатами под командованием лейтенанта Сальвадора Аргуэльеса. Бот вынудили пристать к берегу. На борту был произведен обыск, в ходе которого были обнаружены бочонки пороха, свинец и Фаустино Ки, спрятавшийся под парусами и куртками членов команды[19]. Рейс “Four Sisters” закончился.

---

[13] ADN Exp. IX/481.3/2914. T. 1. F. 100v.
[14] Ibid. F. 102.
[15] Ibid. F. 94.
[16] Ibid. F. 95v.
[17] Ibid. F. 96.
[18] Ibid. F. 94.
[19] Ibid. F. 99v.

Sumario

Вышеизложенная последовательность событий восстановлена по материалам дела, которое начало формироваться 19 сентября: в тот день командир гарнизона форта Бакалар и командующий 7-й Оперативной дивизией Национальной гвардии Юкатана полковник Хосе Долорес Сетина отдал приказ о возбуждении дела и, согласно установленному порядку, назначил исполняющим обязанности *juez fiscal* Франсиско Касереса, пехотного капитана регулярной армии и майор-хенераль 7-й ОДНГ[20]. Касерес немедленно назначил на должность секретаря младшего лейтенанта НГ Карлоса Патрона[21], а полковник Сетина отдал приказ о назначении переводчиком младшего лейтенанта Карлоса Кастильо Мура[22].

После того, как состав следственной группы был укомплектован, Касерес приступил к допросам. Приведя Мура к присяге «переводить честно и законно все сказанное на английском языке подсудимым», Касерес вызвал Лонсворта. На допросе тот показал, что следовал в Дуглас без соответствующих документов, поскольку при перевозке любых товаров из одного английского населенного пункта в другой они не требуются[23]. Наличие пороха на борту он не отрицал, аргументировал это тем, что его перевозка не запрещена. На вопрос о том, кому он должен был передать боеприпасы, ответил, что ему не было сообщено имя принимающего, лишь то, что тот должен найти его на месте, как представителя Кокса[24]. Следующим был допрошен Робинсон. Робинсон показал, что не знал о пункте назначения и о наличии на борту пороха, он заявил, что грузил только ящики с мылом и соль. Как уже было сказано выше, в момент отплытия Робинсон спал после попойки, и что было загружено на судно ночью не видел[25]. Фаустино Ки он впервые увидел в Белизе утром при отплытии. Примерно тоже самое показал Тамбл, вызванный на допрос следующим, с тем отличием, что он «слышал о том, что пунктом назначения был поселок Дуглас», в момент отплытия был пьян, а Фаустино Ки увидел лишь проснувшись утром «сидящим на палубе вместе с его товарищами»[26]. Все допросы состоялись 19 сентября. Касерес приказал оставить их под стражей для даль-

[20] Ibid. F. 91.
[21] Ibid. F. 93.
[22] Ibid. F. 92.
[23] Ibid. F. 94v.
[24] Ibid. F. 94.
[25] Ibid. F. 95–95v.
[26] Ibid. F. 96–96v.

нейшего разбирательства, но уже 28 числа расследование было приостановлено по причине его болезни[27].

Полковник Сетина в тот же день назначил на место Касереса капитана НГ Тибурсио Росадо Мартинеса[28], который вместе с секретарем Патроном на следующий день, 29 сентября, отправился на заставу Чаак[29]. Там были опрошены командующий заставой капитан НГ Фаустино Пенья и лейтенант НГ Сальвадор Аргуэльес, показавшие, что при задержании контрабандисты не оказывали сопротивления, но и не предоставили никаких документов[30]. Лонгсворт предоставил ему лишь два запечатанных письма, которые должен был отдать в Дугласе по востребованию. При обыске судна команда сотрудничала с мексиканскими солдатами и показала весь груз, кроме пороха и свинца, который обнаружился в балласте[31]. Сразу после опроса офицеров, Росадо вызвал на допрос Фаустино Ки. Интересно, что Фаустино выдал практически все, что знал: цели пребывания представителей повстанцев в Белизе, в том числе планировавшиеся объемы закупок и суммы денег, местопребывание Хасинто Пата, основные и резервные точки ввоза боеприпасов на мексиканскую территорию и т. д. Неизбежно возникает вопрос о том, насколько добровольно он это делал, но никаких указаний на применение к нему пыток в деле не содержится. Вероятно, немолодой индеец пытался купить себе жизнь в обмен на сведения, которые станут бесполезными, как только Пат узнает о его аресте. После допросов в Чааке расследование было приостановлено до 2 октября. В тот день Лонгсворта вызвали на допрос для подтверждения подлинности отданных им в Чааке писем, и после получения утвердительного ответа бумаги были переданы полковнику Сетине[32]. Сетина приказал снять с дела копии и отправить его в Мериду для получения дальнейших указаний от главнокомандующего Юкатана генерала Мичелторены[33]. В тот же день выздоровевший Касерес вернулся к исполнению обязанностей фискаля.

Фактически на этом расследование остановилось. 22 октября Робинсон заболел и был помещен в гарнизонный госпиталь под охраной[34]. Он явно страдал от дизентерии: врач госпиталя констатировал высокий жар, кровавый понос и невозможность

[27] Ibid. F. 97.
[28] Ibid.
[29] Ibid. F. 97v.
[30] Ibid. F. 97v – 98v.
[31] Ibid. F. 99v.
[32] Ibid. F. 103 – 103v.
[33] Ibid.
[34] Ibid. F. 104.

употреблять пищу и воду. Следующие две недели, несмотря на усилия администратора госпиталя Хуана Гарсии и фельдшеров Франсиско Пиментеля и Пабло Эспириту, Джордж Робинсон мучительно умирал. Касерес и Патрон навещали его каждый день, всего 12 раз[35], не считая 22 октября и 3 ноября, когда фельдшер официально констатировал смерть от естественных причин и подтвердил, что труп принадлежал Джорджу Робинсону[36]. Каждый визит заносился в дело отдельно за подписью Касереса, Патрона и присутствовавших медиков.

В конце января полковник Сетина дождался реакции генерала Мичелторены. 30 января 1850 г. была подготовлена опись груза, а 31 января Касерес получил приказ Сетины отвезти дело и организовать переправку подсудимых в Мериду[37]. 21 февраля Касерес был вынужден продолжить расследования из-за побега Джеймса Тамбла. Капитан бота "*Sisaleña*", Лорено Хио, упустил его на выходе из Четумальской бухты: тот просто выпрыгнул за борт и вплавь добрался до мыса Сан-Педро на английской стороне[38]. Хио безуспешно пытался его нагнать и получил справку от мэра Сан-Педро в том, что в побеге нет его вины[39]. Касерес также не нашел Хио виновным в побеге Тамбла и передал его коменданту порта Сисаль. Дело очевидным образом разваливалось: один подозреваемый умер, второй бежал. Сам Уильям Лонгсворт тоже оказался в госпитале. Практически сразу по прибытию в Мериду, 24 февраля, он был помещен в главный городской госпиталь с легочной болезнью[40]. 1 апреля Лонгсворт умер от совокупности естественных причин: легочной болезни, дизентерии и паралича. На допросе, проведенном 1-м адъютантом регулярной кавалерии Хоакином Муньосом в качестве фискаля и 2-м сержантом 1-го батальона НГ Хосе Мария Валенсия в качестве секретаря[41], администратор госпиталя Сантьяго Пачон и лечащий врач доктор Игнасио Бало сообщили обстоятельства болезни и смерти Лонгсворта, подтвердив под присягой, что умершим был именно он.

Дело окончательно развалилось. Генералу Мичелторене ничего не оставалось, кроме как отправить документы в Мехико, что он и сделал 4 апреля 1850 г., живописав военному министру масштабы контрабанды, с явным расчетом на дальнейшее дипломатичес-

[35] Ibid. F. 104v – 107v.
[36] Ibid. F. 108–108v.
[37] Ibid. F. 109–109v.
[38] Ibid. F. 111v – 112.
[39] Ibid. F. 246.
[40] Ibid. F. 114v – 116.
[41] Ibid. F. 114.

кое давление Мехико на британских представителей[42]. Достоверно неизвестной остается судьба последнего участника этой истории: самого Фаустино Ки, присутствие которого на борту бота было главной причиной ареста команды. В других документах за 1850 г. встречается упоминание некоего Фаустино Си[43] или Кис[44]. Каждый писец писал его фамилию по-разному. В документах он проходил как «капитан» повстанцев, высланный с Юкатана в наказание. Закончил этот человек, по приказу военного министраот 21 апреля 1851 г., рядовым 3-го линейного пехотного батальона регулярной армии Мексики[45]. Вполне возможно, что это был пятидесятилетний специалист по особым поручениям Хасинто Пата, купивший себе жизнь обстоятельным рассказом на допросе на заставе Чаак. Мичелторена же получил из Мехико довольно уклончивый ответ[46]. Президент не хотел ссоры с главным торгово-финансовым партнером, поэтому списал происшествие на «злоупотребления местных торговцев», а Министерству иностранных дел поручил уведомить британских представителей в необходимости усилить контроль за границей.

Заключение

Можно констатировать, что Мексика получила в наследство от Испанской империи развитую и кодифицированную систему военного права, в которой четко определялся порядок организации и отправления военного суда. Разумеется, сложные обстоятельства раннего национального периода в Мексике внесли свои коррективы, и военная юстиция была расширена на особо опасных преступников и, в случае Юкатана, на индейских повстанцев. Офицеры регулярной армии Мексики и Национальной гвардии Юкатана, задействованные в предварительном расследовании, действовали с максимально возможным соблюдением предписанных ордонансами процедур, во всяком случае, так это представляется в документах. Тем не менее повседневность внесла свои коррективы: дело просто развалилось из-за смерти ключевых подозреваемых от болезней, бывших бичом Войны Каст, и в особенности находящегося в глубоком тылу повстанцев и отрезанного от снабжения гарнизона в Бакаларе. Рассмотренный кейс, помимо вышесказанного,

[42] Ibid. F. 121.
[43] ADN Exp. IX/481.3/2914, T. 2. F. 309.
[44] ADN Exp. IX/481.3/3258, T. 1. F. 30–31.
[45] Ibid. F. 28
[46] ADN Exp. IX/481.3/2914, T. 2. F. 276.

выводит исследователя на более широкую проблематику: вопрос того, насколько элиты новых независимых государств, образовавшихся в результате так называемой Атлантической революции, начавшейся с борьбы за независимость в североамериканских колониях Великобритании и завершившейся окончательной потерей Испанией своих владений в Новом Свете, были заинтересованы в изменениях устоявшегося общественного порядка. Случай Мексики и, у́же, военной юриспруденции, явственно демонстрирует факт того, что при смене внешней атрибутики и наличии формального суверенитета новые национальные государства довольно долго сохраняли прежние элементы государственного устройства, изменяя его лишь ввиду насущных требований исторического момента. Частично это было связанно, разумеется, с низкой управляемостью новых государств, однако, вероятно, старые порядки внутри страны вполне устраивали местные элиты, приоритетом которых было установление экономической и политической независимости от Испании.

Литература

Arnold 2013 – *Arnold L.* El tribunal militar, 1823–1860 // Los abogados y formación del Estado mexicano. México D.F.: UNAM, 2013. P. 343–364.

References

Arnold, L. (2013), “El tribunal militar, 1823–1860”, in Cruz Barney, O. et. all (coord.), *Los abogados y formación del Estado mexicano*, Universidad Nacional Autónoma de México, México D.F., México, pp. 343–364.

Информация об авторе

Иван Н. Косиченко, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; kosichenko.i@rggu.ru

Information about the author

Ivan N. Kosichenko, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; kosichenko.i@rggu.ru

УДК 37(72)
DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-87-96

Индейское образование как национальный проект в Мексике в 1910–1920-е гг.

Татьяна С. Молодчикова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, tatiana20emr@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию особенностей социокультурной политики мексиканского государства по отношению к индейскому населению в 1910–1920-е гг. – период революционных преобразований и построения общества «нового типа» в Мексике. В период Мексиканской революции «индейский вопрос», наряду с аграрным и рабочим, становится ключевым пунктом политики революционных правительств. Значимость проблемы народного образования в Мексике в первые послереволюционные годы определялась тем, что три четверти населения не имели доступа к государственной системе образования, а также существованием многочисленных этносоциальных групп, территориально и культурно разобщенных между собой и остальной частью страны.

Необходимо подчеркнуть, что 1910–1920-е гг. были отмечены появлением многочисленных теорий унификации мексиканского общества и интеграции индейского населения, а также современных, экспериментальных методов обучения (в частности, рационалистической и социалистической школы), целью которых было воплотить идеалы Революции и построить новое мексиканское общество.

Политика интеграции индейского населения Мексики осуществлялась посредством многочисленных образовательных проектов, среди которых можно назвать «культурные миссии», «Дом индейского студента», «Дом народа» и др.

Анализ архивных материалов, касающихся подготовки первых культурных миссий, а также функционирования образовательных учреждений, предназначенных для обучения студентов индейского происхождения, позволил выявить особенности социокультурной интеграции сельского индейского населения Мексики в указанный период.

Ключевые слова: Мексиканская революция, индейское образование, культурные миссии, революционный национализм

© Молодчикова Т.С., 2021

Для цитирования: Молодчикова Т.С. Индейское образование как национальный проект в Мексике в 1910–1920-е гг. // История и архивы. 2021. № 3. С. 87–96. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-87-96

Indigenous education as a national project in Mexico 1910–1920s

Tatiana S. Molodchikova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, tatiana20emr@gmail.com

Abstract. This article focuses on the study of the characteristics of the socio-cultural policy of the Mexican state in relation to the indigenous population in the 1910–1920s – a period of revolutionary transformations and the building of a "new type" society in Mexico. During the Mexican Revolution, the "Indian question", along with the work and agrarian question, became a key point in the policy of the revolutionary governments. The importance of the popular education issue in Mexico in the first post-revolutionary years was determined by the fact that three quarters of the population did not have access to the state education system, as well as by the existence of numerous ethnosocial groups, territorially and culturally separated from each other and the rest of the country.

It should be emphasized that the 1910–1920s were marked by the genesis of numerous theories of the unification of Mexican society and the integration of the native population, as well as by the introduction of modern, experimental teaching methods (in particular, the rationalist and socialist school), the purpose of which was to translate into reality the Revolution ideals and build a new Mexican society.

The policy of integrating the native population of Mexico was carried out through numerous educational projects, which include the "cultural missions", "Indigenous Student House", "House of the People" and others.

Analysis of archival materials related to the preparation of the first «cultural missions», as well as the functioning of educational institutions designed to educate the indigenous student, made it possible to identify the characteristics of the socio-cultural integration of the rural population of Mexico during the above period.

Keywords: Mexican revolution, indigenous education, cultural missions, revolutionary nationalism

For citation: Molodchikova, T.S. (2020), "Indigenous education as a national project in Mexico 1910–1920s", *History and Archives*, no. 3, pp. 87–96, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-87-96

После свершившейся революции 1910–1917 г., покончившей с режимом Порфирио Диаса, в центре политической послереволюционной жизни Мексики оказались два вопроса – аграрный и вопрос образования. Были созданы многочисленные «культурные лаборатории» [Calderón Mólgora 2018, p. 17], целью которых было найти адекватные методы инкорпорации индейского населения в национальное пространство, подготовить сельских жителей для их интеграции в единый рынок труда, повысить сельскохозяйственное производство, а также превратить гетерогенное население страны в мексиканских граждан.

Еще в XIX в. в рамках либерального дискурса появилась идея о том, что «обучить» является неотъемлемой частью «цивилизовать», а значит, именно всеобщее доступное образование посредством массового создания сельских школ является ключевым пунктом преодоления эволюционной отсталости индейского населения. Среди мексиканских интеллектуалов XIX в., активно пропагандирующих создание сети школ в деревне, были Лукас Аламан, Хосе Мария Луис Мора, Хусто Сьерра. Тем не менее практическая реализация образовательных проектов среди индейцев получила свое воплощение только в XX в. Среди главных образовательных проектов первой трети XX в. в Мексике можно выделить «культурные миссии», Дом народа (Casa del Pueblo), Дом индейского студента (Casa del estudiante indígena), а также сельские школы (escuelas rurales).

Согласно статистическим данным, которые приводит Маркос Кальдерон, на момент 1900 г. 58,8% населения Мексики (более 8 млн человек) были неграмотны, а к 1910 г. эта цифра составляла уже 68,8% взрослого населения (согласно данным Моисеса Саэнса, в 1910 г. процент неграмотности составлял 80%) [Calderón Mólgora 2018, p. 25]. Сам президент Порфирио Диас признавал проблему тотальной неграмотности в стране и утверждал, что мир и национальное единство напрямую зависят от образования. Еще в 1908 г. «Общество географии и статистики» подняло вопрос об обучении индейцев в срочном порядке, принимая во внимание этнические и физические особенности населения, и поставило задачу сформировать интегральные образовательные программы для каждого отдельного региона [Calderón Mólgora 2018, p. 25]. В 1911 г. был издан «Закон об элементарном образовании»[1], согласно которому по всей Республике должны быть открыты школы элементарного образования (помимо уже существующих школ начального образо-

[1] Ley de la Instrucción Rudimentaria [Электронный ресурс]. URL: https://archivos.juridicas.unam.mx/www/bjv/libros/6/2833/3.pdf (дата обращения 12.08. 2019).

вания), целью которых являлось обучение прежде всего индейского населения страны говорить, читать и писать на испанском языке, а также элементарным правилам арифметики[2]. Обучение в таких школах не являлось обязательным, хотя и должно было поощряться посредством раздачи еды и одежды ученикам.

Уже в период позднего порфириата, накануне революции 1910 г., по инициативе Франсиско Бельмара (специалиста по индейским языкам и президента «Общества географии и статистики») было образовано «Индианистское мексиканское общество» (Sociedad Indianista mexicana, SIM), целью которого было помочь индейскому населению выйти из состояния социальной отсталости и интегрировать их в национальное пространство. Согласно основным положениям SIM, опубликованным в «Подготовительном бюллетене индианистского мексиканского общества», задачами организации были:

1. Общее изучение индейских народов Республики, их этнических элементов: компаративный анализ индейских языков, археологические и антропологические исследования различных регионов.

2. Обеспечение, во всех аспектах, образования коренного населения, включая изучение способности и неспособности индейца к «цивилизации».

3. Поощрение добровольцев, желающих реализовывать все необходимое для развития и распространения социального прогресса среди индейского населения.

4. Распространение среди индейского населения использования испанского языка [Calderón Mólgora 2018, p. 63].

Участниками «Общества...» также была затронута тема причин социальной отсталости индейского населения, учитывая те великие достижения древних индейцев, о которых широкой общественности стало известно как раз в начале XX в. Франсиско Бельмар полагал, что естественный процесс социальной эволюции, лежащий в основе позитивистского мышления того времени, был прерван испанскими конкистадорами, которые, движимые собственным эгоизмом, превратили индейцев в безмолвных рабов [Calderón Mólgora 2018, p. 63].

Большая часть выступлений, представленных на Конгрессе индианистов в ноябре 1910 г., была посвящена теме индейского образования. Практически все участники были согласны с тем, что образование – ключ к интеграции индейского населения в мировую цивилизацию. Следуя позитивистской логике, некоторые участники конгресса (например, Мигель Боланьос) считали, что «индейская раса или ассимилируется в “высшие классы”, или обречена на

[2] Ibid. P. 11.

исчезновение»[3]. С такой целью «спасения» индейского населения все средства были хороши, включая принудительное обучение в школах, больше напоминающие армейские казармы: «Школа должна располагать гигиеничными спальнями. Вокруг здания должен простираться сад или палисадник, по периметру должна быть возведена стена, для предотвращения дезертирства учеников»[4].

Отдельным пунктом докладов стала проблема стимулирования сельскохозяйственного производства и обучение индейского населения современным методам ведения сельского хозяйства. За основу программы были взяты труды Петра Кропоткина, представителя русского анархизма, в которых был показан пример того, как благодаря школам и лабораториям в деревне можно добиться значительных успехов в сфере с/х производства. Идеалом было превращение индейца в мелкого собственника, по типу американских фермеров[5].

Первоначально создание «Индеанистского мексиканского общества» и проведение первого Конгресса была поддержано государством и, в частности, Порфирио Диасом. Тем не менее в течение нескольких месяцев после проведения Конгресса правительство Диаса дистанцировалось от проектов индианистов по причине радикальности предлагаемых реформ, которые предполагали обязать всех владельцев асьенд открыть школы для своих работников на территории асьенд или ранчо [Urías Horcasitas 2001, p. 226].

Начавшая в 1910 г. революция и сопутствующие ей социальные и политические катаклизмы отложили все образовательные проекты как минимум до второй декады XX в.

В постреволюционный период именно школа должна была стать основным проводником государства в деревне, помочь утверждению основных революционных идей и заменить владельца асьенды и касика в качестве патрона для индейских крестьян. «Индейская проблема» к 20-м гг. XX в. во время правления президента Плутарко Кальеса становится «сельской проблемой» ввиду того, что все проблемы, свойственные индейским общинам (незнание испанского языка, отсутствие понятия гигиены, алкоголизм, обработка земли архаичными методами, нехватка школ, религиозный фанатизм) являются общей характеристикой мексиканской деревни, и в том числе метисного населения, проживающего вне города [Calderón Mólgora 2018, p. 33]. Таким образом, два ключевых элемента, сельская школа и перераспределение земель в пользу эхидо, становятся

---

[3] *Bolaños M.* La educación del indio // BSIM. 1911. № 1. P. 70–71.

[4] Ibid. P. 70.

[5] Подробнее об анархизме в Мексике см.: *Sandoval Vargas H.* La configuración del pensamiento anarquista en México. México: Universidad de Guadalajara, 2011.

основой цивилизаторской стратегии мексиканского государства в постреволюционный период.

Важным событием в истории развития системы образования в Мексике стало учреждение в 1921 г. Министерства народного образования (Secretaria de Educación Pública, SEP), основной функцией которого было проведение широкомасштабных образовательных реформ. Первым министром образования стал известный мексиканский философ и государственный деятель Хосе Васконселос. Изначально SEP включал в себя 4 отдела: Департамент школьного образования, Департамент библиотек и архивов, Департамент изящных искусств и Департамент индейского образования и культуры (образованного позже, в 1922 г., и возглавленного Лауро Калоко). По словам депутата Хуана Саласара, который, собственно, и выступил с инициативой создания Департамента индейского образования и культуры, «это должен быть специальный отдел по делам культуры и образования индейцев для их дальнейшей ассимиляции в современную цивилизацию; будет совершен настоящий крестовый поход с целью обучения индейцев национальному языку, для того чтобы пусть медленно, но уверенно включить их в большую мексиканскую семью» [Fell 1989, p. 32]. По-видимому, сам Хосе Васконселос воспринял идею о выделении индейской проблемы в отдельный департамент без особого энтузиазма, так как выступал за обучение индейского и неиндейского населения в одних и тех же школах и пропагандировал идею гомогенности национальной культуры, доступной всем [Vasconcelos 1998, p. 62]. Проблема индейского образования была выделена как особенная область государственной политики, и в течение всей первой половины XX в. это направление было приоритетным для Министерства народного образования.

Уже в 20-е гг. стало очевидно, что простое обучение грамоте недостаточно для полноценной интеграции индейского населения в современный модернизационный процесс. Необходимо было полностью поменять их окружение и образ жизни, иными словами, заново «отстроить деревню», предоставив местным жителям новые пространства для социализации – школа, парк, спортивные площадки, театры под открытым небом. Неслучайно в первые постреволюционные годы именно церковные помещения начали использоваться для создания учебных классов. Для многих мексиканских педагогов и интеллектуалов стало очевидно, что именно окружающая среда (бедные дома из глины и пальмовых листьев, необходимость совмещать жилые помещения с пространством для скота, отсутствие дорог и развлечений в деревне) является определяющим фактором в формировании «индейского характера», которому свойственны угрюмость, склонность к апатии и алкоголизму.

Одним из первых проектов SEP был «Дом народа» (Casa del Pueblo), инициатором которого был Энрике Корона Морфин, второй директор Департамента по делам индейцев. Эти школы должны были быть открыты в населенных пунктах, в которых индейское население составляло более 60% и в которых насчитывалось как минимум 40 детей школьного возраста. Основной задачей «Дома народа» было ускорить интегральное развитие, сохранить, развить и улучшить индейские промыслы и ремесла, а также утвердить новые производственные занятия, учитывая природные ресурсы каждого региона [Calderón Mólgora 2018, p. 143] и сформировать «сельский дух» (espíritu rural), то есть привить любовь к земле. Продвижение индейских мелких ремесел должно было способствовать как культурному, так и материальному благополучию индейцев. Безусловно, обучение письму и арифметике также включалось в программу «Дома народа», однако проект во многом носил и социальный характер, целью которого было продвижение идеи кооперации и сотрудничества между всеми членами общины, от самых маленьких до самых старых. «Дом народа» должен был превратиться в место общественных собраний и в этом смысле заменить церковь. Важным пунктом программы Энрике Короны было демонстративное обучение, а занятия должны были иметь практический характер, поэтому школы, организованные по типу «Дома народа», должны были располагать земельным участком, курятником, загоном для скота и садом [Calderón Mólgora 2018, p. 143].

Были открыты и другие образовательные учреждения, направленные исключительно на обучение представителей индейских народностей. Примером может служить «Дом индейского студента» (Casa del Estudiante Indígena), функционировавший в период с 1925 по 1932 г.

Дом индейского студента представлял собой необычный психологический и социальный эксперимент, предложенный министром образования Пуигом Касаурангом и заключавшийся в обучении детей индейского происхождения и их интеграции в современную цивилизацию посредством преподавания испанского языка и привития европейских привычек и образа жизни. Цель, по сути, была той же, что и в сельских школах: подготовить сельских учителей, которые в дальнейшем распространят знания среди жителей своих деревень. Интернат был открыт в городе Мехико и мог вместить в себя до 200 учеников единовременно. Для этого всем директорам федерального образования каждого штата в Мексике было дано поручение отобрать определенное количество индейских девушек и юношей, которые говорили бы исключительно на одном из индейских языков и обладали бы всеми индейскими характеристиками.

Большинство учеников возвращалось в свои деревни до того, как официально заканчивалось их обучение в интернате. Известно, что из восьми юкатанских юношей, отправленных в Дом индейского студента, лишь 4 прошли полный курс обучения[6].

В 1932 г. было принято решение закрыть интернат в Мехико и создать сеть индейских интернатов подобного типа в каждом штате для того, чтобы готовить выпускников без отрыва от их естественной культурной среды[7].

Для реализации всех этих идей была необходима подготовка педагогических кадров, поэтому главные усилия SEP в первые годы своего существования направил на проект «культурные миссии» и подготовку сельских учителей, официальной датой рождения которого принято считать 1923 г. Главной задачей «культурных миссий» была подготовка сельских учителей, которые потом должны были распространять знания (испанский язык, основы гигиены, ведение сельского хозяйства) среди представителей своей общины. Идеологическая и интеллектуальная база проекта «культурных миссий» была разработана различными мексиканскими философами, педагогами и просветителями той эпохи.

17 октября 1923 г. министром образования Х. Васконселосом был опубликован «План федеральных образовательных миссий» (Plan de las Misiones Federales de Educación)[8]. Согласно плану Васконселоса, каждая миссия состояла из группы специалистов: руководитель миссии (координация работы миссии и разработка теоретической части учебного процесса), преподаватель-агроном (обучение теоретической и практической части ведения сельского хозяйства), инструктор по физической культуре (спортивные игры и гимнастика), социальный работник (обучение основам медицины, гигиены, шитье, кулинария и т. д.) и преподаватели различных ремесел (консервация фруктов и овощей, кожевенное дело, мыловарение и т. д.)[9]. Позднее в состав культурных миссий также будут включать учителя музыки, задачей которого было прививать музыкальную эстетику, разучивать с учениками национальный гимн

---

[6] AHSEP. Fondo: Casa de Estudiante Indígena. Exp. «ÁlvaroNoh».

[7] К сожалению, документов, подробнее освещающих деятельность индейских интернатов в различных штатах, не было обнаружено в Историческом архиве Министерства образования.

[8] Полный текст документа опубликован: *Santiago Sierra A.* Las Misiones Culturales. México: SEP, 1973. P. 75–95.

[9] AHSEP. Fondo: Dirección de las Misiones Culturales. Caja 21. Exp. 1741/200 «Opiniones generales de personas ajenas a la Secretaría de Educación sobre la obra de las Misiones Culturales». Foja 3, 1927.

и другие патриотические песни, тем самым способствуя более легкому изучению испанского языка[10].

Подготовительная работа была важна еще и потому, что государство не владело точными статистическими цифрами относительно реального количества индейского населения и его распределения по Республике. Таким образом, миссионеры должны были собрать всю возможную информацию о различных группах индейского населения в стране.

Культурные миссии начали свою работу с октября 1923 г., т. е. сразу же после того, как был выпущен «План...», и носили временный характер (порядка 2–3 недель). За это время проводились различные лекции и семинары (так называемые институты), призванные подготовить сельских учителей непосредственно из жителей индейских общин. Как уже было сказано выше, именно с проблемой нехватки учителей и их низкой квалификацией столкнулись первые инициаторы проекта тотального начального образования в Мексике. В 1926 г. была создана Дирекция культурных миссий, возглавляемая Еленой Торрес, и с этого момента проект получает институциональное оформление и более широкий спектр задач: «миссии должны содействовать трансформации крестьянской общины, изменению привычек и, основываясь на ее нуждах, улучшению уровня жизни, санитарных, культурных и экономических условий каждого из ее членов. Они устранят препятствия, победят инертность, предубеждения и пороки, мешающие просвещению индейцев и метисов» [Mendoza Ramírez 2014, p. 17].

Итак, еще до начала Мексиканской революции в интеллектуальном пространстве Мексики господствовала идея всеобщего образования как главного инструмента социальных преобразований и модернизации сельских общин. Впоследствии была проделана огромная интеллектуальная работа философов, педагогов, социологов, направленная на разработку различных образовательных проектов и подготовку кадров, способных воплотить эти проекты в жизнь. Появились современные, отчасти экспериментальные, методы обучения (в частности, идеи рационалистической и социалистической школы), целью которых было воплотить идеалы революции и построить новое мексиканское общество. Культурные миссии, сельские школы, и другие типы учебных заведений, призванные нести образование в сельскую среду, должны были включить многочисленные, разрозненные группы индейцев в современный цивилизационный процесс, в «большую семью мексиканского народа».

---

[10] AHSEP. Fondo: Dirección de las Misiones Culturales. Caja 27. Exp. 10 «Institutos sociales». Foja 9, 1931–1932.

Литература

Calderón Mólgora2018 – *Calderón Mólgora M.* Educación rural, experimentos sociales y estado en México. Michoacán: El Colegio de Michoacán, 2018. 418 p.
Fell 1989 – *Fell C.* José Vasconcelos. Los años del águila 1920–1925: Educación, cultura e iberoamericanismo en México. México: UNAM, 1989. 742 p.
Mendoza Ramírez 2014– *Mendoza Ramírez M.* Las misiones culturales y la escuela rural en Quintana Roo, 1927–1934. México: CIESAS, 2014. 158 p.
Urías Horcasitas 2001 – *Urías Horcasitas B.* Etnología y filantropía. Las propuestas de regeneración para indios de la Sociedad Indianista Mexicana, 1910–1914 // Modernidad, tradición y alteridad. La ciudad de México al cambio de siglo (XIX–XX). México: UNAM – Instituto de Investigaciones Históricas, 2001. P. 223–239.
Vasconcelos 1998 – *Vasconcelos J.* El desastre. México: Trillas, 1998. 558 p.

References

Calderón Mólgora, M. (2018), *Educación rural, experimentos sociales y estado en México*, El Colegio de Michoacán, Michoacán, México.
Fell, C. (1989), *José Vasconcelos. Los años del águila 1920–1925: Educación, cultura e iberoamericanismo en México*, UNAM, México.
Mendoza Ramírez, M. (2014*), Las misiones culturales y la escuela rural en Quintana Roo, 1927–1934*, CIESAS, México.
Urías Horcasitas, B. (2001) "Etnología y filantropía. Las propuestas de «regeneración» para indios de la Sociedad Indianista Mexicana, 1910–1914", in *Modernidad, tradición y alteridad. La ciudad de México al cambio de siglo (XIX–XX)*, UNAM – Instituto de Investigaciones Históricas, México, pp. 223–239.
Vasconcelos J. (1998), *El desastre*, Trillas, México.

Информация об авторе

Татьяна С. Молодчикова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; tatiana20emr@gmail.com

Information about the author

Tatiana S. Molodchikova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; tatiana20emr@gmail.com

УДК 325.2
DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-97-106

Восприятие революции 1917 г. русскими эмигрантами первой волны в Праге

Мария Е. Горохова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, gorokhova.m@rggu.ru

Аннотация. Статья оценивает влияние большевистской революции 1917 г. на зарождение идейно-политических течений среди представителей русской эмиграции. Не имея возможности как-либо повлиять на ситуацию, в которой оказалась Россия в 1917 г., эмигранты решили сосредоточиться на анализе и исследовании опыта революции и Гражданской войны, а также на обсуждении возможных вариантов развития событий и их влияния на будущее страны. Автор рассматривает такие направления эмигрантской политической мысли, как сменовеховство и евразийство, общей идей которых стало осознание необходимости принять большевистскую революцию и ее результаты ради сохранения единства и мощи России. Особое внимание уделяется сборникам статей «Смена вех» и «Исход к Востоку», которые положили начало рассматриваемым эмигрантским идеологиям, а также их авторам, предпринявшим попытку осмыслить роль российской интеллигенции в новых политико-экономических условиях. Кроме того, в статье рассматриваются такие тенденции среди представителей русской эмиграции, как «возвращенчество», культ личности и мировая революция.

Изучение истории евразийства и сменовеховства позволяет провести более глубокое исследование жизни и деятельности Русского Зарубежья в 1920-е – 1930-е годы, а также представить разнообразие процессов идейно-политического наследия русской эмиграции первой волны в Чехословакии.

Ключевые слова: эмиграция, революция 1917 г., сменовеховство, евразийство, Чехословакия, Россия

Для цитирования: Горохова М.Е. Восприятие революции 1917 г. русскими эмигрантами первой волны в Праге // История и архивы. 2021. № 3. С. 97–106. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-97-106

© Горохова М.Е., 2021

Attitudes towards the Revolution of 1917 by the first wave of Russian emigrants to Prague

Maria E. Gorokhova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, gorokhova.m@rggu.ru

Abstract. The article assesses the influence of the Bolshevik revolution of 1917 on the emergence of ideological and political trends among the representatives of the Russian emigration. In the absence of any opportunity to influence the situation in which Russia found itself in 1917, the emigrants decided to focus on the analysis and study of the experience of the revolution and the Civil War, as well as to discuss possible options for the development of events and their impact on the future of the country. The author considers such trends of emigrant political thought as smenovehovstvo and eurasianism, the common idea of which was the realization of the need to accept the Bolshevik revolution and its results in order to preserve the unity and power of Russia. Special attention is paid to the collections of articles "Change of Milestones" and "Exodus to the East", which marked the beginning of the emigrant ideologies under consideration, as well as to their authors, who attempted to comprehend the role of the Russian intelligentsia in the new political and economic conditions. In addition, the article examines such trends among representatives of Russian emigration as "returnism", the cult of personality and the world revolution.

Studies of the history of eurasianism and smenovehovstvo allow to conduct a more in-depth study of the life and activities of the Russian Diaspora in the 1920s – 1930s, as well as to present the diversity of the processes of the ideological and political heritage of the Russian emigration of the first wave in Czechoslovakia.

Keywords: emigration, revolution of 1917, smenovehovstvo, eurasianism, Czechoslovakia, Russia

For citation: Gorokhova, M.E. (2021), "Attitudes towards the Russian Revolution of 1917 by the first wave of Russian emigrants to Prague", *History and Archives*, no. 3, pp. 97–106, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-97-106

Введение

Прага в период между двумя мировыми войнами стала для русской общественности своеобразным пространством интеллектуальной свободы. С самого начала своего пребывания за рубежом многие представители русской эмиграции понимали необходимость

сохранения традиций русской истории и культуры в своей среде. Наряду с этим они испытывали большое влияние текущих политических событий в покинутой родной стране.

Изучение русской эмиграции первой волны на территории Чехословакии началось еще в 90-х гг. XX в., при этом немалый вклад в него внесли исследователи из Российского государственного гуманитарного университета [Пашуто 1992; Демина 2000; Савицкий 2002; Серапионова 2005; Ковалев 2012; Демина, Евсеева 2013]. Особое внимание исследователей привлекало изучение судеб ученых-историков, эмигрировавших как в Прагу, так и в другие европейские столицы, их взглядов на историю императорской России и причины ее гибели.

Задачей статьи является изучение идеологических течений в пражской эмигрантской среде. При этом важно выяснить отношение эмигрантов как к революции 1917 г., так и к политической ситуации в общем.

Сменовеховство

В 1920-е гг. в первой волне русской эмиграции зародилось сменовеховское, или нововеховское, движение. Название этого течения произошло от изданного в Праге в 1921 г. сборника статей «Смена вех», в котором были сформированы основные принципы данной идеологии. Представители сменовеховства продвигали идеи примирения и сотрудничества с большевиками, утверждая, что советская власть действует в национальных интересах России.

Первым идеологом сменовеховства стал русский правовед и политический деятель Николай Васильевич Устрялов. Именно он был одним из авторов сборника «Смена вех», наряду с Ю.В. Ключниковым, С.С. Лукьяновым, А.В. Бобрищевым-Пушкиным, С.С. Чахотиным и Ю.Н. Потехиным. Во время Гражданской войны Устрялов занимал пост начальника пресс-бюро правительства А.В. Колчака, однако позже перешел на сторону большевиков. Устрялов призывал пойти на примирение и сотрудничество с советской властью, так как, по его словам, он осознал, что большевики являлись единственной силой, способной взять страну в руки и восстановить могущество России. Он утверждал, что в политике никогда нельзя зарекаться, так как тот, кто сегодня является противником, завтра может стать союзником[1].

[1] Интервью представителя «Русского союза» с министром иностранных дел Чехословакии доктором Э. Бенешом // ГА РФ. Ф. 5893. Оп. 1. Д. 28. Л. 48.

Некоторые представители сменовеховской идеологии изначально боролись против большевиков и революционного движения. Русский государственный и общественный деятель Ю.В. Ключников, который также писал статьи для «Смены вех» заявлял, что в начале революции была надежда остановить этот процесс и «укротить ее»[2]. Прежде чем сотрудничать с большевиками, многие попытали удачу на стороне «белого движения». Однако после провала белогвардейской контрреволюции людей настиг идейный кризис, они поняли, что другого варианта, кроме как доверить большевикам восстановление державы, у них не осталось. Устрялов утверждал, что в результате революции жизнь повернулась на 180 градусов, и наилучшим способом остаться верным себе и не изменить своим принципам было принять этот поворот [Вандалковская 2005, с. 119]. Таким образом, произошла «смена вех».

Наиболее ясно и отчетливо принципы и убеждения представителей сменовеховства выразил русский писатель и активный участник движения «Смена вех» А.В. Бобрищев-Пушкин, по мнению которого революция была направлена против тех людей, у которых невозможно было отнять власть, не отняв собственности. Бобрищев-Пушкин был уверен, что после революции в стране будет и собственность, на которой строится народный уклад, и частная инициатива, и торговля[3].

Сменовеховское течение коснулось всех слоев эмиграции. 10 марта 1922 г. советская газета «Известия» опубликовала открытое письмо члена ЦК партии народных социалистов В.И. Игнатьева Н.В. Чайковскому. В 1918 г. Игнатьев был участником контрреволюционного движения, возглавлявшегося Чайковским. В своем письме он говорил об образовании в России могущественной государственности, задачей которой, кроме решения революционных вопросов, являлась защита национального достоинства страны. Игнатьев утверждал, что с развитием новой советской экономической политики пропала потребность в борьбе с большевиками по вопросу об экономическом восстановлении государства.

Среди основных мотивов вернуться в Россию у эмигрантов, безусловно, были тоска по родине, беспокойство за ее будущее и желание помочь восстановить страну. Русский писатель А.Н. Толстой, эмигрировавший в 1919 г., утверждал, что переломными ситуациями, которые повлияли на его решение вернуться в Россию, стала Советско-польская война в 1920 г. и тот момент, когда до него

---

[2] *Ключников Ю.В.* На великом историческом перепутье. М.: Вузовская книга, 2018. С. 113.

[3] *Бобрищев-Пушкин А.В.* Новая вера // Смена вех: Сб. статей. Прага, 1921. С. 111.

дошли слухи, что в связи с голодом в стране трупы детей хладнокровно сбрасывали у железнодорожных станций. Писатель заявлял, что у него, как и у любого русского переселенца, было два варианта: бороться с большевиками на стороне противников России, тем самым подвергнув людей на страдания и смерть, или переждать этот период в эмиграции и смотреть на все происходящее на родине издалека. Однако Толстой не принял ни один из данных вариантов и пошел своим путем, диктуемым ему совестью. В газете «Известия» он писал, что его совесть не позволяла ему «лезть в подвал», он хотел хоть чем-то помочь восстановить свою родину, и ради этого он был готов смириться с большевистской властью [Доронченков 2001, с. 57].

Несмотря на то что некоторые представители старой интеллигенции впоследствии стали коммунистами, не все эмигранты, вставшие на сторону большевиков, признавали эту идеологию. Однако они понимали, что такое сотрудничество предоставляло им множество новых возможностей. Коммунистическая партия в свою очередь активно боролась с определенными сменовеховскими антисоциалистическими тенденциями. В особенности беспокоило то, что они называли «буржуазно-реставраторским течением» и «великодержавным шовинизмом», поддерживаемыми представителями сменовеховства.

Евразийство

Евразийство зародилось в 1920–1930-х гг., изначально как идейно-мировоззренческое, а затем как общественно-политическое движение. Основной идеей данного течения являлась геополитическая и культурная особенность положения Евразии, которая не относилась ни к Европе, ни к Азии. В 1921 г. представители русской эмигрантской интеллигенции объединились для формирования новых идейных и культурных установок, отличных от европейских, в целях создания новой национальной идентичности России и прилегающих к ней стран. Таким образом евразийство преобразовалось в организованное движение, принципы которого пересекались с идеей об особом предназначении России, поддерживаемой представителями правого фланга сменовеховства.

Первыми идеологами этого течения стали лингвист и философ Н.С. Трубецкой, географ и экономист П.Н. Савицкий, историк Г.В. Флоровский и музыкант П.П. Сувчинский. В результате их совместной деятельности в 1921 г. в Софии был опубликован

сборник статей «Исход к Востоку»[4]. В этом издании авторы отмечали, что «всякое современное размышление о грядущих судьбах России должно определенным образом ориентироваться относительно уже сложившихся в прошлом способов решения, или, точнее, самой постановки русской проблемы...»[5] Они также заявляли, что согласно «историософическому принципу» предопределить судьбу русской державы невозможно.

Изначально представители евразийского течения поддерживали большевистскую революцию, однако рассматривали советское государство как этап на пути к образованию новой национальной идентичности России, отражающей уникальность геополитического положения страны. Они определяли революцию как «орудие божие». Г. Флоровский писал: «И религиозно-просветленный взор видит под конструктивной преемственностью бытовых картин трагическую мистерию исторической жизни, воспринимает мир как непрестанную борьбу веси божией с градом антихриста...»[6]

Среди представителей русской политической эмиграции появилась тенденция к оправданию революции 1917 г. и поиску позитивного исхода из данной ситуации, за счет чего эту волну эмиграции можно отнести к «пореволюционным течениям». Они утверждали, что революция была неизбежна и неотвратима, поэтому было важно вынести благоприятный для страны результат, чтобы страдания и кровь русского народа были оправданы[7]. Для реализации своих планов эмигранты рассчитывали свергнуть власть большевиков, проведя «национальную революцию», которая стала бы заключительным этапом событий 1917 г.

Таким образом, развитие евразийства как идейно-политического течения можно разделить на три этапа. На первом этапе главной целью для евразийцев стало доказать потребность России в самобытном и характерном только ей пути развития. Мнения насчет того, каким именно должен быть этот путь, расходились. Еще в начале становления данного движения его представители по-разному трактовали ту самую самобытность. П.Н. Савицкий выступал за натурализм, Н.С. Трубецкой был сторонником культуроцентризма, а Г.В. Флоровский отдавал предпочтение

---

[4] Исход к Востоку: Предчувствия и свершения: Утверждение евразийцев. София: Балкан, 1921.

[5] Там же. С. V.

[6] *Флоровский Г.В.* О народах не-исторических: Страна отцов и страна детей // Исход к Востоку... Кн. 1. С. 68.

[7] *Палпизен И.* Пореволюционные течения // Знамя России. 1933. № 3 (48).

христоцентризму. Идеи каждого из участников движения активизировали мысль остальных, позволяли почувствовать меру условности всякой формулировки и побуждали бережно относиться к общему духовному идейному контексту. Причиной такого успешного старта евразийства являлось осознание того, что служить подспорьем для развития России может не политический догматизм, а «православие как путь творчества» [Серапионова 1997, с. 167], как утверждал Г.В. Флоровский. Однако расхождение во мнениях и необходимость в четкой классификации различных идеологий, авторство которых в некоторых случаях было невозможно определить, привело к внутренним разногласиям и распаду этого движения. Данный период длился до конца 1923 – начала 1924 г. и являлся наиболее коротким, но в то же время наиболее продуктивным.

На второй период приходится публикация газеты «Евразия». Редакторами газеты стали представители левого крыла евразийства – П.П. Сувчинский, П.С. Арапов, С.Я. Эфрон, Л.П. Карсавин, П.Н. Малевский-Малевич и Д.П. Святополк-Мирской. Газета была впервые издана в Париже в 1928 г. и выходила на протяжении 10 месяцев. Она открыто поддерживала советскую власть, что послужило причиной для конфликтов среди евразийцев. Н. Трубецкой, один из основателей течения, даже принял решение выйти из организации. Движение также потеряло свой авторитет и среди эмигрантов. Такие представители евразийства как П.Н. Савицкий, Н.Н. Алексеев и К.А. Чхеидзе путем протестов добились закрытия газеты в 1929 г., на чем и закончился данный этап.

Главный итог деятельности на третьем, завершающем, периоде в истории евразийского течения заключался в возобновлении печатных изданий и в переписке между представителями евразийства, раскрывающей интеллектуальный контекст, без которого движение не может быть понято. В основном деятельностью организации на этом этапе руководил П.Н. Савицкий. Завершился данный период в 1939 г., когда в Чехословакию были введены немецкие войска.

Оригинальные идеологические схемы, интересные политические программы, активная деятельность по привлечению в свои ряды единомышленников сделали движение евразийцев ярким явлением российского Зарубежья, оно стало неотъемлемой частью существования многих его участников, которые искренне верили, что борьба с большевизмом – главная задача их жизни.

Заключение

Для многих эмигрантов Чехословакия не была конечной целью. В основном они воспринимали ее как место временного проживания до возвращения на родину. Чехословакия, будучи демократической страной, предоставила им свою помощь, чему представители русской эмиграции, безусловно, были благодарны. Власти Чехословакии, в свою очередь, рассчитывали, что по возвращению в Россию бывшие переселенцы продолжали бы развивать чехословацко-русские отношения. Был подготовлен проект при поддержке министра иностранных дел Чехословакии Эдварда Бенеша под лозунгом «Нам этого Россия никогда не забудет»[8]. Однако когда русские эмигранты поняли, что в ближайшее время перемен в России не предвидится, многие стали переселяться дальше от России – в Западную Европу и США.

За неимением возможности как-либо повлиять на ситуацию, в которой оказалась Россия в 1917 г., эмигранты решили сосредоточиться на анализе и исследовании опыта революции и Гражданской войны, а также обсуждении возможных вариантов развития событий и их влияния на будущее страны.

Многие российские политические организации опираются на различные идейные споры и концепции, заложенные общественно-политическим наследием русского зарубежья. Идеи и теории русских переселенцев играют большую роль в осмыслении исторического пути России, природы и специфики ее государственности.

Литература

Вандалковская 2005 – *Вандалковская М.Г.* Русские историки-эмигранты в Чехословакии // Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства: К 150-летию со дня рождения Т.Г. Масарика: По материалам международной научной конференции / Под ред. М.Г. Вандалковской. М.: Русский путь, 2005. С. 110–124.

Демина 2000 – *Демина Л.И.* Историки и футурологи // Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов / Отв. ред. С.В. Карпенко. М.: РГГУ, 2000. С. 380–397.

Демина, Евсеева 2013 – *Демина Л.И., Евсеева Е.Н.* Русские историки-эмигранты в Праге: к изучению их жизни и научного творчества // Новый исторический вестник. 2013. № 38. С. 139–151.

[8] ГА РФ. Ф. 5880. Оп. 1. Д. 3. Л. 29: Доклад правления «Общества» годичному общему собранию о работе правления.

Дороненков 2001 – *Дороненков А.И.* Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 214 с.

Ковалев 2012 – *Ковалев М.В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов: Саратовский государственный технический университет, 2012. 408 с.

Пашуто 1992 – *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1992. 398 с.

Савицкий 2002 – *Савицкий И.П.* Прага и зарубежная Россия: очерки по истории русской эмиграции 1918–1938 гг. Прага: IDEG, 2002. 151 с.

Серапионова 2005 – *Серапионова Е.П.* Т.Г. Масарик и российские эмигранты в ЧСР // Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства: к 150-летию со дня рождения Т.Г. Масарика: По материалам международной научной конференции / Под ред. М.Г. Вандалковской. М.: Русский путь, 2005. С. 61–69.

References

Vandalovskaya, M. (2005), "Russian emigre historians in Czechoslovakia", in Vandalovskaya, M. (ed.) *T.G. Masarik i «Russkaya akciya» Chekhoslovackogo pravitel'stva: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya T.G. Masarika. Po materialam mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [T.G. Masaryk and the "Russian Action" of the Czechoslovak Government. On the 150th anniversary of the birth of T.G. Masaryk. Based on the materials of the international scientific conference], Russkij put', Moscow, Russia, pp. 110–124.

Dyomina, L.I. (2000), "Historians and futurologists", in Karpenko, S.V. (ed.), *Russkiye bez Otechestva: Ocherki antibol'shevistskoy emigratsii 20–40-kh godov* [Russians without Fatherland. Essays on the anti-Bolshevik emigration of the 20s – 40s], Moscow, Russia, pp. 380–397.

Dyomina, L.I. and Evseeva, E.N. (2013), "Russian emigre historians in Prague. On reseaching their life and scientific work", *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 38, pp. 139–151.

Doronchenkov, A.I. (2001), *Emigraciya «pervoj volny» o nacional'nyh problemah i sud'be Rossii* [Emigration of the "first wave" about national issues and the fate of Russia], Dmitrij Bulanin, Saint-Petersburg, Russia.

Kovalev, M.V. (2012), *Russkiye istoriki-emigranty v Prage (1920–1940 gg.)* [Russian emigre historians in Prague (1920–1940)], Saratov State Technical University, Saratov, Russia.

Pashuto, V.T. (1992), *Russkie istoriki-emigranty v Evrope* [Russian emigre historians in Europe], Nauka, Moscow, Russia.

Savickii, I. (2002), *Praga i zarubezhnaya Rossiya. Ocherki po istorii russkoj emigracii 1918–1938 gg.* [Prague and foreign Russia. Essays on the history of Russian emigration 1918–1938)], IDEG, Prague, Czech.

Serapionova, E.P. (2005), "T.G. Masaryk and the Russian emigrants in the CSR", in Vandalovskaya, M. (ed.), *T.G. Masarik i «Russkaya akciya» Chekhoslovackogo*

pravitel'stva: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya T.G. Masarika. Po materialam mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [T.G. Masaryk and the "Russian Action" of the Czechoslovak Government. On the 150th anniversary of the birth of T.G. Masaryk. Based on the materials of the international scientific conference], Russkii put', Moscow, Russia, pp. 61–69.

Информация об авторе

Мария Е. Горохова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; gorokhova.m@rggu.ru

Information about the author

Maria E. Gorokhova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; gorokhova.m@rggu.ru

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 27-36
DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-107-118

Историческая компонента византийской агиографии

Михаил В. Бибиков
Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия, mbibikov@mail.ru

Аннотация. Кажущийся на первый взгляд антиисторизм византийских житий проявляется как в деконкретизации описываемых предметов и явлений, так и в соответствующей неопределенности датировок и атрибуций самих памятников. Одновременно целью житийного повествования оказывалась задача исторификации действия, доказывающего незаурядность, святость, нравственное и духовное величие героя. Показателен особый акцент автора-агиографа на факте своего присутствия в жизни героя повествования, собственного участия в его деяниях. Принцип аутопсии помогает доказательству реальности происходящих, даже самых необычных, на первый взгляд, чудес. Характерно внимание житий к событиям повседневности, частной жизни, к индивидуальным деталям обычного ежедневного ритуала, обходимым часто вниманием хрониками и монументальными историями. Наряду со стереотипностью описаний агиографических героев, в житиях часто можно уловить портретные характеристики представителей совершенно различных общественных страт, социально-психологических описаний таких категорий, как юродивые, нищие, отшельники и другие индивидуалы или аутсайдеры. Специфична роль агиографического времени, которое развивается в произведениях не циклично, как в античности, и не линейно, как в средневековой литературе. Пространство жития полно черт тератоморфизма, будь то в пустыне, дебрях или в безлюдных горах. Таким образом, историзм агиографии проявляется косвенно, в соответствии с этикетом и социально-психологическими и историческими условиями средневекового менталитета. Агиографический историзм обнаруживается (от греч. «апокалипсис» – откровение, обнаружение) как апокалиптический историзм.

© Бибиков М.В., 2021

Ключевые слова: агиография, Византия, историзм, время, пространство, герой жития

Для цитирования: Бибиков М.В. Историческая компонента византийской агиографии // История и архивы. 2021. № 3. С. 107–118. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-107-118

Historic component of Byzantine hagiography

Mikhail V. Bibikov

Institute of World History of Russian Acad. of Sciences, Moscow, Russia, mbibikov@mail.ru

Abstract. The quasi apparent anti-historicity of Byzantine hagiography is manifested as in unconcretizing the described objects and phenomena and in the corresponding uncertainty of dating and attribution of the monuments themselves. At the same time the hagiographic narrative in its sense is aimed to resolve the task of historicization of an action that proves the uncommonness, sanctity, moral and spiritual greatness of the hero. It is characteristic that hagiographers like to stress their own participation in his deeds. The principle of "autopsy", maintained in hagiography, helps to prove the reality of what is happening, even the most unusual, at first glance, miracles.

The attention of the Lives to the events of everyday life, private life, to the individual details of the usual daily ritual, often ignored by chronicles and monumental stories, is characteristic. Beyond the stereotypy of hagiographic images in the Lives, one can often catch portrait characteristics of representatives of completely different social strata, socio-psychological descriptions of such categories as holy fools, beggars, hermits, and other individuals or outsiders. The most peculiar in hagiography seems to be the function of time. Time is neither cyclic, as in histories and biographies of classical antiquity, nor linear as in medieval annals and historiography. The nature of temporal revelation is as iterative (the events of modern history are as if repetition or copy of the Biblical history) so sudden. The hagiographic space is full of features of teratomorphism, whether in the desert, the wilds or in the deserted mountains. Thus, the historical approach to hagiography is expressed indirectly, in accordance with the genre etiquette, the socio-psychological and historical conditions of medieval mentality. The historicity of hagiography seems to be characterized mainly as an "apocalyptical historicity" (from the Greek. "apocalypse" – revelation, discovery).

Keywords: hagiography, Byzantine, historicity, time, space, hero of the Life
For citation: Bibikov, M.V. (2021), "Historic component of Byzantine hagiography", *History and Archives*, no. 3, pp. 107–118, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-107-118

Традиции отечественной византинистики с самого начала ее развития как самостоятельной дисциплины на рубеже XIX–XX вв. определили специальный интерес к историческим свидетельствам житийной литературы и ее значению в качестве исторического источника[1]. Казалось бы, такой взгляд на жития противоречит сложившемуся устойчивому в наше время представлению о противопоставлении агиографического и исторического типов мировидения и литературных принципов создания исторических, с одной стороны, и житийных памятников – с другой[2].

Для агиографии считаются типичными такие авторские приемы, как схематизм, идеализация, стереотипность описаний, что прямо противоречит декларациям средневековых историков и хронистов о реалистичности их повествований в соответствии с тем, что они сами видели или читали о прошлом у таких же беспристрастных свидетелей исторических событий, ставших источниками их произведений[3].

Свойственная многим средневековым житиям деконкретизация описаний приводит к выводу исследователей новейшего времени о невозможности исторического подхода к памятникам агиографии.

---

[1] *Васильевский В.Г.* Труды. Т. 3. СПб., 1915; Лопарев Хр. Житие Евдокима праведного // Византийский временник. Т. 4. 1897; *Он же.* Византийские жития святых VIII–IX вв. // Византийский временник. Т. 17. 1910; *Никитин П.В.* О некоторых греческих текстах житий святых // Записки Императорской Академии наук. Историко-филологическое отд-ние, серия 8. Т. 1. СПб., 1895; *Он же.* О Житии Стефана Нового // Известия Императорской Академии наук. Серия 6. СПб., 1912; *Рудаков А.П.* Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917; *Papadopoulos-Kerameus A.* Analecta Byzantines Stachyologias. St.-Petersbourg, 1897–1898. T. 4–5; *Latysev V.V.* Menologii anonymi Byzantini saeculi X quae supersunt. St. Petersburg, 1912. T. 2.

[2] *Ключевский В.О.* Жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 432; *Полякова С.В.* Византийские легенды. Л.: Наука, 1972. С. 248; 260–262. См. также [Magdalino 1991, p. 693; Mentzou-Meimaris 1994, p. 552].

[3] *Mertel H.* Die biographischen Form der griechischen Heiligenlegenden. Diss. Munchen, 1909. S. 90; *Шестаков Д.* Исследования в области греческих народных сказаний о святых. Варшава, 1910. С. 104; *Лопарев Хр.* Греческие жития святых VIII–IX вв. Пг., 1914. С. 16.

А это, в свою очередь, приводит к многочисленным дискуссиям о датировках и атрибуциях житийных текстов. Так, в свое время Житие Георгия Амастридского то приписывалось перу монаха Игнатия, относя соответственно его составление к последней трети IX в., то «удревляли» хронологию памятника и меняли авторские атрибуции в соответствии с этим [Sevcenko 1977, p. 113–131]. Житие Евдокима относилось первоначально ко времени патриахов Игнатия или Тарасия[4], хотя на самом деле оказалось памятником XIV в. [Beck 1977, S. 699]. Историческая неопределенность обусловливает в Житии Стефана Сурожского путаницу между фигурирующими в тексте императорами Львом III (правил в 717–740 гг.) и Львом V (813–820), или там же, наоборот, заставляет различать благочестивую дочь «царя Керчи», покровительствующую герою жития, и Ирину – хазарскую принцессу, ставшую женой василевса Константина Копронима и императрицей, хотя речь в тексте идет об одном и том же лице[5]. Подобные примеры можно продолжить.

С нечеткостью житийных памятников в датировках, атрибуциях или локализациях описываемых событий связана и другая черта византийской агиографии – использование авторами памятников определенных наборов клише нормативных черт героя, определенных цветов, создающих положительный образ, вместо живого портрета описываемого героя[6].

Однако, с другой стороны, историзм повествования является необходимой компонентой жития, ведь агиограф должен прославить своего героя, описав в исторических свидетельствах необходимые реальные доказательства святости, неординарности героя, рассказав об определенных исторических событиях, доказывающих это. Так строятся Чудеса св. Димитрия Солунского или Житие св. Стефана Сурожского [Lemerle 1979, pp. 116–127; Могаричев, Сазанов, Степанова, Шапошников 2009, с. 11–75], т. е. исторический нарратив становится необходимой составной частью жития.

При этом очень показательно, что агиографы, если они были современниками описываемых событий, всегда подчеркивают свое участие или хотя бы свидетельское присутствие при совершении того или иного чуда, виденного самим автором: так повышается градус достоверности описания даже самых невероятных событий. Поэтому Никита из Амнии настаивает на своей особой роли в точности описания жизни Филарета Милостивого, т. к. автор являлся внуком прославляемого героя и непосредственным участником,

---

[4] *Лопарев Хр.* Житие Евдокима праведного... С. 355–356.

[5] *Васильевский В.Г.* Труды. Т. 3. С. 74.11–14, 76.8–9, 93.16–24.

[6] *Delehaye H.* Die hagiographischen Legenden. Munchen, 1907. S. 25. См. также [Dorn 1967, S. 121].

и свидетелем его жизни[7]. Также и Григорий – автор Жития Василия Нового – был учеником преподобного, а значит, лучшим источником исторических свидетельств [Пентковская, Щеголева, Иванов 2018, с. 224].

В основе многих византийских житий, деяний, мученичеств, похвальных слов лежит идея необходимости историфицировать какую-нибудь определенную идею. Так, идея особого константинопольского притязания на апостольское наследие предопределило соответствующее оформление апокрифической по своему происхождению легенды об ап. Андрее, что становится очевидным при сравнении ее с агиографической традицией св. Климента [Dvornik 1958; Чичуров 1992, p. 195].

Подобного рода причины обусловливают включение в житийные тексты подробных описаний исторических событий – войн, набегов, разорений. Часто эти сюжеты носят уникальный информационный характер, как например, в Житии Романа Новомученика – описание сражения византийцев с арабами, а в Житии Георгия Амастридского – свидетельство о походе росов на Амастриду, или в Житии Василия Нового – сообщение о венграх и росах («Рос, Гог и Магог») около 941 г. [Пентковская, Щеголева, Иванов 2018, с. 410–418]. Одновременно с этим связан и обратный процесс – включение в византийские исторические хроники, исторические повествования и хроникальные заметки сюжетов чисто агиографических, иногда прямо текстуально заимствованных из церковной литературы, как, например, у Феофана в «Хронографии» при заимствованиях из Жития Филофея.

Исторический нарратив в житиях отмечен своими специфическими чертами, если сравнивать с описаниями хроник и монументальных историй. Агиографу интересна конкретика индивидуального, бытового мира, события ритуального характера. Детали в житиях выходят на первый план, как, например, при характеристике начала иконоборческих смут у Никиты Амнийского. Здесь агиография достигает желанной читателю индивидуализации, гуманизации исторических событий и фактов. В этом отношении жития – такие, как Филарета Милостивого, или Феофано, или Ирины из монастыря Хрисоваланта, – являются лучшим историческим источником описаний таких событий, как смотры-конкурсы царских невест – важный элемент социально-психологических аспектов культурной и семейной жизни Византии [Ryden 1982; Ryden 1985; Ryden 1986a; Ryden 1986b; Rosenquist 1986]. Агиографы наполняют свои рассказы множеством бытовых деталей, фактами повседневности, индивидуализируя свой труд проникновением в такие сферы частной

[7] *Полякова С.В.* Указ. соч. С. 99–114.

жизни, до которых монументальные исторические повествования не доходят[8].

Для характеристики детальной точности житий показательна терминологическая дословная верность при указании титулов и должностей героев, как это наблюдается в Житии Иоанна Готского, или Жизнеописании патриарха Евфимия [Могаричев, Сазанов, Шапошников 2007, с. 8–15][9], что часто отсутствует в византийских хрониках, предпочитающих фигуральные и описательные термины. Одновременно детальность описаний позволяет агиографу увидеть целые социальные пласты византийского общества, такие как мир юродивых, нищих, отшельников, пилигримов, куртизанок и других аутсайдеров и индивидуалов, мимо которых проходят часто авторы монументальных историй, упуская из вида интересные моменты для социально-психологической характеристики византийской повседневности [Hilpisch 1931, s. 121; Benz 1938; Ryden 1963; Ryden 1970; Magdalino 1981; Иванов 1995][10].

Такая сфера, как секс, почти не затрагиваемая историками и хронистами, находит свое место именно в житиях святых, где мотив соблазна, борьбы с различными искушениями является постоянной важной компонентой жизни агиографического героя [Kazhdan 1990; Иванов 2005]. Леонтий Неапольский описывает в Житии Симеона Юродивого женские искушения героя[11], а объектом домогательств блудницы оказывается и Андрей Юродивый в его жизнеописании, так же как Мелитина в Житии Василия Нового пытается соблазнить святого. Другой маргинал – маг-язычник становится искусителем в Житии Киприана и Юстины у Симеона Метафраста.

Всё это является отражением мотивов «низовой» культуры. Именно поэтому, например, эмоционально окрашенные бранные ругательства сохранились именно в житиях и деяниях, как, например, греческая транслитерация славянского просторечия «курва» дошло в рассказе Деяний Давида, Симеона и Георгия Митиленских (конец VIII – IX вв.)[12]. Агиограф обыгрывает омонимию двух слов, обозначающих, с одной стороны, блудницу, а с другой – изогнутость, край седла (от лат. curvus): «Когда ему привели коня, блаженный дотронулся до седла и сказал: “Увы монаху, который между

---

[8] *Рудаков А.П.* Очерки византийской культуры... См. также [The Byzantine Saint 1981].

[9] Две византийские хроники X в. М.: Наука, 1959. С. 7–140.

[10] См. также: *Ковалевский И.* Юродство во Христе и Христа ради юродивые восточной и русской церкви. М., 1902.

[11] *Полякова С.В.* Указ. соч. С. 74–75.

[12] *Van den Gheyn I.* SS. Davidis, Symeonis et Georgii Mitylenae in insula Lesbo // Analecta Bollandiana. Vol. 18. P. 252.10-11.

двумя курвами сидит!" Именно так обозвав края седла, он отказался взойти на коня и привычным образом совершил путь до своего прибежища пешком»[13]. Так «низовая» заимствованная лексика находит свое отражение в византийской агиографии.

Таким образом, историческая компонента воплощается в житийной литературе в виде прямых или скорректированных текстовых заимствований, либо в виде событийного нарратива. Отсюда – шаг до создания своеобразной жанровой контаминации в византийской литературе – мирских житий исторических героев, не прославленные Церковью и не канонизированных как святых [Erhard 1937–1952; Alexander 1940; Munitiz 1981, p. 164–168; Munitiz 1991, p. 798–799]. Ближайшие очевидные примеры подобного рода – Житие патриарха Евфимия, прозванное «Псаммафийской хроникой»[14], и Жизнеописание императора Василия у Константина Багрянородного в Хронике Продолжателя Феофана[15]. Даже выдержанное в агиографических нормативах Житие патриарха Никифора, созданное диаконом, затем митрополитом Игнатием, представляет собой в жанровом отношении полумирскую биографию[16], т. е. источником византийской агиографической традиции оказывается наряду с церковными житийными канонами и похвальными речами прославляющей энкомиастики – исторические биографии реальных исторических героев, воплощенные иногда в легендарных сказаниях[17].

Несомненно, чертой, дополняющей характеристику историзма житий, становится тенденция авторов конкретизировать социальный фон и пространство действия, будь то своего рода милитаризация агиографического героя в X–XI вв., как, например, в образе св. Еверкия – полководца, погребенного в облачении стратопедарха, или палестинской блудницы Марии Египетской[18].

Итак, во многих случаях нельзя провести непреодолимую границу между повествованием нарративных исторических текстов и житий, однако последним присущи некоторые важные черты, специфически отражающие функционирование главных исторических категорий. Так, историческое время в агиографии не циклично, как, скажем, в античных сочинениях Геродота, Фукидида

---

[13] Жития византийских святых эпохи иконоборчества. Т. 1. СПб.: Алетейя, 2015. С. 499.

[14] Две византийские хроники X в. С. 7–140.

[15] Theophanus Continuatus. Ioannes Cameniata. Symeon Magister. Georgius Monachus. Bonnae, 1838. S. 211–353.

[16] *De Boor C.* Theophanis Chronographia. Leipzig, 1883. Vol. 1. S. 139–217.

[17] *Шестаков Д.* Указ. соч. С. 104.

[18] *Полякова С.В.* Указ. соч. С. 84–98.

или Плутарха [Лосев 1977], но и не линейно, как в средневековой, особенно западноевропейской, анналистике. В житиях же время функционирует как категория провиденциалистическая: оно выражается в предсказаниях, пророчествах, обращенных в будущее, а не в прошлое, как в обычных исторических описаниях. Поэтому и проявляет себя время в агиографическом памятнике часто как откровение (греч. «апокалипсис»). При этом откровение проявляется не только в итеративной форме, когда события новой и современной автору истории представляются как повторение и воплощение библейских событий далекого прошлого, но и в форме внезапного чудесного озарения, как например, Василий Новый, внезапно появляющийся и чудесным образом вдруг начинающий творить чудеса, или как Константин, неожиданно симультанно преобразовавшийся из иудейского мальчика в христианского монаха[19].

Симультанному проявлению агиографического времени соответствует отсутствие прошлого или пренебрежение в воспоминаниях о нем у агиографического героя, как у Василия Нового, не имеющего на страницах жития ни родины, ни родословия, ни прошлой жизни. Филарет же Милостивый сам отказывается от состояния, от наследия, от прошлого. Прошлым в агиографическом описании легко можно было пренебречь, оно не важно, не существенно в деле чудесного перевоплощения святого.

С отстранением от прошлого агиографических героев связана и принципиальная ксенофилия житийных персонажей, столь контрастирующая с обычным для византийской историографии и хронистике негативным отношением к «варварам», чужеземцам, тем более к иноверцам и вообще чужакам даже на бытовом уровне. Юродивые же житий, странники, паломники, герои, уходящие от родителей, от своих близких, а затем через много лет появляющиеся в пустыне или в чаще, которых не узнают и не понимают их речь и предсказания, – типичные герои агиографии, кажущиеся всем глупцами, типа Андрея или Симеона [Иванов 2005].

Поэтому и агиографическое пространство не только само по себе «чуждо» (пустыня, дебри, камни гор), населено чужаками, но и тератологично, в нем обитают существа-искусители. Тератологический предел – это мир сатаны, в котором агиографы представляют своего главного антигероя [Mango 1991]. Эти дьявольские силы обладают способностью увлекать и вовлекать в свои сети героя, как демоны фактически руководят действиями Феосево – жены Филарета Милостивого[20].

---

[19] *Афиногенов Д.Е.* Житие преп. Константина из Иудеев. Житие св. исповедника Никиты. М.: Святоотеческая письменность, 2001.

[20] *Полякова С.В.* Указ. соч. С. 101–102.

Апокалиптизм пространственно-временного развития действия в житиях отражается и в поведении во времени и пространстве своего героя, в чем и выражается проявление, «раскрытие» его святости, глубины его внешней сущности, как у того же Филарета это проявляется в его бессребреничестве, внешней жизненной непрактичности, даже глупости с позиций обывателя, но за чем стоит высшая мораль, духовность, чистота и святость. Историческое пространство открывается в точных реалиях пейзажей, как, например, Таврии в Житии Иоанна Готского или Константинополя – у Василия Нового.

Таким образом, историзм агиографии проявляется в глубинном подспудном смысле описываемого, что коррелирует с социально-психологическими и конкретно-историческими условностями Средневековья, проявляясь косвенно тем самым в виде апокалиптического историзма.

Литература

Иванов 1995 – *Иванов С.А.* Византийское юродство. М., 1995. 234 с.

Иванов 2005 – *Иванов С.А.* Блаженные похабы: Культурная история юродства. М., 2005. 448 с.

Лосев 1977 – *Лосев А.Ф.* Античная философия истории. М.: Наука, 1977. 208 с.

Могаричев, Сазанов, Степанова, Шапошников 2009 – *Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К.* Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь: АнтиквА, 2009. 334 с.

Могаричев, Сазанов, Шапошников 2007 – *Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., ШапошниковА.К.* Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь: АнтиквА, 2007. 345 с.

Пентковская, Щеголева, Иванов 2018 – *Пентковская Т.В., Щеголева Л.И., Иванов С.А.* Житие Василия Нового в древнейшем славянском переводе. М.: ЯСК, 2018. Т. 1. 776 с.

Чичуров 1992 – *Чичуров И.С.* «Хождение апостола Андрея» в византийской и древнерусской традиции // The Legacy of Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow. Thessaloniki, 1992. P. 196–213.

Alexander 1940 – *Alexander P.* Secular biography at Byzantium // Speculum. 1940. Vol. 15. P. 194–209.

Beck H.-G. 1977 – *Beck H.-G.* Kirche und Theologische Literatur im Byzantinischen Reich. Munchen: Beck'scheVerlag, 1977. 835 S.

Benz 1938 – *Benz A.* Heilige Narrheit // Kyrios. 1938. No. 1–2. P. 1–55.

The Byzantine Saint 1981 – The Byzantine Siant / Ed. by S. Hackel. London; Birmingham, 1981. 245 p.

Dorn 1967 – *Dorn E.* Der sundige Heilige in der Legende des Mittelalters. Munchen, 1967. 162 S.

Dvornik 1958 – *Dvornik F.* The idea of Apostolicity in Byzantium and the legend of the Apostle Andrew. Cambridge (Mass.), 1958. 342 p.
Erhard 1937–1952 – *Erhard A.* Uberlieferung und Bestand der hagiographischen und homiletischen Literatur der griechischen Kirche. Leipzig, 1937–1952. Bd. 1.–3.
Hilpisch 1931 – *Hilpisch P.* Die Torheit um Christi Willen // Zeitschrift fur Askese und Mystik. 1931. T. 6. P. 121–131.
Kazhdan 1990 – *Kazhdan A.P.* Byzantine hagiography and sex in the fifth to twelfth centuries // Dumbarton Oaks Papers. 1990. Vol. 44. P. 131–143.
Lemerle 1979 – *Lemerle P.* The agrarian history of Byzantium from the origins to the twelfth century. Galway, 1979. 272 p.
Magdalino 1981 – *Magdalino P.* The Byzantine Holy Man in the twelfth century // The Byzantine Siant / Ed. by S. Hackel. London; Birmingham, 1981. P. 51–66.
Magdalino 1991 – *Magdalino P.* The alternatives to hagiography in the twelfth century // 18th International Congress of Byzantine studies. Résumés. Moscow, 1991. P. 403–421.
Mango 1991 – *Mango C.* Diabulus Byzantinus // Dumbarton Oaks Papers. 1991. Vol. 46: Homo Byzantinus. Papers in Honour of A. Kazhdan. C. 215–223.
Mentzou-Meimaris 1994 – *Mentzou-Meimaris C.* The Life of Saint's Biographers in the middle and late Byzantine periods // Septième Congrès International d'études du Sud-Est Européen. Rapports. Athènes, 1994. P. 545–559.
Mertel 1909 – *Mertel H.* Die biographischen Form der griechischen Heiligenlegenden. Diss. Munchen, 1909. 100 S.
Munitiz 1981 – *Munitiz J.A.* Self-Canonization. The partial account of Nicephoros Blemmydes // The Byzantine Siant / Ed. by S. Hackel. London; Birmingham, 1981. P. 164–168.
Munitiz 1991 – *Munitiz J.A.* Hagiography and autobiography in the 13th century // 18th International Congress of Byzantine Studies. Résumés. Moscow, 1991. P. 243–249.
Rosenquist 1986 – *Rosenquist J.O.* The Life of St. Irene Abbess of Chrysobalanton. Uppsala, 1986. 175 p.
Ryden 1963 – *Ryden L.* Das Leben des Heiligen Narren Symeon von Leontios von Neapolis. Uppsala, 1963. 206 p.
Ryden 1970 – *Ryden L.* Bemerkungen zum Leben des Heiligen Narren Symeon von Leontios von Neapolis. Uppsala, 1970. 155 p.
Ryden 1982 – *Ryden L.* The revised version of the Life of St. Philaretos the Merciful and the Life of St. Andrew Salos // Analecta Bollandiana. 1982. T. 100. P. 485–496.
Ryden 1985 – *Ryden L.* The Bride-Show at the Byzantine court-history or fiction? // Eranos. 1985. Vol. 83. P. 175–191.
Ryden 1986a – *Ryden L.* Byzantine hagiography in the ninth and tenth centuries. Literary Aspects // Kungl. Human. Vetensk.-Sam Uppsala, 1986. P. 69–79.
Ryden 1986b – *Ryden L.* New forms of hagiography. Heroes and Saints // The 17th International Byzantine Congress. Main Papers. New York, 1986. P. 537–554.
Sevcenko 1977 – *Sevcenko I.* Hagiography of the iconoclast period // Iconoclasm. Birmingham, 1977. P. 113–131.

References

Alexander, P. (1940), "Secular Biography at Byzantium", *Speculum*, vol. 15, pp. 194–209.
Beck, H.-G. (1977), *Kirche und theologische Literaturim Byzantinischen Reich*, Beck'scheVerlag, Munchen, Germany.
Benz, A. (1938), "Heilige Narrheit", *Kyrios*, no. 1–2, pp. 1–55.
Chichurov, I.S. (1992), "A Journey of Apostol Andrew in Byzantine and Ancient Russian Tradition", in *The legacy of Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow*, Thessaloniki, Greece.
Dorn, E. (1967), *Der sundige Heilige in der Legende des Mittelalters*, Munchen, Germany.
Dvornik, F. (1958), The idea of Apostolicity in Byzantium and the legend of the Apostle Andrew, Cambridge (Mass.), USA.
Erhard, A. (1937–1952), *Uberlieferung und Bestand der hagiographischen und homiletischen Literatur der griechischen Kirche*, Leipzig, Bd. 1. – 3.
Hackel, S. (ed.) (1981), The Byzantine Saint, London, Birmingham, UK.
Hilpisch, P. (1931), "Die Torheit um Christi Willen", *Zeitschrift fur Askese und Mystik*, vol. 6, pp. 121–131.
Ivanov, S.A. (1995), *Vizantijskoe jurodstvo* [The Byzantine holy foolishness for Christ], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, Russia.
Ivanov, S.A. (2005), *Blazhennye pohaby: Kul'turnaja istorija jurodstva* [The Blessed Brutes. A cultural history of holy foolishness for Christ], Yazyki slavyanskih kultur, Moscow, Russia.
Kazhdan, A.P (1990), "Byzantine hagiography and sex in the fifth to twelfth centuries", *Dumbarton Oaks Papers*, vol. 44, pp. 131–143.
Kazhdan, A.P. and Nasledova R.A. (eds.) (1959), *Dve vizantijskie hroniki X veka* [The two Byzantium chronicles of 10th century], Nauka, Moscow, USSR.
Lemerle, P. (1979), *The agrarian history of Byzantium from the origins to the twelfth century*, Galway University Press, Galway, Ireland.
Losev, A.F. (1977), *Antichnaja filosofija istorii* [Antique philosophy of history], Nauka, Moscow, USSR.
Magdalino, P. (1981), "The Byzantine Holy Man in the twelfth century", in Hackel, S. (ed.), *The Byzantine Siant*, London; Birmingham, UK, pp. 51–66.
Magdalino, P. (1991), "The alternatives to hagiography in the twelfth century", in 18th International Congress of Byzantine studies. Résumés, Moscow, Russia, pp. 403–421.
Mango, C. (1991), "Diabulus Byzantinus", in *Dumbarton Oaks Papers*, vol. 46, Homo Byzantinus. Papers in Honour of A. Kazhdan, pp. 215–223.
Mentzou-Meimaris, C. (1994), "The Life of Saint's Biographers in the middle and late Byzantine Periods", in *Septième Congrès International d'études du Sud-Est Européen*. Rapports, Athènes, Greece, pp. 545–559.
Mertel, H. (1909), *Die Biographischen Form der griechischen Heiligenlegenden*, diss, Munchen, Germany.
Mogarichev, Yu.M., Sazanov, A.V. and Shaposhnikov, A.K. (2007), *Zhitie Ioanna Gotskogo v kontekste istorii Kryma «hazarskogo perioda»* [The Life of John

of Gothia in Context of Crimean History of Khazarian Epoch], AntikvA, Simferopol, Ukraine.
Mogarichev, Yu.M., Sazanov, A.V., Stepanova, E.V. and Shaposhnikov, A.K. (2009), *Zhitie Stefana Surozhskogo v kontekste istorii Kryma ikonoborcheskogo vremeni* [The Life of Stephen of Sourozh in context of Crimean history of iconoclast epoch], AntikvA, Simferopol, Ukraine.
Munitiz, J.A. (1981), "Self-Canonization. The partial account of Nicephoros Blemmydes", in *The Byzantine Siant*, London; Birmingham, UK, pp. 164–168.
Munitiz, J.A. (1991), "Hagiography and autobiography in the 13th century", in *18th International Congress of Byzantine Studies*. Résumés, Moscow, Russia.
Pentkovskaja, T.V., Shhegoleva, L.I. and Ivanov, S.A. (2018), *Zhitie Vasilija Novogo v drevnejshem slavjanskom perevode* [The Vasily Novy's Life in the most ancient Slavic translation], vol. 1, JaSK, Moscow, Russia.
Rosenquist, J.O. (1986), *The Life of St. Irene Abbess of Chrysobalanton*, Uppsala, Sweden.
Ryden, L. (1963), *Das Leben des Heiligen Narren Symeon von Leontios von Neapolis*, Uppsala, Sweden.
Ryden, L. (1970), *Bemerkungen zum Leben des Heiligen Narren Symeon von Leontios von Neapolis*, Uppsala, Sweden.
Ryden, L. (1982), "The revised version of the Life of St. Philaretos the Merciful and the Life of St. Andrew Salos", *Analecta Bollandiana*, vol. 100, pp. 485–496.
Ryden, L. (1985), "The Bride-Show at the Byzantine court-history or fiction?", *Eranos*, vol. 83, pp. 175–191.
Ryden, L. (1986), "Byzantine hagiography in the ninth and tenth centuries. Literary aspects", Kungl, Human, Vetensk.-Sam, Uppsala, Sweden.
Ryden, L. (1986), "New forms of hagiography. Heroes and saints", in *The 17th International Byzantine Congress. Main papers*, New York, USA, pp. 537–554.
Sevcenko, I. (1977), "Hagiography of the Iconoclast period", in *Iconoclasm*, Birmingham, UK, pp. 113–131.

Информация об авторах

Михаил В. Бибиков, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32А; mbibikov@mail.ru

Information about the author

Mikhail V. Bibikov, Dr of Sci. (History), professor, Institute of World History of Russian Acad. of Sciences, Moscow, Russia; bld. 32A, Leninskiy Av., Moscow, 119334, Russia; mbibikov@mail.ru

УДК 930.2
DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-119-135

Образ города в лицевом Букваре Кариона Истомина 1694 г.

Юлия Э. Шустова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
Российская государственная библиотека, Москва, Россия, shustova@yandex.ru

Аннотация. Город является важным центром жизни общества. В разные исторические периоды времени менялась роль городов, а также менялся и образ города в картине мира и системе ценностей общества. Изучение образа города в истории общества является одной из актуальных задач не только урбанистики, но и всего гуманитарного знания с привлечением различных исторических источников. В данной статье ставится задача изучения образа города на примере учебников для обучения грамоте как книг, формирующих первоначальную картину мира человека. Для этого был выбран лицевой Букварь Кариона Истомина, созданный первоначально в рукописном виде для обучения детей царя Алексея Михайловича, а в 1694 г. напечатанный на Московском печатном дворе. Доски для этого цельногравированного издания изготовил гравер Леонтий Бунин. Букварь представляет собой сочетание вербальной и визуальной информации. Впервые в нем важным являлся иллюстративный ряд, который должен был помочь ученику в усвоении букв алфавита. Каждая страница состояла из картинок с подписями и стихотворения, интерпретирующими понятия на изучаемую букву. В числе иллюстраций, созданных Леонтием Буниным, изображения города, городских построек занимают значительное место.

В результате изучения вербальной и визуальной информации о городе и городской среде в статье выделяются такие образы города: город как сакральное пространство; образ города как географического маркера (изображение частей света через создание разных типов городов); образ городской архитектуры (строения для проживания горожан, церкви, хозяйственные постройки, оградительные и укрепительные сооружения); образ города как символа родной земли. Образ города являлся важным для формирования картины мира у отроков, приступающих к обучению грамоте. Посредством визуально-вербального ряда образа города у детей формировалось определенное восприятие городской среды, городского пространства – разного и многофункционального.

© Шустова Ю.Э., 2021

Ключевые слова: урбанистика, Карион Истомин, лицевой Букварь, образ города

Для цитирования: Шустова Ю.Э. Образ города в лицевом Букваре Кариона Истомина 1694 г. // История и архивы. 2021. № 3. С. 119–135. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-119-135

The image of the city in Karion Istomin's illustrated Primer of 1694

Yuliya E. Shustova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Russian State Library, Moscow, Russia, shustova@yandex.ru

Abstract. The city is an important center of social life. In different historical periods of time, the role of cities was changing, as well as the city image in the picture of the world and in the society system of values. The study of the city image is one of the urgent tasks of urban studies, as well as the entire humanitarian knowledge with the involvement of various historical sources. The article sets out a task of studying the city image using the example of textbooks for teaching literacy (Primers) as books that form the initial picture of the human world. To that end Karion Istomin's illustrated Primer was chosen. It was first created in handwritten form to teach the children of Tsar Alexei Mikhailovich. In 1694 it was published at the Moscow Printing Yard. Boards for that all-engraved edition were made by the engraver Leonty Bunin. A Primer is a combination of verbal and visual information. For the first time in it an important feature became the illustrative series was important, which was supposed to help the student in mastering letters of the alphabet. Each page of the Primer consisted of pictures with captions and a poem. They interpreted words that began with or included the letter being studied. Among the illustrations by Leonty Bunin, images of the city and city buildings occupy a significant place.

As a result of the study of verbal and visual information about the city and the urban environment, the following images of the city are distinguished in the article: the city as a sacred space; the image of a city as a geographical marker (depicting parts of the world through the creation of different types of cities);image of city's architecture (buildings for the residence of townspeople, churches, outbuildings, protective and the fortification structures); the city image as a symbol of the native land. It was important for the formation of a picture of the world among youths starting to learn to read and write. Through the visual-verbal series of the image of the city, children formed a certain perception of the urban environment, urban space – different and multifunctional.

Keywords: urban studies, Karion Istomin, illustrated Primer, image of the city

For citation: Shustova, Yu.E. (2021), «The image of the city in Karion Istomin's illustrated Primer of 1694», *History and Archives,* no. 3, pp. 119–135, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-119-135

Город – один из важнейших объектов среды обитания и картины мира в европейской культуре. В разные периоды времени он менялся в соответствии с картиной мира, системой ценностей, значимостью социально-политической, религиозной, культурной жизни общества. Необходимость понимания динамики моделей урбанистического дискурса в европейской и отечественной учебной литературе раннего Нового времени является одной из актуальных задач современной гуманитарной науки.

Город и городская среда являются объектом изучения самых разных областей гуманитарного знания. В центре внимания исследователей – вопросы от изучения самого понятия «город» в разных культурах, социально-экономические, религиозные, политических аспектов городской жизни, городская среда обитания в рамках интеллектуальной истории и истории повседневности. Значительное число исследований посвящено изучению образа города в художественной литературе, визуальных источниках. Теоретические и практические аспекты разрабатывали К. Линч [Линч 1982], С. Чекленд [Checkland 1983, p. 449–466], Б. Шульман [Schulman 1991], М. Де Серто [Де Серто 2004, с. 185–210], Г. Зиммель [Зиммель 2002, с. 1–12], П. Акройд[1], А. Лефевр и С. Эфиров [Лефевр, Эфиров 2002, с. 19–26] и др. В отечественной историографии весомый вклад в изучение истории и образа города внесли М.Н. Тихомиров [Тихомиров 1956], Ю.М. Лотман [Лотман 1992, т. 2. с. 9–21], А.Л. Ястребицкая [Ястребицкая 1993], Б.Н. Миронов [Миронов 1990], К. Герасимова [Gerasimova 2003, p. 165–193], С. Чуйкина [Герасимова, Чуйкина 2000, с. 127–153], С.И. Маловичко [Маловичко 2001] и др. Также следует отметить направление педагогической и образовательной урбанистики, которое разрабатывает исторические региональные аспекты педагогической и образовательной урбанистики. Следует выделить работы Ю.М. Гончарова [Гончаров 2004], А.Н. Шевелева [Шевелев 2008], Р.Ю. Порозова [Порозов 2016] и др.

Изучению разных аспектов учебной литературы посвящено значительное число исследований в разных странах Европы и России,

[1] *Акройд П.* Лондон: Биография. М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2005. 892 с.

можно отметить работы Ф. Бюнгера[2], М. Окенфусса [Okenfuss 1980], Р. Клеминсона [Cleminson 1988, p. 1–27], Г. Маркера [Marker 1989, p. 1–19], М.К. Брагоне [Bragone 2008; Брагоне 2013], Е.Л. Немировского [Немировский 2015], Ю.Э. Шустовой [Шустова 2010] и др. Многие проблемы в изучении учебной литературы рассматриваются в коллективной монографии «Учебники детства: Из истории школьной книги VII–XXI веков» [Учебники детства 2013]. Подробная библиография изучения учебной литературы, а также исследования ведущих современных отечественных и зарубежных ученых вошли в коллективный труд «“В России надо жить по книге”: начальное обучение чтению и письму (становление учебной книги в XVI–XIX вв.)» [В России надо жить по книге 2015].

Несмотря на значительное число разных исследований по исторической и образовательно-педагогической урбанистике, учебно-назидательная литература XVI–XVIII вв. мало использовалась для изучения образа города. Отдельные аспекты изучения атрибутов городской среды разрабатывались в связи с изучением визуально-вербальных учебных текстов Яна Амоса Коменского и Кариона Истомина.

Лицевой Букварь Кариона Истомина был создан для обучения грамоте царских детей. Рукопись была составлена в 1691 г., о чем свидетельствует сохранившийся текстовой автограф Кариона Истомина, не имеющий рисунков[3]. Второй список является, видимо, самым ранним вариантом Букваря с картинками, в котором создан первоначальный корпус иллюстраций, доработанных как количественно, так и художественно в других списках[4]. Роскошная рукопись с миниатюрами, писанными красками и золотом, в 1692 г. была преподнесена царице Наталье Кирилловне для обучения грамоте ее внука царевича Алексея Петровича[5]. И еще один список – парадная рукопись, преподнесенная 14 октября 1693 г. царице Прасковье Федоровне для обучения ее дочерей[6]. Издан Букварь был на Московском печатном дворе в 1694 г. с медных досок, выполненных знаменщиком Серебряной палаты Леонтием Буниным. Лицевой Букварь Кариона Истомина явился первым принципиально новым учебником в России. Основываясь на принципах важнейшей роли визуализации в процессе обучения, он заложил основы будущих учебных пособий принципиально новой методики, значительно опередив свое время.

---

[2] *Bünger F.* Entwicklungs geschichte des Volksschullesebuches. Leipzig: Dürr'sche Buchhandlung, 1898. 630 S.

[3] ГИМ. ОР. Чуд. 302.

[4] Там же. РР. Увар. 73–1°.

[5] Оружейная палата. № 9463, инв. № 13126.

[6] ГИМ. ОР. Увар. 92–1°.

Биографии иеромонаха Чудова монастыря, справщика Московского печатного двора, стихотворца, учителя царских детей Кариона Истомина[7] и изучению его лицевого Букваря[8] посвящена обширная литература [Мошкова 2013, с. 58–67; Савельева 2016, с. 288–298; Букатов 2018, с. 14–35; Хромов 2015, с. 7–17][9]. Однако изучению визуальной и текстовой информации о городе и городской среде в исследованиях не уделяли особого внимания. Между тем к концу XVII в. город становится важным образом во многих европейских изданиях разной тематики и жанра, а также в кириллической богослужебной книге [Шустова 2013, с. 397–406].

В рукописных списках образ города в числе визуальных объектов формировался постепенно. В самом раннем списке он фигурирует только в качестве иллюстраций к обозначенным Карионом Истоминым словам. А в цельногравированном издании он занимает особую роль в изобразительных композициях, играя не просто связующую, пейзажную роль, а дополняя текст стихов смыслами, которые первоначально не предполагались для иллюстрирования. В данной работе рассматриваются в первую очередь изображения, созданные в гравюрах Леонтием Буниным, так как именно в этом варианте книга получила финальное оформление и широкое распространение среди читателей.

Изображение города как комплекса зданий за крепостными стенами встречается во многих источниках. Так, широкую известность получила «Книга хроник» («Liber cronicarum») Гартмана Шеделя, впервые изданная Антоном Кобергеромна латинском языке в 1493 г. в Нюрнберге[10], в которой помещены изображения многих городов. Книга неоднократно переиздавалась, в т. ч. и в переводе на немецкий язык, и, вполне вероятно, была знакома автору гравюр Букваря. Образ города как укрепленного мощными крепост-

---

[7] *Браиловский С.Н.* Карион Истомин: (Жизнь его и сочинения). М., 1889. 124 с.; *Он же.* Один из пестрых XVII-го столетия // Записки Императорской Академии наук. По Историко-филологическому отделению. Т. 5. № 5. СПб., 1902. XXXVIII, 494 с.; *Тарабрин И.* Лицевой букварь Кариона. М., 1916. 83 с., 39 л.; *Сазонова Л.И.* Карион Истомин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3: XVII в. Ч. 2: И–О. Л., 1993. С. 140–152; Карион Истомин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3: XVII в. Ч. 4. Т–Я: Дополнения. СПб., 2004. С. 729–731.

[8] Азбука Кариона Истомина, в 1691 году. СПб., 1822. 27 с.

[9] См. также: *Сазонова Л.И.* Карион Истомин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3: XVII в. Ч. 2: И–О. Л.: Наука, 1993. С. 140–152.

[10] *Schedel H.* Liber chronicarum cum figuris et ymaginibus ab inicio mundi. Nürnberg, 12.VII.1493.

ными стенами (кремлем) пространства чаще всего используется в визуальных маркерах Букваря.

Буква «Глаголь» в Букваре 1694 г. проиллюстрирована в числе прочих изображением города. Он изображен как большой, укрепленный мощными каменными стенами со сторожевыми башнями. Путь в город – через широкие въездные ворота в одной из башен укрепления. Сам город предстает многочисленными каменными строениями с куполами разной формы – полукруглыми и остроконечными, домами с двускатными крышами. Шпили и купола церквей украшают кресты. Образ города гравер создал в лучших европейских традициях изображения города как единого пространства.

Город как сакральное пространство

Единственный в числе изображенных в Букваре городов с названием – Иерусалим, «Іер(у)с(а)лимъ град». Его образ подается без принципиальных отличий от прочих представленных здесь городов – крепостные стены с башнями, дома и храмы. На гравюре видим разные купола – шатровые и полукруглые. Важной деталью, отличающей это изображение от прочих, является обозначение, что это город нескольких религий. Купола венчают и кресты, и полумесяцы. Художник стремился подчеркнуть то, что это город и христианский, и иудейский, и мусульманский. Образ Иерусалима в христианской культуре занимает особое место. Это восприятие Иерусалима не только как населенного пункта, но и как города, в котором разворачиваются события Священной истории, и как града небесного, нового Иерусалима. Образ Нового Иерусалима восходит к книге «Откровения Иоанна Богослова» (Откр. 3: 12; 21: 2), а также к пасхальному песнопению «Светися, светися новый Иерусалиме, слава бо Господня на тебе возсия». В средневековой Руси понятие Нового Иерусалима объединяло апокалиптическую идею Второго пришествия и пасхальную идею Воскресения, обновления [Успенский 1996, с. 93]. Образ небесного Иерусалима, града небесного, получил в искусстве XVII в. особое развитие. Связано это было с трактовкой концепции Москвы как Нового Иерусалима. Изображения Иерусалима в иконографии, архитектуре часто приобретают реальные черты воплощения городского пространства. Идея Московского царства как духовного Иерусалима была чрезвычайно важна в реформах патриарха Никона [Бусева-Давыдова 1994, с. 174–181]. В книжной гравюре идея Москвы как Иерусалима нашла отражение в фронтисписе к Библии, напечатанной на Московском печатном дворе в 1663 г. Москва предстает в гравюре

работы старца Новинского монастыря Зосимы в виде реального плана города XVII в. с изображением контура городских кварталов, стен, рвов, отдельных зданий. Надписи – цитаты из Библии – раскрывают изображение стольного города как священного Иерусалима: «Градъ царя велікаго», «Богъ въ тяжестех его знаемъ есть. Ѱалом 45» (Пс. 45:5,6). «Востани, востани Іерусаліме і облецыся в крѣпость мышцы твоея» (Ис. 51: 9). Москва показана как воплощение Нового Иерусалима, нового оплота православия [Шустова 2008, с. 459]. На гравюре Леонтия Бунина в Букваре 1694 г. Иерусалим предстает как реальный город, а не символическое его воплощение. Это реальное географическое пространство, имеющее свои характерные черты. Несмотря на фантазийность абриса этого города, должен быть подчеркнуть не только его значение как града небесного, но и как града земного.

Символ города как сакрального пространства прочитывается в иллюстрации «Медвѣдь». На переднем плане мы видим грозного зверя, а на дальнем плане на холме расположен город. Здесь образ города служит для противопоставления двух пространств – леса, где живут звери, и города – места жительства людей. Эта мысль раскрывается в стихотворении: «Не толкω медвѣдь, но в мрежи и люди / грехом ловимы, ты ωпасенъ буди». На странице также имеется изображение «мрежи», т. е. сети. Как человек ловит зверя сетью, так и сам может угодить в сети грехов, становясь опасным. Таким образом, образ города на картинке символизирует защиту человека от сетей греха, выступая сакральных, духовным пространством. Такое же восприятие города прочитывается на странице с изображением различных вещей к букве «Наш». Пейзажную линию с обеих сторон завершают изображения городов на высоких холмах. Они как бы дополняют композицию различных предметов. Но именно образом города гравер иллюстрирует стихи Кариона Истомина: «Нашъ напишет кто, и в прїѧтствѣ знанство / душа в небесно спѣшисѧ гражданство». Город здесь, как и на иллюстрации с изображением медведя, символизирует град духовный, небесный город, куда устремляются души праведников. Аналогичное изображение двух городов как части пейзажа общей композиции предметов мы видим на странице с буквой «От». Два города расположены на холмах, и их символическое значение раскрывается в стихах: «ѺТ с твердомъ в рѣчи, разность межь имеют / ѺТ когω и охъ, печаль в людехъ дѣют. / ѺТ б(о)га милость, ω ней благодари / какω пред ним жить, гдѣ всегда говори». Города здесь понимаются как два конца пути, два воплощения жизни в граде дольнем и граде горнем, две противоположности – печали в жизни человека и радости от Божьей милости. Следует отметить, что в первоначальном рукописном варианте Букваря поэтические стихи о буквах никак не были

проиллюстрированы. И только в гравюрах появляются изображения городов, которые и должны были визуализировать образ города земного и небесного, подчеркнуть сакральную составляющую понятия града горнего как священного пространства. Если в граде земном живет тело человека, то в граде небесном – его душа. Аналогичное пейзажное изображение городов размещено на странице с буквой «Цы». В рукописных вариантах лицевого Букваря изображения городов не встречаются, а гравер так иллюстрирует двустишие, посвященное этой букве: «Каковы суть цы, в письменномъ зри слозѣ / в бл(а)годарствѣ всѧк буди Б(о)гу мнозѣ». Изображение города подчеркивает символическое значение града небесного, куда устремляются благодарственные молитвы.

Образ города как географического маркера

Карион Истомин включает в число важных для ученика понятий сведения о частях света («частях земли»). Эти понятия довольно емкие и многогранные в плане образного изображения. На гравюре, посвященной букве «Аз», перечисляются три части света – Азия, Африка и Америка. Решение, каким образом изобразить части света в Букваре, не сразу нашло оптимальное визуальное воплощение. В рукописном списке 1692 г. довольно схематично изображалась некая земля в виде холма и размещался текст: «Часть 2 земли Асіа. Америка. Часть 2 Африка» [Исаева 2018, с. 22]. Леонтий Бунин весьма искусно помещает изображения городов на гравюре. Они изображены за укрепленными крепостными стенами и различаются по стилю архитектуры. Это – азиатский восточный город с невысокими купольными крышами, американский город с прямоугольными строениями, африканский город с башнями с округлыми куполами. В стихах Кариона Истомина названия частей света не называются, а указываются как важные понятия, знания о мире, о которые следует иметь представление юному человеку: «Землѧ есть в частѣх. в мѣсѧцахъ измена, / отроча зрѣти сладцѣ в смыслъ ѡдѣнна».

Городская архитектура

Иконография города предстает в Букваре разными элементами: неизменным остаются укрепленные стены с башнями и каменные сооружения. Также сюда можно отнести и изображение деревянных городских строений. Слово «врата» иллюстрируется изображением именно городских ворот – въезда в укрепленный каменной стеной город. На гравюре Леонтия Бунина представлены широкие ворота,

украшенные сверху декоративными элементами над аркой. Буква «Добро» проиллюстрирована изображением города с подписью: «Во град дорога». Здесь четко обозначена дорога, которая ведет мимо крепостных стен большого города к арочным вратам с церквями с обеих сторон от них. Дорога как символ важной путевой артерии ведет к городу – центру торговых связей. В стихотворных строках Карион Истомин обращает внимание на значение дорог в познании мира: «Дороги спрашай, обычаемъ внемли / ходѧй по всюду, всѧкъ никогда дремли». В одном из рукописных вариантов Букваря композиция с городом и дорогой к нему имеет еще одну подпись: «Домъ». Это понятие соответствует стихам: «Домомъ ли жити, требнѡ домостройство / всѧкому знати, своих вещей свойство. / Сегѡ бо ради люди разумъ стѧжутъ / да лести в мірѣ злобою не свѧжутъ». «Дом» понимается не только как строение, жилище, а как хозяйство, управляемое по правилам «Домостроя» – ведения всех сфер в домашнем хозяйстве, «домостройстве».

Как обязательная составляющая городского пространства выступает «Изба». На гравюре Леонтия Бунина это деревянное бревенчатое строение с двускатной крышей, украшенной изящной люкарной – модного элемента в архитектуре XVII в., застекленными окнами, дверьми на кованых петлях. Перед нами большая изба весьма состоятельного горожанина, который мог позволить себе и остекление окон, и архитектурные изыски в своей избе. В стихотворном тексте к букве «Иже» сказано: «Во избе живут». Богатым городским жилищем являлась палата. Палаты строились из камня или кирпича, имели несколько этажей, их интерьеры и экстерьеры украшались различными художественными элементами: резьбой, изразцами, росписями. На гравюре Леонтия Бунина предстает роскошная палата, мастер специально подчеркнул то, что это именно городская постройка, изобразив на втором плане город. По принципу построения средневековой миниатюры это означало, что данная палата находится в этом городе. Палата предстает величественным сооружением, выложенным из кирпича, со сторожевой башней, роскошным крыльцом с колоннами, многочисленными окнами. Второй этаж палаты украшен полукруглым эркером и круглой башенкой. По своей архитектуре эта палата напоминает итальянские палаццо эпохи возрождения. В стихах Карион Истомин говорит не о функциональности палаты и даже не о красоте этих зданий, а о ее духовном образе: «Палату сердца в постъ тѣло усушай». Палата как вместилище сердца, т. е. внутреннего духовного мира, которую необходимо очищать молитвенно во время поста. Такая интерпретация образа палаты перекликается с уникальным текстом предисловия из Апостола, изданного во Львове в 1666 г., где сердце предстает как таблица (материал для письма), на которой послания апостолов

написаны языком и слезами, а сердце предстает вместилищем души и разума [Шустова 2012, с. 216–226; Шустова 2015, с. 123–131].

Важнейшим сооружением в городском пространстве является церковь. На гравюре Леонтия Бунина мы видим высокий каменный трехъярусный храм, украшенный колоннами, резными оконными проемами, орнаментальным убранством. Строка из стихотворения, посвященная этой картинке, весьма лаконично называет церковь воплощением неба на земле: «Въ ц(е)рковь оучащай, та – небо земное». В общем понимании образа города как града небесного, церковь – непосредственное воплощение горнего, небесного пространства на земле.

Неотъемлемыми городскими постройками были амбары или житницы, в которых хранили зерно и муку. В Букваре 1694 г. «Житница» изображена как высокое деревянное строение – сруб с двускатной крышей, с массивной дверью на кованных петлях и окошком высоко под крышей. В стихах образ житницы истолковывается метафорично. Это не только символ благосостояния, место хранения хлеба в повседневной бытовой жизни города, но и символ духовного богатства: «Прїимешь блгій жребїй тебѣ всюду / прейдешь в житницу небесну Ѳсюду».

К обязательным городским сооружениям следует отнести «кладезь». На гравюре Леонтия Бунина колодец изображен каменным, в виде шестигранника, без навеса. Если житница была хранилищем главного продукта питания, то колодец – источником чистой воды.

Город окружают крепостные каменные стены, кремль, а внутри городского пространства межа между городскими постройками отделялась деревянным «забралом», т. е. забором. Забор изображен как сколоченный из горизонтально сбитых досок. Деревянные заборы составляли обязательную часть городского пейзажа: «Забрало людемъ в потребахъ оугодно». Иную конструкцию имеет «тынъ». Он представляет собой деревянный частокол. Картинка с изображением тына присутствует на странице с буквой «Еры».

Образ города как символа родной земли

Образ большого города европейского типа использован в весьма значительной иллюстрации «Брань или война». Многофигурная батальная сцена помещена на первом плане, а на втором – на высоком холме располагается город – за мощными крепостными стенами многочисленные здания с высокими стрельчатыми шпилями. Большой город защищают войска. Поэтический текст Кариона Истомина первоначально был адресован царевичу Алексею Петровичу, будущему правителю и полководцу, а в печатном Букваре –

в первую очередь детям высших сословий, для которых воинская служба будет обязательной. Интерпретируется слово «брань» как наука жизни для юных: «Изначала брань в мірѣ ѡбитаетъ / юныѧ люди жити ѡбучаетъ». В иллюстрации образ города противопоставлен войне. Это символ мира, спокойной жизни, привычного уклада, т. е. город выступает как образ защищенного пространства, земли, которую следует защищать воинам.

В лицевом цельногравированном Букваре, созданном Карионом Истоминым и гравером Леонтием Буниным, напечатанном на Московском Печатном дворе в 1694 г., образ города играет особую и важную роль. Как город, так и городские постройки занимают существенное место в ряду понятий, которые Карион Истомин выделяет при изучении каждой буквы алфавита и которая снабжается соответственной иллюстрацией. Леонтий Бунин часто иллюстрирует стихи Каприона Истомина, посвященные собственно той или иной букве, выбирая для создания аллегорической композиции образ города. Город выступает и в качестве пейзажа композиций, играя при этом важную смысловую роль. Можно выделить основные смыслы образа города в Букваре: город как сакральное пространство (град небесный) и город как место проживания людей, с городскими постройками (град земной). Это характерное для эпохи барокко деление и восприятие пространства, в т. ч. и городского, нашедшее воплощение как в поэзии, так и в гравюре и органично воплотившееся в создании Букваря, призванного использовать визуальные образы при обучении грамоте. Город используется в качестве маркера географического пространства – образ частей света предстает на гравюрах посредством изображения разных типов городов, характерных для разных культур народов, проживающих в четырех разных частях света. Образы городской архитектуры представлены довольно разнообразно. Это дома простых и богатых горожан, церкви, различные хозяйственные постройки. Также важными в этом ряду являются городские крепостные стены, которые и формируют сам «город», а также оградительные строения, «о-гораживающие» различные городские постройки. В особую категорию можно выделить образ города как символа родной земли – земли, которую следует беречь и защищать от врагов.

Визуальные изображения города и городского пространства максимально полно иллюстрируют поэтические тексты Букваря, однако в изобразительном ряде образ города раскрывается богаче, используется часто для иллюстрации понятий, которые в первоначальных рукописных вариантах не предполагали изображения городского пространства, не раскрываются в вербальных текстах. Образ города для авторов Букваря – Кариона Истомина и Леонтия Бунина – являлся важным для формирования картины мира

у отроков, приступающих к обучению грамоте. Он формировал определенное восприятие городской среды, городского пространства – разного и многофункционального.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта «Образ города в учебно-назидательной литературе XVI–XVIII вв.: от средневековых традиций к практикам Нового времени» Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 20-013-00535.

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project "The image of the City in the Educational Literature of the 16th – 18th centuries: From Medieval Traditions to the practices of the Modern Times", no. 20-013-00535.

Литература

Брагоне 2013 – *Брагоне М.К.* Стихотворения в «Арифметике» Леонтия Магницкого // History and literature in eighteenth-century Russia. London, 2013. P. 1–27.

Букатов 2018 – *Букатов В.М.* «Своими глазами», или Герменевтические аллюзии иллюстративных экзерсисов в учебных книгах XVII века: На примере учебника латинского языка «Мир чувственных вещей в картинках» А.Я. Коменского (1658, Нюрнберг) и рукописного «Букваря» Кариона Истомина (1692, Москва) // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2018. № 4 (52). С. 14–35.

Бусева-Давыдова 1994 – *Бусева-Давыдова И.Л.* Об идейном замысле «Нового Иерусалима» патриарха Никона // Иерусалим в русской культуре. М.: Наука: Изд. фирма «Вост. лит.», 1994. С. 174–181.

В России надо жить по книге 2015 – «В России надо жить по книге»: начальное обучение чтению и письму (становление учебной книги в XVI–XIX вв.): Сб. науч. ст. и матер. / Под ред. М.В. Тендряковой, В.Г. Безрогова. М.: Памятники ист. мысли, 2015. 609 с.

Герасимова, Чуйкина 2000 – *Герасимова К., Чуйкина С.* Символические границы и «потребление» городского пространства (Ленинград, 1930-е годы) // Российское городское пространство: попытка осмысления. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2000. С. 127–153.

Гончаров 2004 – *Гончаров Ю.М.* Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX — начало XX в.). Новосибирск: СовА, 2004. 357 с.

Де Серто 2013 – *Де Серто М.* Изобретение повседневности. Т. 1: Искусство делать. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 328, [1] с.

Зиммель 2002 – *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4 (34). С. 1–12.

Исаева 2018 – *Исаева Е.В.* Букварь: Букварь Царевича Алексея Петровича. М.: Гос. историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2018. 59 с.

Лефевр, Эфиров 2002 – *Лефевр А., Эфиров С.* Идеи для концепции нового урбанизма // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 19–26.

Линч 1982 – *Линч К.* Образ города. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.

Лотман 1992 – *Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллин: Александра, 1992. Т. 2. С. 9–21.

Маловичко 2001 – *Маловичко С.И.* Отечественная историческая мысль XVIII в. о возникновении и социально-политической жизни древнерусского города (от киевского «Синопсиса» до «Нестора» А.Л. Шлёцера). Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2001. 415 с.

Миронов 1990 – *Миронов Б.Н.* Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1990. 271 с.

Мошкова 2013 – *Мошкова Л.В.* Букварь Кариона Истомина 1694 г. как шедевр автора // Учебники детства: Из истории школьной книги VII–XXI веков: [Сб. ст. Т. 3]. М.: РГГУ, 2013. С. 58–67.

Немировский 2015 – *Немировский Е.Л.* Азбуки Ивана Федорова, его учеников и последователей. Пятигорск: СНЕГ, 2015. 271 с.

Порозов 2016 – *Порозов Р.Ю.* Культурно-образовательное пространство города: теоретико-культурологический анализ. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. 173 с.

Савельева 2016 – *Савельева М.Ю.* Фигурные инициалы лицевых «Букварей» Кариона Истомина и западноевропейская традиция фигурных алфавитов: развлечение, обучение и воспитание // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2016. № 6. С. 288–298.

Тихомиров 1956 – *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. М.: Госполитиздат, 1956. 477 с.

Успенский 1996 – *Успенский Б.А.* Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва – Третий Рим» // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 83–123.

Учебники детства 2013 – Учебники детства: Из истории школьной книги VII–XXI веков : [Сб. ст. Т. 3] / Сост. Н.Б. Баранникова, В.Г. Безрогов и др. М.: РГГУ, 2013. 438 с.

Хромов 2015 – *Хромов О.Р.* Букварь Кариона Истомина с рукописными дополнениями. Диомида Яковлева сына Серкова как памятник русской книжности XVII века // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 1 (22). С. 7–17.

Шевелев 2008 – *Шевелев А.Н.* Образовательная урбанистика: методологические аспекты изучения школьной среды петербургских дореволюционных

учебных заведений. СПб.: Санкт-Петербургская акад. постдипломного пед. образования, 2008. 127 с.

Шустова 2008 – *Шустова Ю.Э.* Образ царской власти в поэтико-геральдических композициях печатной книги Московского государства второй половины XVII в. // Труды «Русской антропологической школы»: Вып. 5. М.: РГГУ, 2008. С. 454–495.

Шустова 2010 – *Шустова Ю.Э.* Азбука в печатных кириллических Букварях южнославянской и восточнославянской традиции в XVI – начале XVIII в. // Очерки феодальной России / Ред. С.Н. Кистерев. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. Вып. 14. С. 402–496.

Шустова 2012 – *Шустова Ю.* Символика сердца в изданиях типографии Львовского братства XVII–XVIII вв. // Історія релігій в Україні: Науковий щорічник, 2012 рік. / Упоряд. О. Киричук, М. Омельчук, І. Орлевич. Львів: Логос, 2012. Кн. 1. Ч. 1: Історія. С. 216–241.

Шустова 2013 – *Шустова Ю.Э.* Образ Успенской церкви в изданиях типографии Львовского Ставропигийского братства XVII–XVIII вв. // Шестые всероссийские краеведческие чтения (Москва – Можайск, 1–2 июня 2012 г.). М.: Краеведение, 2013. С. 397–406.

Шустова 2015 – *Шустова Ю.Э.* Символика сердца в эмблематическом тексте львовского Апостола 1666 г. // Вестник РГГУ: Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2015. № 9 (152). С. 123–131.

Ястребицкая 1993 – *Ястребицкая А.Л.* Европейский город (Средние века – раннее Новое время): Введение в современную урбанистику. М.: ИНИОН, 1993. 272 с.

Bragone 2008 – *Bragone M.K.* Alfavitar radi učenija malych detej. Un abbecedario nella Russia del Seicento. Firenze: Firenze University Press, 2008. 285 p.

Gerasimova 2003 – *Gerasimova K.* Public spaces in the communal apartment // Public spheres in Soviet-type societies. Between the great show of the party-state and religious counter-cultures. Frankfurt a/M.: Peter Lang, 2003. P. 165–193.

Checkland 1983 – *Checkland S.G.* An urban history horoscope // The pursuit of urban history. London: Edward Arnold, 1983. P. 449–466.

Cleminson 1988 – *Cleminson R.* East Slavonic Primers to 1700 // Australian Slavonic and East European studies. 1988. Vol. 2. № 1. P. 1–27.

Marker 1989 – *Marker G.J.* Primers and literacy in Muscovy. A taxonomic investigation // The Russian Review. 1989. Vol. 48. P. 1–19.

Okenfuss 1980 – *Okenfuss M.J.* The discovery of childhood in Russia. The evidence of the Slavic primer. Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1980. 94 p.

Schulman 1991 – *Schulman B.J.* From Cotton Belt to Sunbelt. Federal policy, economic development, and the transformation of the South, 1938–1980. New York; Oxford: Oxford University Press, 1991. 333 p.

References

Barannikova, N.B. and Bezrogov. V.G. (eds.) (2013), *Uchebniki detstva: Iz istorii shkolnoy knigi VII–XXI vekov* [The Textbooks of Childhood: From the History of School Textbook of 7th – 21st centuries], Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Bragone, *M.K.* (2008), *Alfavitar radi učenija malych detej. Un abbecedario nella Russia del Seicento*, Firenze University Press, Firenze, Italy.

Bragone, M.K. (2013), "Poems in «Arithmetic» by Leonty Magnitsky", *History and literature in eighteenth-century Russia*, London, United Kingdom.

Bukatov, V.M. (2018) " 'With one's own eyes', or Hermeneutic allusions of illustrative exercises in the 17th century textbooks based on the example of Jan A. Komensky's 'The World of Sensual Things in Pictures' Latin textbook (1658, Nuremberg) and Karion Istomin's Primer manuscript (1692, Moscow)", *Novoye v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh*, no. 4 (52), pp. 14–35.

Buseva-Davydova, I.L. (1994), "On the ideological concept of the 'New Jerusalem' of Patriarch Nikon", in *Iyerusalim v russkoy kul'ture* [Jerusalem in Russian culture], Nauka, Moscow, Russia, pp. 174–181.

Checkland, S.G. (1983), An urban history horoscope, in *The pursuit of urban history*, Edward Arnold, London, UK.

Cleminson, R. (1988), "East Slavonic Primers to 1700", *Australian Slavonic and East European Studies*, vol. 2, no 1, pp. 1–27.

De Certeau, M. (2013), *Izobreteniye povsednevnosti, T. 1 Iskusstvo delat'* [Invention of the everyday life. The art of doing], Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, Sankt-Peterburg, Russia.

Gerasimova, K. (2003), "Public spaces in the communal apartment", in *Public spheres in Soviet-type societies. Between the great show of the party-state and religious counter-cultures*. Peter Lang, Frankfurt a/M., Germany, pp. 165–193.

Gerasimova, K. and Chuykina, S. (2000), "Symbolic boundaries and 'consumption' of urban space (Leningrad, 1930s)", in *Rossiyskoye gorodskoye prostranstvo: popytka osmysleniya* [Russian urban space. An attempt at comprehension], Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond, Moscow, Russia, pp. 127–153.

Goncharov, Yu.M. (2004), *Ocherki istorii gorodskogo byta dorevolyutsionnoy Sibiri (seredina XIX – nachalo XX v.)* [Essays on the history of urban life in pre-revolutionary Siberia (mid-19th – early 20th centuries)], SovA, Novosibirsk, Russia.

Isayeva, Ye.V. (2018), *Bukvar': Bukvar' tsarevicha Alekseya Petrovicha* [Primer. Primer of tsarevich Alexei Petrovich], Gosudarstvennyi istoriko-kul'turnyi muzey-zapovednik "Moskovskii Kreml' ", Moscow, Russia.

Khromov, O.R. (2015), "ABC-book by Karion Istomin with handwritten additions of Diomede Yakovlev Serkov's son as a monument of Russian bookishness of 17th century", *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*, vol. 22, no. 1, pp. 7–17.

Lefevr, A. and Efirov, S. (2002), "Ideas for the concept of new urbanism", *Sotsiologicheskoye obozreniye*, vol. 2, no. 3, pp. 19–26.

Lotman, Yu.M. (1992), "St. Petersburgh's symbolism and the issue of a city's semiotics", in Lotman, Yu.M., Izbrannye statyi [Selected papers], vol. 2, Alexandra, Tallinn, Estonia, pp. 9–21.

Lynch, K. (1982), *The image of the city* [The image of the city], Stroyizdat, Moscow, Russia.

Malovichko, S.I. (2001), *Otechestvennaya istoricheskaya mysl' XVIII v. o vozniknovenii i sotsial'no-politicheskoy zhizni drevnerusskogo goroda (ot kiyevskogo «Sinopsisa» do «Nestora» A.L. Shlotsera)* [Russian historical thought of the 18th century on the emergence and socio-political life of the ancient Russian city (from the Kievan "Synopsis" to "Nestor" by A.L. Shlozer)], Izdatel'stvo Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta, Stavropol', Russia.

Marker, G.J. (1989), "Primers and literacy in Muscovy. A taxonomic investigation", *The Russian Review*, vol. 48, pp. 1–19.

Mironov, B.N. (1990), *Russkiy gorod v 1740–1860-e gody: demograficheskoye, sotsial'noye i ekonomicheskoye razvitiye* [Russian city in the 1740–1860s. Demographic, social and economic development], Nauka, Leningrad, Russia.

Moshkova, L.V. (2013), "Karion Istomin's Primer of 1694 as a masterpiece of the author", *Uchebniki detstva: Iz istorii shkol'noy knigi VII–XXI vekov* [Textbooks of childhood. From the history of school books of the 7th – 21st centuries], RGGU, Moscow, Russia, vol. 3, pp. 58–67.

Nemirovskii, Ye.L. (2015), *Azbuki Ivana Fedorova, yego uchenikov i posledovateley* [Primer books of Ivan Fedorov, his disciples and followers], SNEG, Pyatigorsk, Russia.

Okenfuss, M.J. (1980), *The discovery of childhood in Russia. The evidence of the Slavic primer*, Oriental Research Partners, Newtonville, Mass., Canada.

Porozov, R.Yu. (2016), *Kul'turno-obrazovatel'noye prostranstvo goroda: teoretiko-kul'turologicheskiy analiz* [Cultural and educational space of the city. Theoretical and cultural analysis], Izdatel'stvo UMTS UPI, Yekaterinburg, Russia.

Savel'yeva, M.Yu. (2016), "Figural letters of Karion Istomin's illuminated ABC-books and the Western European tradition of figural alphabets. Entertaining, teaching, and edifying", *Aktual'nyye problemy teorii i istorii iskusstva*, no. 6, pp. 288–298.

Schulman, B.J .(1991), *From Cotton Belt to Sunbelt. Federal policy, economic development, and the transformation of the South, 1938–1980*. Oxford University Press, New York, Oxford, USA, UK.

Shevelev, A.N. (2008), *Obrazovatel'naya urbanistika: metodologicheskiye aspekty izucheniya shkol'noy sredy peterburgskikh dorevolyutsionnykh uchebnykh zavedeniy, Sankt-Peterburgskaya akad. postdiplomnogo ped. obrazovaniya* [Educational urban studies. Methodological aspects of studying the school environment of St. Petersburg pre-revolutionary educational institutions], Saint-Petersburg, Russia.

Shustova, Yu.E. (2008), "The image of the Tzar' power in the poetical and heraldic compositions of the printed book of the Moscow State in the second half of the 17th century", *Trudy "Russkoy antropologicheskoy shkoly"*, vol. 5, pp. 454–495.

Shustova, Yu.E. (2012), "Symbols of the heart in the publications of the printing house of the Lviv brotherhood of the 17th – 18th centuries", in *Istoriya relihiy v Ukrayini: Naukovyy shchorichnyk*, Lohos, L'viv, Ukraine, book 1, part 1, pp. 216–241.

Shustova, Yu.E. (2013), "Image of the Assumption Church in the Printing House of the Lviv Stavropigian Brotherhood of the 17th – 18th centuries", in *Shestyye vserossiyskiye krayevedcheskiye chteniya* [Sixth all-Russian local history conference], Moscow, Mozhaisk, 2012, June 1–2, pp. 397–406.

Shustova, Yu.E. (2015), "The symbolism of the heart in the emblematic text of the Lviv Apostle in 1666", *RSUH/RGGU bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series,* vol. 152, no. 9, pp. 123–131.

Shustova, Yu.E. (2010), "Alphabet in printed Cyrillic Primers of the South Slavic and East Slavic traditions in the 16th – early 18th centuries", in *Ocherki feodal'noy Rossii* [Essays on feudal Russia], Al'yans-Arkheo, Moscow, Saint-Petersburg, Russia, vol. 14, pp. 402–496.

Simmel, G. (2002), "Die Großstädte und das Geistesleben", *Logos,* vol. 34, no. 3–4, pp. 1–12.

Tendryakova, M.V. and Bezrogov, V.G. (eds.) (2015), *"V Rossii nado zhit po knige": nachalnoye obuchenie chteniyu I pismu (stanovlenie uchebnoy knigi v XVI–XIX vv.* ["In Russia one is to live by the book": elementary education in reading and writing (the formation of the educational book in 16th – 19th centuries)], Pamyatniki ist. mysli, Moscow, Russia.

Tikhomirov, M.N. (1956), *Drevnerusskiye goroda* [Ancient Russian cities], Gospolitizdat, Moscow, Russia.

Uspenskii, B.A. (1996), "Perception of history in Ancient Russia and the doctrine 'Moscow-Third Rome' ", in Uspenskii B.A. *Izbrannyye Trudy* [Selected works], Shkola "Yazyki russkoi kul'tury", Moscow, Russia, vol. 1, pp. 83–123.

Yastrebitzkaya, A.L. (1993), *Evropeyski gorod (Srednie veka – rannee Novoe vremya): Vvedenie v sovremennuyu urbanistiku* [A European city (Middle age – early Modern epoch). An introduction into contemporary urbanism], INION, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Юлия Э. Шустова, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Российская государственная библиотека, Москва, Россия; 119019, Россия, Москва, ул. Воздвиженка, д. 3/5; shustova@yandex.ru

Information about the author

Yuliya E. Shustova, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Rusia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Russian State Library, Moscow, Russia; bld. 3/5, Vozdvizhenka St., Moscow, Russia, 119019; shustova@yandex.ru

УДК 929
DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-136-146

Историософские предпосылки складывания культа вождя в советских биографиях В.И. Ленина 1924–1956 гг.

Елена В. Барышева
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, barysheva.ev@gmail.com

Дмитрий В. Морозов
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, lzedmitryi@yandex.ru

Аннотация. Авторы статьи предпринимают попытку проанализировать на основе теории исторического нарратива Хейдена Уайта предпосылки становления культа личности вождя в биографической литературе о В.И. Ленине, изданной с 1924 по 1956 г. Скелетом этих жизнеописаний является сюжет, подразумевающий существование, с одной стороны, непреложных законов исторического развития, которым вынуждено подчиняться человечество, и с другой – индивида, способного через горечь поражений познать эти законы и поставить их себе на службу. Объяснение фактов исторического нарратива о жизни и деятельности профессионального революционера происходит с использованием двух видов формального доказательства: механицизма, делающего акцент на законы исторического развития и роль народных масс в наступлении революции, и органицизма, уделяющего первоочередное внимание самому В.И. Ленину и созданной им партии. В статье делается вывод, что сочленение между собой сюжетов и типов формальных доказательств, воплощенных в жизнеописаниях, становится предпосылкой складывания культа личности. Последний, в свою очередь, подразумевает под собой конструирование образа человека, проявляющего набор качеств, достаточный для радикального изменения окружающей реальности, согласно доминирующей в историко-партийной историографии концепции исторического развития.

Ключевые слова: историография, биография, культ личности, Владимир Ильич Ленин, Хейден Уайт

© Барышева Е.В., Морозов Д.В., 2021

Для цитирования: Барышева Е.В., Морозов Д.В. Историософские предпосылки складывания культа вождя в советских биографиях В.И. Ленина 1924–1956 гг. // История и архивы. 2021. № 3. С. 136–146. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-136-146

Historiosophical prerequisites for the formation of the cult of personality in the biographies of V.I. Lenin 1924–1956

Elena V. Barysheva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, barysheva.ev@gmail.com

Dmitriy V. Morozov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, lzedmitryi@yandex.ru

Abstract. The authors make an attempt to analyse on the basis of Hayden White's theory of historical narrative historiosophical prerequisites for the formation of the cult of personality in the soviet biographies of V.I. Lenin published in 1924–1956. The basis of texts is a plot structure, implying, on the one hand, the existence of immutable laws of historical development, which humanity is forced to obey, and, on the other, a person who is able to learn them through the bitterness of defeats and put them at his service. The explanation of the facts of the historical narrative takes place by using two types of formal argument: Mechanism, which emphasizes the laws of historical development and the role of the masses in the historical process, and organicism, which gives high priority to V.I. Lenin himself and the party he created. The authors conclude that the articulation of the plot structure and types of formal argument embodied in the biographies becomes a prerequisite for the formation of the cult of personality. The latter implies the construction of an image of a person capable of transforming the reality, according to the concept of historical development that dominates in the party political historiography.

Keywords: historiography, biography, cult of personality, Vladimir Ilyich Lenin, Hayden White

For citation: Barysheva, E.V. and Morozov, D.V. (2021), "Historiosophical prerequisites for the formation of the cult of personality in the biographies of V.I. Lenin 1924–1956", *History and Archives*, no. 3, pp. 136–146, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-136-146

Введение

Биографии В.И. Ленина, написанные в первые два десятилетия после смерти вождя, представляют собой уникальные образцы жизнеописаний. Тексты этого времени отражают теоретико-методологическое и институциональное становление историко-партийной историографии, процесс конструирования революционного пантеона, а также ход политической борьбы внутри РКП(б) – ВКП(б). Советские ученые, будучи представителями позитивистской парадигмы историописания, достигли больших успехов в изучении предметных сторон очерков: соответствие текстов научным стандартам, фактографическая точность, влияние «Краткого курса истории ВКП(б)» [Баженов 1976; Баженов 1977; Иллерицкая 1985; Савицкая 1971]. Достижения отечественной историографии позволяют сегодня затронуть проблему культа личности в биографиях В.И. Ленина. Какие факторы способствовали возникновению героического образа профессионального революционера? Для ответа на этот вопрос мы, используя теорию исторического нарратива Х. Уайта, обратимся к анализу типов построения сюжета и формальных доказательств, реализуемых в жизнеописаниях.

Объяснение посредством построения сюжета

Тип построения сюжета исторического произведения воплощает собой взаимоотношения между, с одной стороны, обществом или индивидом и, с другой стороны, закономерностями социального развития. Скелетом всех биографий, изданных в 1920–1940-е гг., является историософская концепция К. Маркса. В основе этого учения, по мнению Х. Уайта, лежит сюжет, предполагающий полное подчинение людей силам, действующим в социальных и естественных мирах. Но в конечном итоге человечество сможет достигнуть примирения с самим собой и с природой «посредством трагических конфликтов, которые, кажется, сами по себе не предполагают ничего, кроме утешения философским пониманием их благородства» [Уайт 2002, с. 377]. Х. Уайт пишет: «...Если люди действительно героичны в своих устремлениях, то через свои провалы и поражения они могут способствовать человеческому познанию законов, управляющих как природой, так и историей. Знание же таких законов обеспечивает основу человеческого преодоления тех ограничений, которые эти законы накладывают на человечество» [Уайт 2002, с. 378].

Для завязки сюжета, т. е. для создания основного конфликта биографий, авторы в начале очерков анализируют экономическое

развитие и социальные порядки дореволюционной России или пишут о казни брата В.И. Ленина – Александра[1]. История жизни В.И. Ленина – это история освобождения российских рабочих и крестьян (шире – всего человечества) и поиска истинных способов познания окружающего мира. На протяжении всего повествования профессиональный революционер терпит многочисленные и, как кажется внешне, сокрушительные поражения от своих политических оппонентов. Но в конечном итоге жизнь В.И. Ленина подходит к финалу: накопив достаточный багаж знаний и объединив своих сторонников в единую партию, он совершает Октябрьскую революцию, доказав на практике правильность идей «научного социализма». Главными субъектами исторического процесса в биографиях становятся сам вождь, а также весь спектр противостоящих ему оппортунистических течений. Народные массы становятся объектом борьбы между этими двумя политическими силами. «Царизм» представляет собой скорее статичное пространство, в рамках которого развертываются события из жизни профессионального революционера.

Данный сюжет воплощается в той или иной степени во всех рассмотренных очерках. Но объяснение этого сюжета, т. е. создание связи между фактами в историческом нарративе, подразумевает под собой использование двух конфликтующих способов формального доказательства.

Объяснение посредством формального доказательства

В рамках механицистской аргументации авторы рассматривают действия отдельного индивида как результат проявления некой силы и обращаются, прежде всего, «к поиску причинных законов, определяющих последствия процессов, открытых в историческом поле» [Уайт 2002, с. 36]. Иными словами, в очерках конституиру-

[1] См., например: *Гагарин А.П.* Рабочий класс, наша партия и тов. Ленин. Смоленск, 1924. С. 3–5; *Зеликсон-Бобровская Ц.С.* Краткий очерк жизни В.И. Ленина в годы царизма. М., 1934. С. 4–6; *Карпинский В.А.* Что заповедовал нам Ленин своей жизнью, работой и учением: жизнеописание великого вождя, составленное для крестьян и рабочих В. Карпинским: с приложением избранных мест из речей и статей Ленина. М.; Л., 1924. С. 14; *Керженцев П.М.* Жизнь Ленина. 2-е изд. М., 1935. С. 11–12; Ленин Владимир Ильич: Краткий очерк жизни и деятельности. М., 1942. С. 4–6; *Лепешинский П.Н.* Жизненный путь Ильича, Л., 1925. С. 10; *Ярославский Е.М.* Биография В.И. Ленина. М., 1940. С. 6–8. 11, 13; *Ярославский Е.М.* Жизнь и работа В.И. Ленина. 3-е изд. Л., 1925. С. 21–22.

ется зависимость В.И. Ленина от марксистского учения, что придает фундаментальный, неслучайный характер действиям вождя, его партии и советской власти в целом. Исследователи для этого очерчивают круг закономерностей – пересказывают одну или несколько ленинских работ, включают в текст краткий реферат марксистского учения или же его вольную интерпретацию[2]. В биографиях для придания более внушительного статуса может указываться, что идеи К. Маркса и В.И. Ленина обладают научным статусом[3] и тем самым объективно отражают существующую реальность. Но обращение к «научности» является скорее риторическим приемом, призванным подчеркнуть несостоятельность оппонентов В.И. Ленина. Прежде всего, исследователи в своих построениях делают акцент на провал предшествующего революционного движения и практическую применимость самого марксизма[4]. Так как законы социального развития являются непреложными, то и В.И. Ленин воплощает собой единственно верное решение революционной проблемы. Механицизм при этом невольно принижает историческое значение профессионального революционера, делая акцент на том, что В.И. Ленин лишь помогает идти «правильной дорогой по пути, завещанному нам Марксом и Энгельсом – творцами научного социализма»[5]: профессиональный революционер проверяет «правильность учения на практике»[6].

Данная объяснительная стратегия также подразумевает изложение широкого общеисторического фона и создание неразрывной связи между народными массами и В.И. Лениным. Последний становится «лучшим выразителем и вождем той 30-летней эпохи нашей страны»[7]: «личности истории не творят: история есть история масс. Тов. Ленин не выдумал революции и не сочинил Коммунистичес-

---

[2] См., например: *Зиновьев Г.Е.* В.И. Ленин. М., 1924. С. 6, 8; *Каменев Л.Б.* Ленин и его партия, М.; Л., 1924. С. 10–14; *Ярославский Е.М.* Биография В.И. Ленина. С. 14–18; *Ярославский Е.М.* Жизнь и работа В.И. Ленина. С. 30–34.

[3] См., например: *Зеликсон-Бобровская Ц.С.* Указ. соч. С. 8–9; *Зиновьев Г.Е.* Указ соч. С. 11; *Керженцев П.М.* Указ. соч. С. 16; *Ярославский Е.М.* Биография В.И. Ленина. С. 14, 32–33; Ленин Владимир Ильич: Краткая биография. М., 1955. С. 38, 41, 60, 79, 107 и др.

[4] См., например: *Гагарин А.П.* Указ. соч. С. 5; *Каменев Л.Б.* Указ. соч. С. 7; *Керженцев П.М.* Указ. соч. С. 12; Ленин Владимир Ильич: Краткий очерк жизни и деятельности. С. 18–20.

[5] *Ярославский Е.М.* Жизнь и работа В.И. Ленина. С. 80.

[6] Там же. С. 161.

[7] *Ульянова-Елизарова А.И.* В.И. Ульянов (Н. Ленин): Краткий очерк жизни и деятельности. М., 1931. С. 92.

кой партии. Но именно тем-то и значителен был т. Ленин, что он весь в массах и с массами»[8]. Неслучайно Н.К. Крупская, рассуждая о принципах написания биографии В.И. Ленина, настаивала на том, что в очерках обязательно должен быть дан исторический фон: «Если не сказано о корнях и возможностях революционного движения 70-х и 80-х годов, неясно будет, как это движение влияло на Ильича... Если не сказать о развитии промышленности в 90-х годах, будет непонятен успех стачечного движения 90-х годов»[9].

Но марксистское учение, или, если быть точным, устоявшееся о нем представление у создателей биографий, не содержит в себе конкретного описания того, каким образом В.И. Ленин должен одержать историческую победу. Для заполнения этой смысловой лакуны в текстах активно используется органицистская аргументация. Суть последней заключается в изображении некоего центрального процесса, вокруг которого кристаллизуются все факты исторического нарратива, а также идей или принципов, которые намечают конечный итог этого процесса. Данная стратегия объяснения, в отличие от механицистской, более индуктивна: эти идеи или принципы не являются законами исторических процессов, «когда термин “законы” сконструирован в смысле универсальных и инвариативных причинных взаимосвязей» [Уайт 2002, с. 35]. В биографиях В.И. Ленина этим центральным процессом является создание и сплочение РСДРП, а основная идея сводится к тому, что успех пролетарской революции зависит не столько от законов социального развития (и, соответственно, действий масс), сколько от самого В.И. Ленина и возглавляемой им партии.

«Культ личности противоречит всему духу марксизма, духу научного социализма. Не личность является первоисточником, творческим началом исторического процесса, а развитие производительных сил... В личности, в ее идеях, в ее творчестве лишь выявляются те силы, которые по существу своему стихийны и стоят вне воли человека <...> Отдельное же лицо – получает значение и приобретает интерес постольку, поскольку оно является членом коллектива»,[10] – пишет М.С. Ольминский, анализируя фигуру вождя. Почему же авторы биографических очерков, несмотря на это, активно прибегали к созданию героического ореола В.И. Ленина?

---

[8] *Ходоровский И.И.* В.И. Ленин, великий вождь и учитель трудящихся: популярный очерк для рабочих и крестьян. Ростов н/Д., 1925. С. 27.

[9] Новые документы Н.К. Крупской о жизни и деятельности В.И. Ленина // Вопросы истории КПСС. 1964. № 2. С. 67.

[10] *Ольминский М.С.* Тов. Ленин // Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 24.

По мнению Л.А. Сидоровой, возникновение образов героя в историко-партийной историографии является следствием конструирования исторического мифа. Последний «характеризуется отказом от критического анализа события или деятельности лица, вокруг которых создается миф, гиперболизацией положительных или отрицательных их черт, что приводит к искажениям в отображении исторического прошлого и его деятелей. Вместе с тем исторический миф содержит в себе и реальные исторические факты. Причины конструирования мифов могли варьироваться (от искренней увлеченности до откровенной конъюнктуры), но их результатом всегда становилось искажение прошлого» [Сидорова 2019, с. 289]. Стремление историков-марксистов выполнить свой партийный долг [Сидорова 2019, с. 289], «обаяние коммунистической идеи и постепенно укреплявшаяся на протяжении второй половины 1920–1930-х гг. догматическая модель использования марксистской парадигмы исследований способствовали активному участию молодых историков-марксистов в создании мифов или их элементов в советской исторической науке» [Сидорова 2019, с. 296].

Помимо политических факторов, можно выделить и историософские предпосылки складывания культа вождей. Авторы биографий имплицитно стояли перед сложной задачей – объяснить, каким образом В.И. Ленин пришел к власти, используя идеи «научного социализма». В результате исследователи невольно прибегают к мифологизации: судьба Октябрьской революции в том виде, в каком ее знали современники, зависит не столько от марксистских законов социального развития, сколько от самого вождя. Его фигура становится «смычкой» между абстрактными законами социального развития (предпосылки) и Октябрьской революцией, произошедшей в конкретное время и в конкретных исторических условиях (следствие).

Органицистская аргументация направлена на создание образа человека, способного, по меткому выражению П.Н. Лепешинского, к «штурму неба»[11], т. е. к радикальному изменению окружающего мира целесообразно советскому проекту социального развития (вне зависимости от того, как их понимают последний сами авторы биографических очерков). Это приводит к неизбежной гиперболизации личных черт В.И. Ленина. Огромный ум, организаторский талант, принципиальность и вера в победу, – все это в конечном итоге позволило вождю создать РСДРП, сплотить ее в годы реакции и преодолеть препятствия, лежащие на пути к пролетарской революции.

Ряд качеств В.И. Ленина также направлен на приспособление механистической теории к конкретной исторической реальности.

[11] См.: *Лепешинский П.Н.* Указ. соч. С. 56–57.

Авторы наделяют его монопольным правом творчески развивать марксизм[12], подчеркивают умение сочетать глубокую революционную теорию с обширной революционной практикой[13] и обнаруживают в нем способность «подходить ко всякому вопросу диалектически, как по духу учения Карла Маркса... ибо всякий вопрос в различной обстановке, в разное время и при различном соотношении сил приходится решать различно»[14]. Н.К. Крупская считала, что стержнем биографии В.И. Ленина должно стать умение диалектически развить «основные идеи»: «На каждом последующем этапе он глубже развивал те же идеи, но брал их в новых связях и опосредованиях. Неподготовленному читателю казалось, что Ильич совсем по-новому ставит вопрос, а вопрос по существу развивался в том же направлении, что и раньше, только брался в более сложной, новой обстановке»[15]. Аналогично рассуждал и В.В. Адоратский: «В истории развития Ленина и его деятельности должна быть показана диалектика этого развития»[16].

Органицизм, кристаллизуя исторический нарратив вокруг строительства РСДРП, требует от авторов жизнеописаний как знания основных вех революционного движения, так и знакомства с основными трудами В.И. Ленина. В 1920-е гг. общепризнанный набор фактов и событий о жизни вождя еще только формировался, поэтому очерки основывались пока еще на крайне узкой источниковой базе, которая начинала создаваться силами Института В.И. Ленина[17] [Мосолов 2010, с. 113–125]. Но, несмотря на это, уже во многих ранних биографиях В.И. Ленина прослеживается знакомство исследователей с его идейным наследием (отношение

---

[12] См., например: *Зеликсон-Бобровская Ц.С.* Указ. соч. С. 12; Ленин Владимир Ильич: Краткий очерк жизни и деятельности. С. 48, 77, 85–88, 295–296. *Керженцев П.М.* Указ. соч. С. 44–46, 122–123, 179–180, 182, 209, 292, 304–305; *Сорин В.* В.И. Ленин: 1870–1924: Краткая биография. М.; Л., 1931. С. 121; *Ульянова-Елизарова А.И.* Указ. соч. С. 93–94.

[13] См., например: *Зеликсон-Бобровская Ц.С.* Указ. соч. С. 19; Керженцев П.М. Указ. соч. С. 20, 24, 57; Ленин Владимир Ильич: Краткая биография. С. 18–21, 26, 34, 40, 108–109; Ходоровский И.И. Указ. соч. С. 26–28.

[14] *Ульянова-Елизарова А.И.* Указ. соч. С. 94.

[15] Новые документы Н.К. Крупской о жизни и деятельности В.И. Ленина // Вопросы истории КПСС. 1964. № 2. С. 69.

[16] *Адоратский В.В.* Воспоминания о Ленине. М., 1933. С. 6.

[17] Институт В.И. Ленина (1923–1931) занимался сбором, хранением информации о жизни и деятельности В.И. Ленина, публикацией его работ. В 1931 г. данное учреждение было объединено с Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса в единый Институт Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б).

большевиков к крестьянскому и национальному вопросам; роль народных масс в управлении государством и др.). Представление о том, что ленинизм представляет собой развитие марксистского учения в эпоху империализма, уже было четко сформулировано в очерках тех лет: «Величайшая заслуга Ленина заключается в том, что он это учение Маркса сумел на практике приложить не только в России, но и указать путь приложения этого учения Маркса рабочим всех стран»[18].

В 1930-х гг. авторы, в первую очередь благодаря собирательской и публикаторской деятельности Института Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б), приступают к полноценной реконструкции жизни и деятельности В.И. Ленина. Исследователи в своих очерках все чаще акцентируют внимание на творческий, самостоятельный характер разработки марксизма вождем. Особенно это видно на примере биографий, написанных Е.М. Ярославским в 1930–1940-х гг. В тексте, опубликованном в 1934 г., автор, описывая работу В.И. Ленина над трудом «Развитие капитализма в России», скромно указывает, что «эта книга была не единственной работой Ленина в ссылке. Его статьи печатались также в подпольных изданиях того времени за границей»[19]. В редакции же от 1940 г. Е.М. Ярославский посчитал необходимым вставить дополнительное упоминание о том, что «не было ни одного вопроса, связанного с задачами борьбы русской и международной социал-демократии, на которые бы не откликался Владимир Ильич <...> “Особенно необходима, – писал Ленин, – самостоятельная разработка теории Маркса”»[20].

В биографии, изданной в 1942 г. Институтом Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б), указывается, что учение К. Маркса способно объяснить развитие лишь «восходящего», доимпериалистического капитализма, в то время как «нисходящий», империалистический капитализм начала XX в. следует трактовать исходя из новой формулы, открытой самим В.И. Лениным[21]. Более того, обращение исключительно к К. Марксу и Ф. Энгельсу для объяснения современной социально-экономической и политической реальности становится занятием догматиков и врагов марксизма[22]. Такие суждения косвенно лишают учение К. Маркса универсального и всеобъемлющего характера. Все это приводит к возрастанию

---

[18] *Ярославский Е.М.* Жизнь и работа В.И. Ленина. С. 180.

[19] *Ярославский Е.М.* Биография Ленина. М. 1934. С. 36.

[20] *Ярославский Е.М.* Биография Ленина. М. 1940. С. 34.

[21] См: Ленин Владимир Ильич: Краткий очерк жизни и деятельности. С. 160.

[22] Там же.

удельного веса органицистской аргументации в жизнеописаниях и превращает В.И. Ленина, прежде зависимого от учения К. Маркса, в полноценного законодателя социальных законов.

Заключение

Таким образом, культ личности подразумевает под собой создание образа человека, умеющего радикально менять окружающую реальность согласно главенствующей концепции спекулятивной философии истории. Героизация профессионального революционера неизбежно наступает в результате приложения постулатов марксистского учения к конкретной исторической реальности. Предпосылкой складывания культа является объединение сюжета с не соответствующими ему видами формальных доказательств – механицизмом и органицизмом. В рамках первой стратегии объяснения исследователи очерчивают круг существующих в историческом нарративе законов, помещают В.И. Ленина в широкий общеисторический фон и стремятся создать в той или иной форме неразрывную связь между народными массами и профессиональным революционером. Используя второй подход к аргументации, авторы жизнеописаний гиперболизируют личные качества вождя и наделяют его монопольным правом творчески развивать марксизм.

Литература

Баженов 1976 – *Баженов В.В.* Из истории разработки научной биографии В.И. Ленина: 1917 г. – середина 30-х годов XX в. // История и историки: историографический ежегодник. 1974. М.: Наука, 1976. С. 35–61.

Баженов 1977 – *Баженов В.В.* Биографические исследования в советской историографии: 1917 – середина 1930-х гг. // Исторические записки. Т. 98. М.: Наука, 1977. С. 238–256.

Иллерицкая 1985 – *Иллерицкая Н.В.* Разработка Ем. Ярославским биографии В.И. Ленина // История и историки: историографический ежегодник. 1981. М.: Наука, 1985. С. 165–184.

Мосолов 2010 – *Мосолов В.Г.* ИМЭЛ – цитадель партийной ортодоксии: из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1921–1956. М.: Новый хронограф, 2010. 299 с.

Савицкая 1971 – *Савицкая Р.М.* Разработка научной биографии В.И. Ленина // Вопросы истории. 1971. № 4. С. 3–19.

Сидорова 2019 – *Сидорова Л.А.* Миф в советской исторической науке: генерационный аспект // Преподаватель: XXI век. 2019. № 1–2. С. 288–297.

Уайт 2002 – *Уайт Х.* Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002. 528 с.

References

Bazhenov, V.V. (1976), "From the history of the development of the scientific biography of V. I. Lenin. 1917 – mid-30s of the 20th century], in *Istoriya i istoriki: istoriograficheskii ezhegodnik* 1974 [History and historians. A historiographical yearbook, 1974], Nauka, Moscow, Russia, pp. 35–61.

Bazhenov, V.V. (1977), "Biographical studies in Soviet Historiography: 1917 – mid-1930s.", in *Istoricheskie zapiski*. T. 98 [Historical notes, vol. 98], Nauka, Moscow, Russia, pp. 238–256.

Illeritskaya, N.V. (1985), "Development of the biography of B. I. Lenin by E. Yaroslavsky", in *Istoriya i istoriki: istoriograficheskii ezhegodnik*. 1981 [History and historians. A historiographical yearbook, 1981], Nauka, Moscow, Russia, pp. 165–184.

Mosolov, V.G. (2010), *IMEL – tsitadel' partiinoi ortodoksii: iz istorii Instituta marksizma-leninizma pri TsK KPSS* [IMEL – the citadel of the party Orthodoxy. From the History of the Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU], Novyi khronograf, Moscow, Russia.

Savitskaya, R. M. (1971), "Development of a scientific biography of V.I. Lenin", *Voprosy istorii*, vol. 4, pp. 3–19.

Sidorova, L.A. (2019), "Myth in Soviet Historical Science: Generational aspect", *Prepodavatel' XXI vek*, vol. 1–2, pp. 288–297.

White, H. (2002), *Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka*. [Metahistory. The historical imagination in 19th century Europe], Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Ekaterinburg, Russia.

Информация об авторах

Елена В. Барышева, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; barysheva.ev@gmail.com

Дмитрий В. Морозов, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; lzedmitryi@yandex.ru

Information about the authors

Elena V. Barysheva, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; barysheva.ev@gmail.com

Dmitriy V. Morozov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; lzedmitryi@yandex.ru

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика

УДК 005.923.21
DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-147-159

История создания и деятельности Комиссии по документалистике

Наталия Г. Суровцева

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, surovtseva.n@rggu.ru

Аннотация. В статье рассматривается история создания и деятельности Комиссии по документалистике, которая функционировала в 1960–1980-е гг. в рамках Научного совета по комплексной проблеме «Кибернетика». Деятельность Комиссии связана с формированием документалистики как самостоятельной научной дисциплины, объектом которой являются большие документальные системы, вопросы применения новых технологий в процессах сбора, обработки, поиска, хранения и использования информации. Основное внимание автор обращает на трансформацию направлений научных исследований Комиссии на протяжении всего периода ее существования. В первые годы работы Комиссии доминировали вопросы классифицирования информации, использования новых технологических решений в работе с документами (перфокарты и микрофоторепродуцирование). Расцвет деятельности Комиссии связан с работой по созданию унифицированных систем документации и общесоюзных классификаторов информации для автоматизированных систем управления. Междисциплинарный характер деятельности Комиссии наложил отпечаток на формирование предмета документалистики и организационную форму ее существования. Несмотря на то, что к концу 1980-х гг. Комиссия по документалистике фактически перестала существовать, документалистика как научное направление оказала огромное влияние на развитие отечественного документоведения и архивоведения.

Ключевые слова: документ, информационный подход к документу, документоведение, документалистика, Комиссия по документалистике, Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика»

Для цитирования: Суровцева Н.Г. История создания и деятельности Комиссии по документалистике // История и архивы, 2021. № 3. С. 147–159. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-147-159

© Суровцева Н.Г., 2021

History and operation of the Documentalistics Commission

Nataliya G. Surovtseva
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
surovtseva.n@rggu.ru

Abstract. The article deals with the history of the creation and activity of the Documentalistics Commission which functioned between the 1960s and 1980s under the Scientific Council on the Complex Problem of Cybernetics. The Commission's activities are related to the formation of documentalistics as an independent scientific discipline, its object is presented by large documentary systems, the use of new technologies in the processes of collecting, processing, searching, storing and using information. The author focuses on the transformation of the Commission's research directions throughout the entire period of its existence. In the first years of the Commission's work, the issues of the information classification and the use of new technological solutions in working with documents (punch cards and microphotoreproduction) were prevalent. The heyday of the Commission's activities is associated with the work on the creation of the unified documentation systems and all-Union classifiers of information for the automated control systems. The interdisciplinary nature of the Commission's activities influenced the subject of documentalistics and the organizational form of its existence. Despite the fact that by the end of the 1980s the Documentalistics Commission had virtually ceased to exist, documentalistics as a scientific direction had a huge impact on the development of records management and archival studies in Russia.

Keywords: document, information approach to the document, document science, documentalistics, Documentalistics Commission, Scientific Council on the Complex Problem of Cybernetics

For citation: Surovtseva, N.G. (2021), «History and operation of the Documentalistics Commission», *History and Archives,* no. 3, pp. 147–159, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-147-159

Документалистика

На протяжении почти полувека с этой научной дисциплины начинается название научной специальности 05.25.02 «Документалистика, документоведение и архивоведение». И это неслучайно. Именно в период расцвета документалистики, когда ее научный потенциал находился в наивысшей точке развития и оказывал значительное влияние на изучение информации и документа во всех

сферах деятельности, было принято обоснованное решение о необходимости выделения документоведения и архивоведения в качестве самостоятельной научной специальности. Методологические решения, которые были выработаны документалистикой относительно информационной природы документа, развития документальных информационных систем, автоматизации управленческой деятельности, оказали непосредственное влияние на практику работы с документами и до сих пор составляют основу теории современного документоведения [Ларин 2021]. Поэтому вопрос о становлении документалистики, истории ее развития, предмете исследования, организационной форме, через которую осуществлялась апробация научных исследований, является актуальным как с точки зрения истории науки, так и с позиции ее методологического влияния на отечественное архивоведение и документоведение во второй половине XX в.

Документалистику как научную дисциплину целесообразно изучать в тесной связи с деятельностью Комиссии по документалистике (далее – Комиссия), которая осуществлялась в рамках масштабного научно-исследовательского проекта АН СССР Научного совета по комплексной проблеме «Кибернетика» (далее – Совет), созданного в 1961 г. при Президиуме АН СССР по решению ЦК КПСС и СМ СССР[1] на правах научно-исследовательского института. Этот мегапроект советской науки в области различных проблем, связанных с информацией, заслуживает отдельного исследования. Для нас важно отметить, что документалистика являлась одним из результатов научной деятельности Совета и была теснейшим образом связана с его проблематикой. Документы по деятельности Научного Совета за 1959–2004 гг. хранятся в фонде 1807 Архива РАН. Именно в нем мы обнаружили различные материалы по деятельности Комиссии по документалистике [Суровцева 2020а], которые легли в основу данного исследования. Комиссия вела активную работу по популяризации документалистики как направления научных исследований и по привлечению широкого круга специалистов, связанных с разработкой, эксплуатацией и использованием средств вычислительной техники, преподавателей, научных работников к развитию данной проблематики. Активная научно-просветительская деятельность Комиссии проявилась в проведении многочисленных симпозиумов, совещаний, научных школ, изданные материалы которых, а также текущие информаци-

[1] Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 03.04.1961 № 299 «О мерах по улучшению координации научно-исследовательских работ в стране и деятельности Академии наук СССР» // СП СССР. 1961. № 7. Ст. 50.

онные бюллетени и публикации по проблемам документалистики также представляют собой достаточно интересный и полный источник по истории документалистики.

Как появилось название «документалистика» и кто впервые употребил термин применительно к названию нового направления научных исследований, трудно установить. С нашей точки зрения, это произошло под влиянием мирового опыта работы с научно-технической информацией. С начала 1960-х гг. А.И. Михайлов, директор ВИНИТИ РАН, являлся активным членом Международной федерации по документации (МФД), и под его руководством отечественные ученые активно участвовали в работе МФД. Главной проблематикой этих исследований был вопрос о классифицировании научно-технической информации. А специалисты, занимающиеся данной проблематикой, называли себя в середине прошлого века «документалистами». Именно они стояли у истоков деятельности Комиссии. Ее председателем был профессор МГУ, доктор технических наук В.В. Налимов. Однако подлинным вдохновителем и руководителем данного научного направления стал Геннадий Григорьевич Воробьев. Именно он увидел огромный потенциал машинной обработки информации для совершенствования управленческой деятельности и стал активно продвигать эти возможности в практику работы предприятий и организаций СССР.

Документалистика возникла как результат научных дискуссий в рамках работы ежемесячного семинара по документалистике, функционирующего при Совете по кибернетике с первого года его существования[2]. Кибернетика – наука о процессах управления в сложных динамических системах, основанных на теоретическом фундаменте математики и логики и применении средств современной автоматики и вычислительной техники[3]. Позиционируя себя как прикладную отрасль кибернетики, документалистика сформировала соответствующий объект исследования – *большие документальные системы*, как определенную категорию информационных систем (АСУ), которые активно внедрялись в практику работы предприятий и обеспечивали сбор, автоматическую обработку, многоаспектный поиск и новые возможности для хранения информации. Поскольку источником информации для таких систем являлись различные категории документов (научно-техническая, конструкторская, организационно-распорядительная документация и пр.), они и получили название документальные. При

[2] Архив РАН. Ф. 1807. Оп. 1. Д. 94. Л. 20.

[3] *Спиркин А.Г. Бирюков Б.В.* Философские проблемы кибернетики // Вопросы философии. 1964. № 9. С. 111–119.

этом в документалистике было принято понимать под «документом» любую и любым способом зафиксированную информацию на любом носителе и любом языке с целью последующего обращения к ней в документальных системах[4].

Следует отметить, что документалистика развивалась одновременно и как практическое направление деятельности, связанное с внедрением и эксплуатацией документальных систем, и как научное направление. В качестве отрасли научного знания помимо объекта она должна была сформировать свой предмет исследования. Его формирование происходило с одной стороны под влиянием практического опыта применения вычислительных систем в управлении, с другой – в контексте развития методологии кибернетики. Это во многом повлияло на определение предметной области документалистики, а в дальнейшем определило ее развитие и трансформацию.

Сначала проблематика документалистики входила в состав основных исследований в области философских проблем кибернетики и касалась вопроса классификации информации: «Информация и классификация – так можно назвать круг методологических вопросов, выдвинутых развитием новой научной дисциплины – документалистики», говорится в отчете Совета за 1964 г.[5]

В конце 1964 г. из философских проблем выделилась самостоятельная секция «Теоретические вопросы организации», которую возглавил Виктор Платонович Боголепов[6], видный военно-морской деятель, контр-адмирал. Во времена хрущевской «оттепели» он увлекся проблемами научной организации труда и последние годы жизни отдал разработке вопросов совершенствования управленческого труда. Ядром секции сразу стала Комиссия по документалистике, которая и сформировала первоначально круг исследований в рамках новой секции.

Уже в 1964 г. практические работы велись в сфере разработки основ теории документальных информационных систем, создания технических средств информационного поиска (устройства для микрофильмирования, магнитные карты, клиссерные перфокарты, перфокартные селекторы и пр.), микрорепродуцирования (съемоч-

---

[4] Документальные системы в управлении: сборник статей / Под ред. Г.Г. Воробьева, М.Г. Гаазе-Рапопорта. М.: Экономика, 1973. С. 3.

[5] Архив РАН. Ф. 1807. Оп. 1. Д. 58. Л. 36–37.

[6] Документы В.П. Боголепова, связанные с его деятельностью в сфере научной организации труда, в том числе в рамках Научного совета по комплексной проблеме «Кибернетика», хранятся в РГАЭ. Ф. 376. «Боголепов Виктор Платонович – специалист по НОТ и проблемам управления народным хозяйством, контр-адмирал. 1898–1974 гг.».

ные, копировальные и читальные аппараты), внедрения перфокартного метода учета в документационную практику и создания электронных справочных устройств[7].

В 1966 г. в Научном совете по инициативе секции было проведено два совещания межведомственной инициативной группы по проблемам микрофоторепродуцирования (апрель 1966 г.) и по вопросу классификации произведений печати и документальных материалов (октябрь 1966 г.). В совещаниях участвовали представители министерств и ведомств (Министерство культуры СССР, Государственный комитет по науке и технике, Главное архивное Управление при СМ СССР, Государственный комитет СМ СССР по печати), научно-исследовательских организаций (ВНИИ стандартизации, ВНИИ информации и технико-экономических исследований по электротехнике, ВНИИДАД), крупнейших библиотек (Государственная библиотека им. В.И. Ленина, ГПНТБ), учреждений высшего образования (МГИАИ, МГИК). Особенное внимание уделялось классифицированию информации. На совещании отмечалось, что возрастание потока документации во всех проявлениях угрожает превратиться из фактора развития науки, производства и общественной жизни в фактор, сковывающий это развитие, поэтому решающее значение в организации современного потока документации, его регулирования и сокращения, а также усовершенствования систем поиска имеет классификация. По итогам совещания было определено, что принципиально возможно и целесообразно ввести Единую государственную систему классификации произведений печати и документальных материалов (патенты, стандарты, кинофотофонодокументы, микрофишы, графические и технические документы, делопроизводственные, архивные, картографические и другие материалы)[8]. Эту работу возглавил Всесоюзный научно-исследовательский институт технической информации, классификации и кодирования (ВНИИКИ), который был специально создан под решение данной задачи в августе 1964 г. при Государственном комитете стандартов, мер и измерительных приборов СССР. В результате документалистика оказалась оттеснена от данного направления исследований, но пространство ее предметной области еще только расширялось. В этот период в составе Комиссии работали группы по следующим направлениям:

– структурный анализ информационных потоков и массивов и разработка критериев их оценки;
– «свертывание» документной информации;

[7] Архив РАН. Ф. 1807. Оп. 1. Д. 50. Л. 31.
[8] Там же. Д. 108. Л. 1–10.

– информационные языки (универсальные и локальные классификации, дескрипторные языки, методы кодирования письменных сообщений);
– теория поиска (эвристическое программирование, поисковые матрицы);
– техническая реализация таблиц с множеством входов (перфокарты, магнитные ленты, оптические карты и ленты, матрицы с распознаванием образов);
– структурный анализ текстов и унификация методов их составления[9].

Таким образом, документалистика сразу начала расширять проблематику исследований, стремясь охватить весь круг вопросов, связанных с обработкой документной информации в автоматизированных системах, а также с использованием средств оргтехники в управлении.

Наибольшего развития документалистика достигла в 1970-х гг. в тесном сотрудничестве с документоведением и архивоведением. В этот период начинается масштабная популяризация документалистики в рамках всесоюзных симпозиумов, научных школ и семинаров. А ведущей тематикой становится разработка унифицированных систем документации (УСД), общероссийских классификаторов (ОК) как информационно-документационного обеспечения АСУ. Новые задачи в области автоматизации управления несколько оттеснили вопросы микрофоторепродуцирования и перфокартного метода учета в работе Комиссии. Эта проблематика осталась в 1960-х гг. Новые задачи открыли новые направления исследований в документалистике:

• методология документационного обеспечения АСУ;
• формализация текстов и матричные системы;
• унификация и стандартизация документных форм и систем;
• специализированные документальные системы и поисковая функция банков данных;
• информационная теория восприятия;
• эффективность документальных систем[10].

В результате в середине 1970-х гг. Комиссия была преобразована в самостоятельную секцию «Документалистика» Научного совета по комплексной проблеме «Кибернетика», председателем которой стал Г.Г. Воробьев. Работа секции разворачивалась в тесном сотрудничестве с документоведами и архивистами ВНИИДАД, а также научными сотрудниками целого ряда НИИ. В секции было создано четыре комиссии по основным направлениям исследований.

[9] Там же. Д. 94. Л. 20–21.
[10] Там же. Д. 404. Л. 84.

Первую из них, «Документационное обеспечение АСУ», возглавил В.Н. Автократов, его заместителем являлась А.Н. Сокова, а ученым секретарем комиссии был назначен В.Д. Банасюкевич. Комиссия «Банки данных» работала под руководством М.Г. Гаазе-Рапопорта, который начинал заниматься автоматизированными системами управления еще вместе с одним из родоначальников отечественной кибернетики А.И. Китовым. Комиссию «Унификация и стандартизация документных форм» возглавлял В.И. Кокорев (ВНИИКИ), а председателем комиссии «Эффективность документальных систем» стал М.Л. Колчинский[11].

Вторая половина 1970-х гг. стала расцветом документалистики. В этот период ведется масштабная разработка унифицированных систем документации и общероссийских классификаторов для АСУ. Уникальность этих разработок заключалась в том, что они не только были поддержаны на государственном уровне и охватывали широкий состав министерств и ведомств, но и осуществлялись в тесном сотрудничестве непосредственных исполнителей благодаря работе секции и ее комиссий. Ежегодные всероссийские симпозиумы, научные школы и конференции, которые проводились секцией, собирали не менее ста участников. Происходил постоянный обмен информацией о новых результатах, достигнутых в рамках работы отдельных научно-исследовательских институтов, и обмен опытом внедрения в организациях на территории всех союзных республик. Такая возможность позволяла в определенной степени преодолеть ведомственную разобщенность при реализации задач по разработке УСД и ОК. Кроме того, стала очевидной потребность в межведомственной и межсистемной интеграции решений в области развития документальных систем. Поэтому в качестве основных направлений исследований секции «Документалистика» на 1981–1985 гг. выдвигаются следующие направления:

- совершенствование и развитие ЕГСД, разработка метода межсистемной интеграции управленческих документов;
- выявление возможностей взаимодействия документальных систем различного функционального назначения;
- унификация и стандартизация документации в области высшего образования;
- унификация документации для системы управления качеством продукции;
- разработка общих принципов стыковки документальных форм и систем разных уровней механизации и автоматизации;

[11] Там же. Л. 147–148.

- разработка методов построения специализированных поисковых систем в общей методологии преобразования этих систем в банки данных;
- изучение опыта разработки специализированных клиринговых систем с целью разработки общей методологии клиринга[12].

В контексте этих задач просматривалась и основная цель документалистики: разработать методологию создания специализированных документальных систем, выполняющих различные функции управления. Межотраслевой характер этой проблемы очевиден, однако возможности ее решения в условиях ведомственной организации управления оказались весьма призрачными.

Развитие научно-технического прогресса и средств автоматизации управления, развитие статистической теории информации и появление нового поколения ЭВМ привели в 1982 г. к реорганизации Научного совета по комплексной проблеме «Кибернетика». В ходе этой реорганизации был значительным образом изменен вектор научных исследований Совета. На заре своего существования отечественная кибернетика рассматривалась как комплексное направление научных исследований, в котором значительное место занимали проблемы, связанные с общественными и гуманитарными науками, с философскими проблемами и методологией кибернетики. И это в значительной степени отличало ее от зарубежных исследований, в которых кибернетика рассматривалась более узко как наука о вычислениях, которая быстро трансформировалась в современную информатику.

В начале 1980-х гг. и в нашей стране кибернетика развернулась в данном направлении: гуманитарное знание в кибернетике было секвестировано, был пересмотрен состав секций и структура Совета. В результате в рамках вновь созданной секции «Информационные проблемы научно-технического прогресса» сохраняется комиссия «Документалистика», но направления ее исследований оказались абсолютно в усеченном, ограниченном объеме: увязать традиционные и автоматизированные системы управления, ручные и машинные формы документов, разработать комплексный подход взаимоувязывания документальных систем с вычислительными и другими системами на основе единой системы информационных параметров, уделяя большое внимание человеческому фактору в этих системах[13]. Такая постановка вопроса практически лишила документалистику предметной области исследований, тем более что наряду с ней в секции работали такие комиссии как «Базы данных НТИ в сетях ЭВМ», «Пакеты прикладных программ и технология

[12] Там же. Л. 225.

[13] Там же. Д. 445. Л. 174–175, 205.

обработки баз данных», «Информационное обеспечение программ развития народного хозяйства». Базовыми организациями для них стали МИФИ и Международный центр научной и технической информации (МЦНТИ). Прежние игроки ушли с поля. Практически оказались свернуты работы по унификации форм документов [Суровцева 2020b], на ведомственном уровне сосредоточилась разработка классификаторов, кибернетика породила целый ряд новых направлений исследований, которые спустя некоторое время стали самостоятельными научными дисциплинами.

Кроме того, в формировании документалистики была очень существенная проблема, которая, на наш взгляд, оказалась решающей для дальнейшего развития документалистики как научного направления. Речь идет о специфике организационной формы ее существования.

Любой научной дисциплине, научной специальности или области для эффективного формирования и развития необходимо обладать двумя составляющими: 1) научное сообщество, обеспечивающее внутреннее предметно-содержательное становление научной области, и 2) административные решения о создании научных заведений, кафедр, исследовательских центров, которые обеспечивают формальную должностную иерархию в научной деятельности и ее финансовую поддержку.

Документалистика сформировалась как научное сообщество, как объединение ученых, которые работали в рамках определенной научной парадигмы[14]. Однако возможность получить формальное закрепление в рамках соответствующей административной структуры документалистика не получила. Комиссия по документалистике никогда не имела своей базовой организации, хотя попытки создать формальную структуру предпринимались на всем протяжении деятельности и Комиссии, и секции по документалистике.

Еще в 1966 г. в отчете Комиссии упоминалось, что, несмотря на сравнительно активное развитие научно-исследовательских работ в области документалистики, они носят разнородный и отрывочный характер и дублируются ведомствами, относящимися к разным сферам документационной деятельности. При этом ни одно из ведомств не желает и не может по финансовым причинам взять на себя комплексное решение проблемы или отдельных ее направлений в масштабах единой системы документационного обеспечения[15].

Создание самостоятельной секции «Документалистика» в Научном совете по комплексной проблеме «Кибернетика» в сере-

[14] *Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2009. 310 с.

[15] Архив РАН. Ф. 1807. Оп. 1. Д. 94. Л. 26.

дине 1970-х гг. также не повлекло за собой организационно-административных решений, которые способствовали бы формированию кадровых, финансовых и материальных условий для развития документалистики как научного направления.

В 1982 г., уже функционируя в составе новой секции «Информационные проблемы научно-технического прогресса», Комиссия по документалистике единственная осталась без базовой организации. По этому поводу в отчете зам. председателя Комиссии А. Колесников отмечал: «В целом деятельность комиссии носила ярко выраженный межотраслевой характер и не могла опираться на какую-либо базовую организацию... На результатах работы комиссии сказывается отсутствие органа, который мог бы быть в составе Государственного комитета по науке и технике СССР и мог бы осуществлять связь между фундаментальной наукой и производством»[16]. Однако организационно-административной основы для научных исследований документалистика в 1980-е гг. так и не получила. Это привело практически к сворачиванию деятельности Комиссии.

Однако междисциплинарный характер документалистики как направления научных исследований на определенном этапе в период трансформации методологии научного познания оказался востребован целым рядом смежных научных дисциплин, к числу которых относятся и документоведение, и архивоведение. Документалистика обогатила их новым инструментарием научных исследований, связанных с использованием информационных систем, внедрением информационных технологий при организации сбора, хранения и поиска информации и документов. В условиях необходимости освоения новой научной парадигмы, каковой, безусловно, являлась кибернетика, документалистика обеспечила объединение усилий исследователей в смежных отраслях научного знания, что повлекло за собой интеграцию наук. Освоив новую методологию, они неизбежно вернулись к своей специализации, к собственному предмету научных исследований [Мингалев, Ларин 2017]. Документалистика сыграла на этом витке развития научного знания о документе свою историческую роль.

[16] Там же. Д. 445. Л. 207.

Литература

Ларин 2021 – *Ларин М.В.* Три источника и три составные части отечественного документоведения // Управление документацией: прошлое, настоящее, будущее: Сборник материалов V Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Т.В. Кузнецовой / Отв. ред. и сост. Ю.М. Кукарина. М.: Термика, 2021. С. 70–83.

Мингалев, Ларин 2017 – *Мингалев В.С., Ларин М.В.* Источниковедение и документоведение в парадигме тенденций интеграции и специализации наук // Творческое наследие А.А. Зимина и современная российская историография: Доклады, статьи и воспоминания. М.: Древлехранилище, 2017. С. 105–122.

Суровцева 2020a – *Суровцева Н.Г.* Архивные документы Комиссии по документалистике как источник по истории документоведения // Документальный источник в историческом исследовании и в исследовании по истории науки: опыт использования, современные проблемы и задачи: к 100-летию со дня рождения А.А. Зимина: Материалы Международной научной конференции. М.: Древлехранилище, 2020. С. 404–412.

Суровцева 2020b – *Суровцева Н.Г.* Унифицированные системы документации: взлет и падение // Документальное наследие и историческая наука: Материалы Уральского историко-архивного форума, посвященного 50-летию историко-архивной специальности в Уральском университете. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 304–311.

References

Larin, M.V. (2021), “Three sources and three components of document science”, in Kukarina, Yu.M. (ed.), *Upravlenie dokumentatsiei: proshloe, nastoyashchee, budushchee: Sbornik materialov V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professora T.V. Kuznetsovoi* [Document management. Past, present, and future], Thermika Press, Moscow, Russia, pp. 70–83.

Mingalev, V.S. and Larin, M.V. (2017), “Source and document studies in the paradigm of trends in integration and specialization of sciences”, *Tvorcheskoe nasledie A.A. Zimina i sovremennaya rossiiskaya istoriografiya. Doklady, stat’i i vospominaniya* [The creative heritage of A.A. Zimin and contemporary Russian historiography], Drevlekhranilishche Press, Moscow, Russia, pp. 105–122.

Surovtseva, N.G. (2020), “Archival documents of the Documentalistics Commission as a source for the history of Documentary Studies”, *Dokumental’nyi istochnik v istoricheskom issledovanii i v issledovanii po istorii nauki: opyt ispol’zovaniya, sovremennye problemy i zadachi: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya A.A. Zimina. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Documentary source in historical research and in research on the history of science. Proceedings of the Ural historical and archival Forum on the 50th anniversary of the historical

and archival specialty at the Ural State University], Drevlekhranilishche Press, Moscow, Russia, pp. 404–412.

Surovtseva, N.G. (2020), "Unified documentation systems: Rise and fall", *Dokumental'noe nasledie i istoricheskaya nauka. Materialy Ural'skogo istoriko-arkhivnogo foruma, posvyashchennogo 50-letiyu istoriko-arkhivnoi spetsial'nosti v Ural'skom universitete* [Documentary heritage and historical science], Ural State University Press, Ekaterinburg, Russia, pp. 304–311.

Информация об авторе

Наталия Г. Суровцева, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; surovtseva.n@rggu.ru

Information about the author

Nataliya G. Surovtseva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; surovtseva.n@rggu.ru

Оформление обложки
М.Е. Заболотникова

Корректор
Ж.П. Григорьева

Компьютерная верстка
М.Е. Заболотникова

Подписано в печать 03.09.2021.
Формат 60×90 1/16.
Уч.-изд. л. 9,0. Усл. печ. л. 10,0.
Тираж 1050 экз. Заказ № 1260

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
Тел. 8(499) 973-42-06